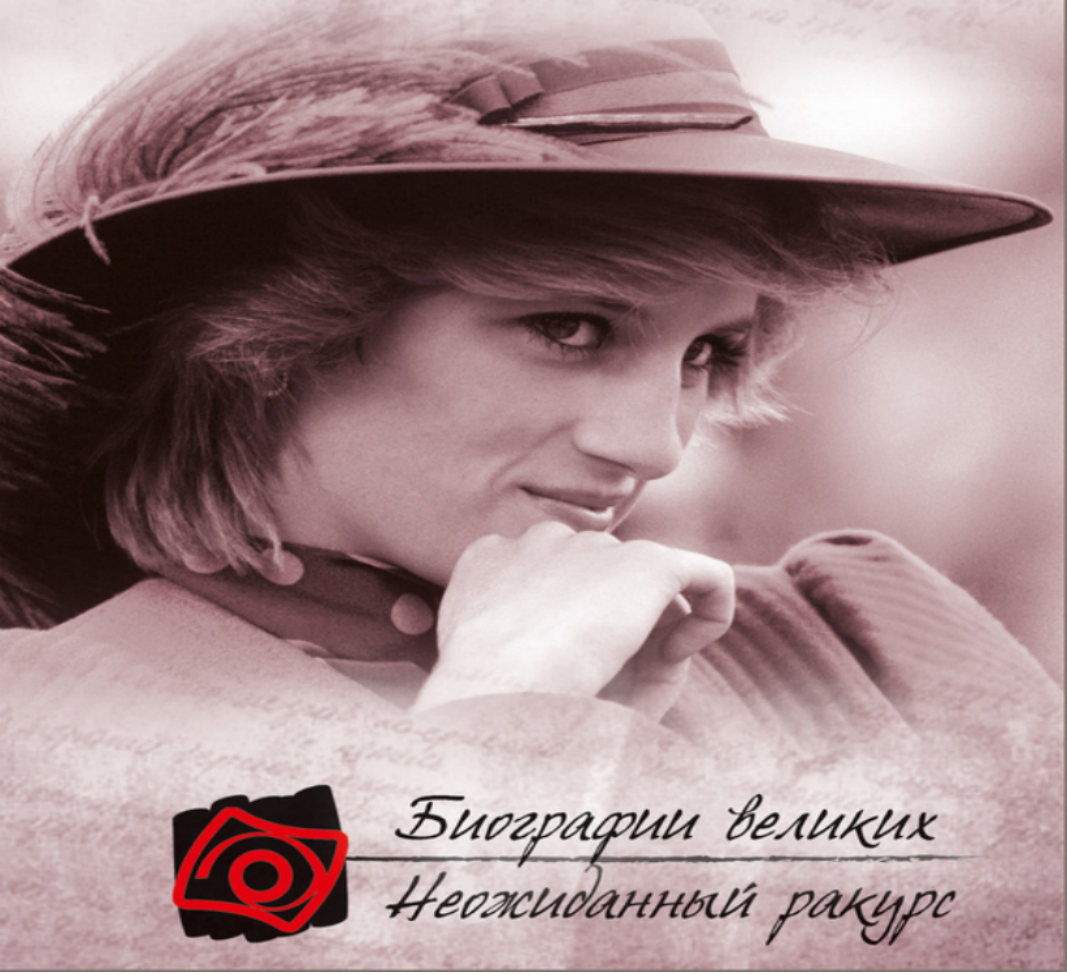
Збигнев Войцеховский

Диана была такой!



Биографии великих
Неожиданный ракурс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Принцесса Диана… Кто только не слышал о ней, об этой чудесной, волшебной, овеянной ореолом славы и всеобщей любви женщине! Английские журналисты и биографы написали о Диане сотни книг. Ими был создан существующий ныне светлый и чистый образ жены принца Чарльза. У польского публициста Збигнева Войцеховского несколько иное представление о принцессе. Не пытаясь очернить Диану, он тем не менее развенчивает многие сложившиеся мифы. При этом автор заверяет, что исследование биографии принцессы основано исключительно на проверенных фактах из ее жизни и свидетельствах близких ей людей. Истина ли это в последней инстанции? Или всего лишь субъективный взгляд автора, предпочитающего красивой сказке суровую правду, — об этом судить читателям.

- Збигнев Войцеховский
  - А по-русски она — стерва
  - Их величество гены
  - Детство: избирательное соучастие
  - «Танцы-минус»
  - Определение цели
  - Куда же вы смотрели, ваши высочества?
  - Рубикон перейден
  - Со своим уставом да в королевский монастырь…
  - Такая простая, веселая, народная…
  - А был ли треугольник?
  - Крах
  - Уж замуж невтерпеж
  - Последняя страсть. От принца к наркоману
  - Мы то, что о нас пишут. Диана и папарацци
  - Умереть, убегая…
  - Литература

Збигнев Войцеховский
Диана была такой!

А по-русски она — стерва

Смерть очень часто говорит о жизни человека гораздо больше, чем сама жизнь.

Принцесса Диана — имя, вошедшее в историю Англии, английской короны и историю всего мира. Имя, которое с дрожью на устах в один день повторяли миллионы. Имя, вдруг расколовшее неравнодушных на две неравные части: первая часть, большая, оплакивала своего кумира, меньшая, вздохнув, вспоминала о божественном правосудии. Эти вздохи не были слышны среди истеричного плача, почти не слышны они и сегодня, когда первые пытаются сделать из погибшей принцессы идола, идеал женственности для почитания.

Но смерть говорит о жизни всякого человека гораздо больше, чем сама жизнь.

Принцесса Диана погибла, убегая. Она убегала от того, что создала: от своей известности и публичности. Погибла, убегая от миллионов глаз, взоров которых так жаждала. Она заявляла, что хочет быть королевой людских сердец, и погибла, убегая от внимания этих самых сердец.

Когда погибают, убегая, много ли в этом чести?

Вряд ли кто-то из тех, кто был живым свидетелем свадьбы принцессы Дианы и принца Чарльза, обратил внимание на скромный автомобиль с зашторенными окошками, неотрывно следовавший за свадебным кортежем серым мышиным хвостиком. Для тех, кто с придыханием следил за церемонией бракосочетания королевской четы по телевидению, этот автомобиль и вовсе остался за кадром.

И это хорошо. И хорошо вдвойне, что этот автомобиль, хотя и исполнил свою миссию, но так и не понадобился. Нелепо, скажете вы. Что же за роль была у автомобиля, которая, хотя и была исполнена, но оказалась, к удовольствию организаторов, невостребованной?

Очень ответственная роль, надо заметить: в этом автомобиле за принцессой Дианой неотступно следовали две точнейшие копии ее шикарного свадебного платья. Да уж, королевская свадьба, с завистью вздохнут наши красавицы.

Но ведь наверняка все слышали не единожды повторенное: последний стежок на свадебном платье Дианы был сделан в самый последний момент, когда платье было надето на нее и невеста была готова идти к венцу. Непонятно, право же: как же

они готовили эти три платья, если до последней минуты копошились с иголками и нитками у ног невесты, заставляя ту нервничать еще и по этой причине?

А ответ на все прост: англичане любят свои традиции.

Безусловно, слово «любовь» в наше время затаскано до такой степени, что при беглом чтении воспринимается шаблонной заготовкой. Но давайте на минуту задумаемся. Как можно относиться к традициям, как к ним относятся у вас? Где-то традиции чтят. Где-то им просто следуют, не задумываясь о сути. Еще традиции уважают, их берегут. Все — по-разному.

А вот англичане свои традиции любят. Именно этим словом можно охарактеризовать наиболее полное отношение в Англии к традициям. И эта любовь позволила англичанам в век компьютерных технологий сохранить, казалось бы, совершенно чуждое для современного общества — институт монархии. И не просто сохранить как некий бутафорский атрибут при дворце — английская монархия сегодня играет свою значимую роль не только в самой Англии, но и во всем мире.

Последний стежок на платье невесты должен быть сделан в тот момент, когда невеста уже готова в своем наряде сделать шаг к двери — такова традиция! А запасные платья для невесты затем, чтобы ничто не омрачило всего традиционного порядка свадебной церемонии: мало ли что может случиться. Вдруг неожиданный ливень? Вихревой заряд? Да что бы ни было — должно быть запасное платье.

Да, англичане готовы принимать и понимать даже такие расходы — лишь бы традиция была сохранена.

Потому уже не только для них, но и для всего мира английская традиционность обрела созвучность с экономической и социальной стабильностью. Если в обществе существует традиция запекать индейку на День благодарения — это говорит не просто о существовании такого правила для праздника, но и о том, что возможность запечь эту индейку есть!

Но именно эту английскую традиционность обвинили в смерти Дианы.

Какими только эпитетами не награждали королевский двор и существующие в нем правила и нормы! Чопорная монархия, бесчеловечные, бесчувственные отношения, где важна только внешняя форма, где убивается суть и живая душа — вот что такое ваша английская традиция, восклицали в негодовании страстные обвинители. Ах, эта милая Диана, она пыталась очеловечить королевский двор, внести в него настоящую жизнь — и стала жертвой, заламывали в причитаниях руки экзальтированные дамы.

И уж вовсе как флаг своей победы несли обожатели принцессы Дианы слова королевы-матери, сказанные ею на похоронах. Монархия признала свою вину! Двор готов пересмотреть свои традиции! Так толковали во всех углах выступление королевы. Что же такого сказала королева? Да вот что. Она выразила свою твердую уверенность, что королевскому двору необходимо извлечь уроки не только из жизни Дианы, но и из отношения англичан к ее смерти.

Прежде чем предложить свое понимание этих слов королевы-матери, хотелось бы загадать вам одну загадку. Английскую, детскую. Она как ничто лучше продемонстрирует мышление жителей Туманного Альбиона и их отношение к кое-чему. Итак, детская безобидная книжка с рисунками. На страничке загадка: «Какая птица не может летать?»

Славянский образ мышления тут же потребует поисков в памяти названий нелетающих птиц: страус, киви, пингвин? Немножко странная загадка, не правда ли: у нее множество ответов. Наверное, так англичане развивают эрудицию своих маленьких граждан. С кучей найденных нами названий нелетающих птиц перевернем страницу — там должна быть нарисована отгадка. Переворачиваем. И что мы видим?

В небольшом подобии гробика лежит ласточка. И ответ: «Мертвая».

Вот такое оно, английское мышление: не может летать мертвая птичка. Правильно? Совершенно. Вас это обескураживает? Ну, что поделать…

Такие они, англичане, — ответ всегда гораздо проще, чем мы ожидали его увидеть. Он лежит на поверхности, он логически безупречен.

Так стоит ли тратить время на поиски скрытого смысла в словах королевы? Если она сказала, что двору необходимо извлечь уроки из жизни Дианы — значит, что-то было не так. Что-то насторожило королеву-мать и в отношении простых англичан к смерти Дианы, если она посчитала нужным и из этого извлекать уроки. Что же?

Если говорить кратко и просто, Диана в короткое время стала сверхпопулярной в Англии. Ее фотографии не сходили со страниц газет и журналов, каждый третьесортный таблоид считал за необходимое разместить ее фото на первой полосе. За четой принца и принцессы следовала толпа фоторепортеров. Каждый шаг их был под прицелом сотен фото— и видеокамер.

Но нужна ли такая глянцевая популярность монаршей особе? Во что в итоге превратила Диана понимание принцессы — в журнальную диву? Это нужно королевской семье — превратиться

в заставки гламурных журналов?

Восхищение, поклонение, любовь даже — больше ли нужны принцессе, чем почитание и уважение?

Давайте будем искренни: за огромной популярностью принцессы Дианы стоял очень серьезный риск скатывания английской монархии к чему-то празднично-бутафорскому, балаганному, когда самыми главными новостями из жизни королевской семьи становились новости из личной жизни монаршей четы. Все остальное меркло в лучах популярности Дианы.

Вам не кажется, что именно это имела в виду королева-мать, говоря о необходимости извлечь уроки из жизни Дианы?

А что же великое стенание миллионов поклонников Дианы в день ее смерти? И здесь ответ лежит на поверхности: принцессе (читаем — будущей королеве) нужны не поклонники, а подданные. Да, именно так. По Диане же плакали не подданные, а почитатели, вздыхатели, мечтатели. Погибла не будущая королева — погиб кумир. Сотворенный не столько ими самими, сколько лично Дианой. И это, конечно же, чувствовала королева. И это ее не могло не беспокоить. Ни король, ни королева не должны становиться кумирами — это удел певцов и музыкантов, но не монарших особ.

Вот такими были мои первые мысли, достаточно сдержанные, несколько отстраненные от меня самого, о смерти принцессы Дианы. Неутихающая осанна принцессе после ее гибели вызвала у меня, признаюсь, желание найти хоть где-то более-менее спокойное, выдержанное без эмоций ее жизнеописание. Мне казалось, что акценты очень смещены. Что из королевы-матери и принца Чарльза слеплены буквальные убийцы. Что сама Диана представлена ангелом во плоти. И никакая здесь мужская солидарность не могла быть причиной — вспомните английскую загадку про нелетающую птичку. Все гораздо проще: ни одно событие не может трактоваться всеми людьми одинаково, ни один человек, ни одна личность не может нравиться и боготвориться всеми без исключения. Так почему же многомиллионные тиражи книг о Диане несут нам образ невинной жертвы прогнившего насквозь королевского дома и пронафталиненных английских традиций?

А может, все было совсем не так?

Мы придумали для детской английской загадки целых три отгадки. А если хорошо подумать, так и еще найдем немало названий птиц, которые не могут летать.

А ответ был один и очень неожиданный для нас: не летают мертвые птицы.

Так вот, если немножко изменить логику нашего мышления, попытаться взглянуть как-то иначе… Как же ее изменить, в какую сторону?

Мне помогла традиция, на этот раз русская. Немного странная традиция, но весьма интересная. Русские всегда за каким-либо столом со спиртным рано или поздно начинают говорить о работе. По какому бы поводу они ни собрались, что бы ни было причиной их торжества, наступает обязательно тот момент, когда разговор переходит на дела, связанные с работой. Так получилось и с моим другом, литератором из Москвы. После третьей или четвертой рюмки он начал разговор о литературе. Тут уж ничего поделать было нельзя, я вынужден был его поддержать (за что впоследствии говорил спасибо своему воспитанию). Разговор у нас тогда зашел о первом собственном открытии в литературе, о первом удивлении, первой досаде. Итак, вот рассказ моего друга.

— Было это давно, тогда еще был жив СССР, а в 9-м классе мы проходили по русской литературе незабвенную «Грозу» Островского. Учился я хорошо, по литературе всегда имел «пять», любил читать и читал много. Надо было такому случиться: заболел как раз в то время, когда начали изучать Островского с его Катериной. В то время литература в школе изучалась по двум книгам: была хрестоматия, толстая такая, там были опубликованы все произведения писателей школьной программы для определенного класса. И была так называемая критика — учебник в два раза тоньше, где были критические обзоры произведений. Говоря точнее, в этой книге было прописано: как надо читать и что надо понимать под прочитанным в хрестоматии.

И вот лежу я дома со своим воспаленным горлом, читаю «Грозу» Островского. Даже два раза прочитал. А еще выучил наизусть монолог одного из героев (это нам задавали). Выздоровел, пришел в класс, как раз была русская литература. И меня учительница вызывает к доске: отвечать по прочитанному материалу. Как, мол, я понял пьесу великого писателя.

Вышел я к доске и начал рассказывать именно так, как я ее понял: Катерина утопилась по той причине, что поняла, насколько тяжек ее грех. Что она — неблагодарная дрянь, которой стало, видите ли, скучно, и ее потянуло на приключения. Мимолетное увлечение заезжим господином оценила для себя значимее семейной жизни, христианской верности мужу. Она предала все: нравственность, добропорядочность, мужа, свекровь. Приехавший из другого города подлец нагло пытается соблазнить, и это ему удается. Бедная старая женщина, свекровь,

как последний оплот нравственности, терпит поражение. И значит, неминуема гибель русской нравственности, семейных традиций, в которых верность мужу рассматривается как первейшая заповедь…

Вот так я рассказываю о том, как понял эту пьесу, и вижу, как медленно вытягиваются в немом изумлении лица моих друзей-одноклассников. Они шокированы! Но я спокойно продолжаю, хотя немного и удивлен. Я не вижу лица учительницы: она сидит за своим столом, я же стою у доски. Когда я заявляю, что самоубийство — страшнейший грех для верующего, а Катерина считала себя таковой, значит, она на самом деле верующей не была, лгала даже себе, учительница медленно поднимается, поворачивается ко мне, снимает очки. Выражения ее лица мне никогда не забыть. Там был страх. Самый настоящий страх, просто ужас. Я замолчал в растерянности. Учительница сказала мне очень тихо: «Садись на место», потом тут же подняла девочку-отличницу: «Расскажи нам, кто такая Катерина».

Я слушал бодренький ответ девочки и изумлялся: так Катерина — луч света в темном царстве? Ее супружеская измена — это вызов проклятому домострою? А вся пьеса — это гневное обличение ужасного угнетения русских женщин-жен? Это было настоящим потрясением для меня. Мне было так стыдно: я, отличник, так любящий читать, не понял замысла великого писателя! Как же я так сплоховал? Почему я не стал читать статью Белинского? Он в ней так хорошо рассказывает, как надо понимать те или иные места…

Вот такую историю рассказал мне друг. И в конце добавил, что пройдет много-много лет, и на пьесу Островского многие начнут смотреть теми же глазами, которыми он увидел ее в юности. И однажды один ученик в его же школе за такую вот трактовку пьесы не сядет пристыженный на место, а гневно в лицо учительницы выпалит: «Да что хотите, хоть двойку ставьте! А для меня Катерина — стерва!»

И, слушая рассказ моего друга, я понял, как нужно посмотреть на жизнь Дианы — без критики. Без той самой литературы, в которой нам предписаны правила понимания.

Я потратил несколько лет на изучение жизни Дианы. Я искал не описание событий, а сами события, я пытался найти не трактовку поступков, а сами поступки. И сегодня, когда все собранное мной стало большим текстовым файлом, я могу почти повторить слова того русского паренька, чуть перефразировав его: а для меня принцесса Диана — стерва.

И именно это я собираюсь вам показать.

Их величество гены

Практически все биографии принцессы Дианы начинаются с того, что нам поведают: она выросла в известной аристократической семье, приближенной к королевскому двору. Семье знатной. В генеалогии семьи то и дело мелькают голубоглазые мужественные мужчины, женщины с характером, умеющие добиваться своего, бесконечная вереница званий и титулов. Читатель, не привыкший к многоступенчатой иерархии английской знати, в конце концов чувствует себя не совсем умным, и желая не усиливать чувства собственной беспомощности в попытках разобраться, где чей лорд кому виконт, благополучно пропускает все эти описания. Главная информация им почерпнута: принцесса Диана вовсе не была невзрачной пастушкой, пасшей милых овец на лугах Уэльса.

Как бы ни хотелось уберечь читателя от долгих путешествий в минувшие века, я все же приглашу его совершить такой экскурс. Правда, дабы облегчить путь и его понимание, опустим всякие второстепенности, вроде титулов и родства. Сам экскурс мы сделаем по одной-единственной причине, которая станет куда как понятна всем: мы взглянем на предков и родителей принцессы Дианы не как на титулованных особ, не как на исторических личностей, но как на простых людей. Нам интересны в первую очередь их человеческие качества и черты характера. Которые, как известно, имеют одно удивительное свойство — передаваться от родителей детям.

Итак, перенесемся в середину XIX столетия. Перед нами — вполне успешный политик, ирландец Эдмунд Бурк Роше. История скромно умалчивает, чем он так угодил двору, но двор посчитал, что его заслуги в деле процветания Британской империи велики. И сама королева жалует ему титул баронета. Вот так возник в истории первый барон Фермой (это у них опять же традиция такая: как дают титул, так и новую фамилию). Отметим еще раз: в жизни этого барона история не сохранила для нас сколь-либо предосудительных действий и поступков. Вполне нормальная была семья, родились дети. Среди них внимание уделим младшему сыну — Джеймсу, который, к слову, стал третьим бароном Фермоем.

В это время на мировую сцену начинают выходить Америка и американцы. Многие выходцы из Старого Света, уехавшие некогда в поисках счастья за океан, нашли свое место под солнцем. Многие из них стали весьма успешными бизнесменами — в то смутное время достаточно было иметь толику ума и

изворотливости, чтобы остаться с деньгами. Но на новоявленных богатых смотрели часто с плохо скрываемым презрением на их исторической родине, в той же Англии.

Но титул не мог сам собой обеспечить его владельца деньгами, да и деньги не могли дать титул. Как вы правильно понимаете, соломоново решение, которое бы позволило удовлетворить обладателей и титулов, и денег, было найдено — брак по расчету. И вот Джеймс, обладатель титула баронета, женится на американке, дочери богатого биржевого брокера. Имя девушки — Френсис Уорк. Пожалуй, нам стоит запомнить его — это первая кровь Нового Света вливается в кровь ирландскую.

Супруги были как будто удовлетворены своим браком, родили троих детей. Но семейные узы оказались непрочными. Френсис выросла там, где уже воспевался своеобразный, свободный от множества норм Старого Света мир. И она весьма тяготилась той аристократической атмосферой, в которой должна была находиться. Прожив с супругом чуть более десяти лет, Френсис забирает детей и уплывает к отцу, в Америку.

Отец ее, кстати, был не из тех, кто воспринимал английскую аристократию как то общество, в котором он хотел бы находиться. Он был игрок, он — натура деятельная, рисковая, ему глубоко чужды манеры и образ жизни аристократии. Поэтому к браку своей дочери он отнесся с явным холодком. И вот пожалуйста, его слова и опасения подтвердились: дочь возвращается с детьми в родительский дом, оставив супруга. После этого отец Френсис возненавидел аристократов вообще и англичан в частности.

За эти десять лет отсутствия дома своей дочери Фрэнк Уорк сумел сколотить приличное состояние. Но до самой смерти он остался верен своей ненависти к англичанам. Оставил своим внукам недвусмысленное завещание: они могли получить по тридцать миллионов фунтов деда только в том случае, если примут гражданство США и отрекутся от своих английских корней.

Два брата, Морис и Френсис, деду не подчинились. И дед им денег не давал до самой своей смерти. Когда же старик благополучно был похоронен, братья с помощью матери стали искать возможность поймать рыбку, не замочив ног. Их мать, подышав атмосферой аристократического общества, решила, что отказываться от английских корней ее детям весьма неразумно. Но не отказываться же от денег ради титула! Применив самые различные уловки и многоступенчатую схему, сыновья Френсис Уорк получают вожделенные миллионы фунтов.

Обратим внимание на одного из братьев — Мориса Уорка.

Этот человек станет дедушкой нашей главной героини, принцессы Дианы. Так вот, Морис, наверняка получив от аристократа отца достаточное количество настоящей английской крови, выбирает Англию. Он, к слову, был образован — закончил Гарвард. В Англии Морис принимает титул четвертого барона Фермоя. Участвует на стороне англичан в Первой мировой войне. История сохранила нам его как человека умного, открытого, без особого снобизма. И этим он был заметен среди аристократов Старого Света. В скором времени для своего дома он выбирает поместье в одном из тихих уголков Англии. Не чурается разговоров с простыми англичанами, даже навещает страждущих в больницах. Будете ли вы удивляться, если я скажу, что его избирают в палату общин? Причем трижды! Говоря сегодняшним языком, Морис весьма активно использовал свою коммуникабельность для завоевания симпатий электората. И обладал навыками того, что в наше прагматичное время назовут популизмом. В общем, умел Морис входить в доверие. Как простых англичан, так и аристократов, приближенных к королевскому двору. И более того, в скором времени он завоевывает расположение младшего сына короля Англии — Альберта. Молодой человек был настолько пленен открытыми манерами Мориса Фермоя, что уговаривает короля-отца Георга V отдать Фермоям их гостевой дом в аренду. Одним словом, Морис получил самое широкое расположение королевской семьи.

В истории деда принцессы Дианы и его отношений с королевской семьей есть одна деталь, которую я бы отнес к мистическим. Вы простите мне небольшое забегание вперед. Так вот, наступает такой день, когда в семье Мориса родится девочка — будущая мать принцессы Дианы. И в этот же самый день в королевском доме случается горе — умирает король Георг V. Тяжело сказать сегодня, что руководило бедной вдовой, королевой Марией, было это проявлением искренней дружбы или сил, человеку не подвластных, но королева пишет Фермоям поздравление с рождением дочери…

Вернемся к тому времени, когда дедушка принцессы Дианы еще молод, красив, речист. Как вы понимаете, такие качества (а еще и дружба с сыном короля! а еще деньги!) никак не могли остаться без внимания женщин. Многие мужчины и сегодня не простили бы Морису, если бы он не сумел воспользоваться в юности такими качествами. Успокоим наших мужчин: Морис умел любить и любил женщин. Правда, не всегда эта любовь оставалась без заметного следа. В 2004 году мир увидел книгу некоей женщины. Это были воспоминания о жизни. Как оказалось, автор их — внебрачная дочь Мориса и женщины по

имени Эдит. С ней у Мориса был бурный роман, начавшийся со встречи в купе поезда, когда Морис путешествовал по Америке.

Но не зря говорят, что мужчины любят одних, спят с другими, но женятся на третьих. Так случилось и с Морисом. Однажды в Париже он знакомится с дочерью полковника из Шотландии. Девушка с именем Рут была отнюдь не красавицей, да и положение ее не было высоким — всего-то дочь полковника. Но у нее был характер. Волевой, принципиальный. Рут в то время увлекалась (и достаточно серьезно) музыкой, чем мало отличалась от высших слоев общества того времени: на музыку была мода. «Музыка нас связала» — Рут знакомится с братьями Морисом и Френсисом. Вначале она начинает обхаживать младшего, Френсиса, но тут ей со стороны осторожно намекают, что титул остается за старшим — за Морисом. Рут, мгновенно оценив обстановку, меняет объект своего выбора и начинает долгую и длительную осаду Мориса.

К этому времени Морису уже 46 лет. А Рут пребывает в самом расцвете женского очарования — ей всего 23 года. Где тут устоять?

Вот такая была бабушка принцессы Дианы — Рут Фермой. Она не только смогла добиться расположения барона, она смогла сохранить семью, зная о том, что любвеобильная кровь в бароне Морисе так и не угасает с годами. Но для Рут это не было главным. Она воспитывалась в той среде, где приспособляемость была главным условием, где ради главного можно и нужно было пренебречь второстепенным. К тому же, заметим, молодой баронессе было чем отвлечься от мрачных мыслей по поводу измен мужа на стороне: у Рут была музыка. Ее увлечения вылились в создание ею Фестиваля искусства и музыки, которым она и жила. Впрочем, были ли мысли об увлечениях Мориса другими женщинами мрачными? Рут нужно было куда большее, чем верность мужа семейным узам…

Как вспоминают очевидцы, Рут Фермой — это стальной характер, безупречные манеры, человек без страха и сомнений, готовый все разрушить на своем пути ради достижения своих целей. Плохо приходилось тому, кто вставал ей поперек.

Что было главное для такой женщины, у которой две дочери? Конечно же, выдать их замуж, выдать максимально удачно. Легко сказать, а попробуйте это сделать, если у одной из дочерей огромная грудь, выпученные глаза, немаленький рост и с первого мгновения она имеет больше шансов оттолкнуть своей внешностью, нежели привлечь. Зато есть младшая — Френсис. (Дорогой читатель, прости: мне тоже надоело это имя, которое встречается в истории одной семьи уже три раза! Но что

поделать, наверное, в ту пору выбор имен был очень мал.)

Френсис красавицей никто бы не смог назвать. Но имелось в ней то, что в сегодняшнем просторечии звучит как сексуальность. Плюс ко всему имела она характер жизнерадостный, веселый, что вкупе с хорошей фигурой делало ее весьма привлекательной для мужчин.

Рут начинает, конечно же, как сама в юности, активно искать жениха для Френсис. Чтобы имел в обществе вес, был с титулом и деньгами. Вскоре жертва была найдена.

Ею стал Джонни Элторп. На всякий случай для любителей исторических линий и титулов: Джонни был виконтом, старшим сыном графа Спенсера. Одновременно Джонни занимал при королевском дворе короля Георга VI должность конюшего. Спешу успокоить наших дам, увидевших в должности «конюший» нечто холопское и простонародное. Конюший — один из высших придворных чинов. Достаточно, думаю, будет сказать, что Борис Годунов получил чин конюшего при дворе русского царя Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного.

Спенсеры — очень известный род в Англии. И очень близкий к королевскому двору. В иные трудные времена они ссужали королю нужные суммы. Не станем здесь глубоко заглядывать в историю, скажем лишь, что, в общем, долгие годы монархия в Англии творилась не без деятельного участия Спенсеров. И даже больше: без этой самой активной деятельности еще неизвестно, какой бы она была.

Итак, Джонни Элторп. Наследник многих тысяч акров земли в двух графствах. Фамильный замок, где была 121 комната. Комнаты, которые украшали оригиналы полотен Ван Дейка и Рубенса.

За такого жениха можно и нужно было бороться.

(Заметим в скобках: виконт Джонни Элторп в свое время рассматривался как кандидат в женихи самой принцессы Елизаветы, будущей английской королевы.)

Правда, перед Рут Фермой встала небольшая (по ее меркам) преграда: на тот момент Джонни был если не влюблен, то во всяком случае очень дружен с дочерью графа Коук Анной. Он часто приезжал к ней в поместье, находил общение с ней крайне приятным. Кто знает, к чему бы дальше привело это общение, если бы по простоте душевной однажды Анна Коук не пригласила к себе в гости вместе с Джонни и Рут Фермой. И та мгновенно оценила потенциал виконта, даже не подумав о том, какие чувства это может вызвать у Анны.

Началась не атака, а долгая, тактически безупречная осада. Рут отзывает свою дочь Френсис из частной школы, где она

проходила обучение. Джонни, который также разбирается в музыке, все чаще и чаще зазывается в гости к Рут Фермой. И однажды перед ним во всей соблазнительной красоте нимфетки предстает дочь Рут — Френсис Фермой. Ей в то время только пятнадцать…

Рут все смогла устроить: если виконт любил плавание, Френсис немедленно начинала занятия в бассейне. Джонни любит игру в теннис? Но это же любимое активное времяпрепровождение Френсис! А еще эта милая леди сама вяжет крючком! Вы только посмотрите, какие носки она связала специально для вас, виконт!

И Джонни Элторп не устоял. Он уже не приезжает к Анне Коук — все его мысли заняты «милой» Френсис. Почему мы берем в кавычки «милой»? Да по той простой причине, что Френсис от своей матери Рут унаследовала еще и властность, и силу характера, и умение добиваться цели. Но пока острые коготки упрятаны, и перед нами милая сексуальная кошечка, а не готовая к прыжку пантера.

Пришло чудное время для виконта Джонни Элторпа. Рут постаралась, чтобы встречи ее дочери с виконтом всегда были максимально романтичны, полны чувственной сдержанности, обещаний, жажды…

И случилось так, что уже не Рут, а сам Джонни считал дни до того момента, когда Френсис исполнится 17. Чуть прошел день рождения, как виконт объявляет о разрыве с Анной Коук и помолвке с Френсис Фермой.

Жених был старше невесты на 12 лет.

Состоялась свадьба, на которой в числе иных 1700 гостей присутствовала и королева Елизавета с супругом Филиппом. Неудивительно, мы же помним, что Спенсеры — одни из самых близких людей для герцога.

В этой семье Френсис и Джонни Спенсеров родится девочка Диана.

Пока она еще не родилась, забежим вперед, чтобы не забыть после, в стремительном детстве Дианы, таких «мелочей». Так вот, мы взяли лишь небольшой отрезок из генеалогического древа Дианы. А если рассмотреть все его сучки и веточки, открывается прямо-таки мистическая картина: принцесса Диана приходится дальней родственницей известному премьер-министру Уинстону Черчиллю. А еще президентам США Вашингтону, Рузвельту и пяти другим, менее значимым. Но самое главное: ветви генеалогического древа переплелись таким непостижимым образом, что принцесса Диана была пусть и одиннадцатиюродной, но кузиной своего собственного мужа!

Кто еще будет говорить, что в судьбе Дианы не участвовало провидение?

Но пока вернемся к молодой чете — Френсис и Джонни, матери и отцу будущей принцессы Дианы.

Когда вы читали о том, как легко Рут подобрала ключ к сердцу виконта, вы не насторожились? Что-то уж больно мягким выглядел этот аристократ, романтичным…

Да, так и было на самом деле.

Джонни Спенсер был прекрасно воспитан, имел тонкую душевную организацию. Но этот молодой человек целиком и полностью находился под властью своего отца, графа Джека Спенсера. Причем властью не только финансовой, но и душевной. Отец, человек, полный снобизма и чрезмерного самолюбия, тщеславный и властный, грубый и резкий, распространял свою власть в имении не только на безмолвных слуг, но и своих домочадцев.

И вот с таким свекром столкнулась юная Френсис.

В одно мгновение мягкие подушечки лап домашней кошечки вооружились острыми когтями, а в глазах засверкал желтый огонек независимой хищницы. Иначе и быть не могло: исконно английское тщеславие столкнулось со взрывной смесью из английской, американской, ирландской и шотландской крови!

Интересно, что граф любил свой фамильный замок. Вы помните, я писал о любви англичан? Да, граф именно любил свой замок. Практически все деньги вкладывались в его содержание (не верьте тому, кто говорит, что большой дом — это маленькие расходы). Замок пожирал невероятное количество денег, по сути, он стал музеем, а самого графа незлобно за глаза называли экскурсоводом. Но для фамильного гнезда граф ничего не жалел. Его любовь особенно проявлялась в такой мелочи: для каждой работы в замке, понятное дело, имелся отдельный работник. Был такой и для протирки от пыли фамильного серебра. Так вот, хотя такой работник и был, фамильное серебро протирал сам Джек Спенсер. Замок был его святыней.

Естественно, свободолюбивая невестка Френсис тут же нашла замок местом ужасным, мрачным, скучным и пустым, бездушным. Неизвестно, чем бы закончилось противостояние свекра и невестки, если бы мать Френсис, Рут Фермой, не сдала молодой семье то самое поместье, которое получил в аренду от короля Морис Фермой.

Надо отдать должное старому графу: он не собирался воевать с женщинами, тем более видя, что Френсис — черт в юбке. Он оставил в покое молодую семью, но поставил жесткое, хотя и очень даже решаемое условие: Френсис должна была родить

наследника.

Поясним немного для наших дам: титул может передаваться только вместе с фамилией, а фамилия, как известно, передается от мужчины. Френсис такая задача от свекра — родить ему внука — только обрадовала. После долгих месяцев ожидания она смогла, наконец, насытить свои фантазии о плотской любви, будучи замужем за виконтом, реальным делом…

Проходит девять месяцев после свадьбы — и Френсис рожает первого ребенка.

Девочка… Назвали Сарой.

Второй ребенок. Девочка. Джейн.

Третий. Мальчик! Но он рождается с пороком легкого и умирает, не прожив полусуток.

Четвертая — Диана. Это случилось в июле 1961 года.

Пятый — наконец-то! — сын. Мальчика назвали Чарльзом. Это произошло спустя 10 лет после свадьбы.

И спустя еще всего пять лет последует одно из самых редких явлений в жизни английской аристократии: развод супругов.

На жизни семьи мы еще остановимся подробнее ниже — она того заслуживает. А сейчас скажем лишь несколько слов, чтобы картинка наследственности выглядела максимально полной. Так вот, в официальном документе о разводе причиной его была указана измена виконтессы Френсис Элторп. Но самыми существенными окажутся для нас слова матери Френсис, Рут Фермой, бабушки Дианы. На суде она примет сторону своего зятя. Рут Фермой, которая столько времени и сил положила на то, чтобы обеспечить для своей дочери и своих внуков блестящее будущее, обвинит дочь. Та, которая, как таран, шла к цели и, казалось, добилась своего, не могла простить дочери ее измены. В голове Рут не укладывалось, как можно бросить все: положение в обществе, титул, семью и — главное — детей — к ногам какого-то мужчины, променять будущее свое и детей на животное минутное сладострастие? И Рут была права: новый брак ее дочери Френсис с мужчиной, из-за которого произошел разрыв с мужем, будет неудачным, он тоже распадется.

И на суде Рут Фермой кричала, что во всем виноваты гены Френсис: все предки ее были предателями, беглецами, перебежчиками. Они бросали все ради удовлетворения своих низших потребностей, была уверена Рут.

И вот что еще более удивительно. Заглянем далее, к тому году, в котором наступит разрыв между принцессой Дианой и принцем Чарльзом. И тогда бабушка Дианы, Рут Фермой, будет говорить о дурной наследственности, и тогда она встанет не на сторону своей кровной внучки, а на сторону ее мужа!

Вспомним о Рут: шотландка из не самой известной семьи. Женщина, не только сделавшая саму себя, но устроившая свою дочь наилучшим образом. Она далеко не ангел, она закрывала глаза на «милые проделки» своего мужа. Она приняла как должное все нормы поведения в аристократическом обществе, она — самая что ни на есть придворная дама: внешняя кротость, безупречность поведения и сталь характера внутри.

Мне самому не хотелось делать вывод о генной наследственности принцессы Дианы. Да и вас, читателей, не пристало призывать к тому, чтобы вы сами посчитали, чего больше в крови Дианы: благородства или хищничества. Спасибо бабушке Рут: она за нас с вами озвучила то, о чем стремятся не вспоминать вздыхатели, почитатели и обожатели принцессы Дианы.

Но может быть, очень уж разнервничалась бабушка Рут после размолвки своей внучки с принцем? Никак не могла забыть предательский удар от дочери, вот и вскинулась на внучку? Что ж, давайте и сами посмотрим внимательнее на детство Дианы и ее юность: как росла и чем себя проявила та, что хотела стать «королевой людских сердец».

Детство: избирательное соучастие

Русский язык богат. Но английский тоже не самый бедный и имеет массу слов-синонимов. Да и сами англичане, будучи в душе тактичными дипломатами, умеют выбирать слова. Английские журналисты, публицисты, биографы и писатели написали о принцессе Диане сотни и тысячи статей, книг, воспоминаний. Но как бы ни был богат английский язык, для характеристики маленькой девочки Дианы, мило называемой еще Дач, не нашлось более одного слова. Каким ребенком была Диана в детстве? — вопрошают миллионы читателей и почитателей. Им хочется услышать что-то особенное в ответ, им хочется получить еще один камешек для пьедестала, на который они вознесут принцессу. А писатели-публицисты, вздохнув, по-английски коротко отвечают: сложным.

Диана в детстве была сложным ребенком. И сложным подростком. И девушкой с не менее сложным характером.

Сложный ребенок… Это какой? Вот если по-русски?

Это тот, который требует к себе внимания больше других. Которому попробуй угоди. Где-то милый и веселый, где-то угрюмый и злой, вредный, пакостный, гадкий. Ребенок, от которого неизвестно чего можно ожидать. Несносный ребенок.

Нам столько всего рассказано о том, что Диана получила прекрасное воспитание и образование, что, грубо говоря, на выходе этого процесса мы должны получить как минимум ангела, пусть и без крыльев.

А что имели? Вот подросток Диана. Чересчур громко включила музыку (музыкальный центр) в своей комнате. Элементарно мешает другим. Ей говорят об этом сестры и брат. Диана тупо не обращает внимания. Наконец музыка раздражает и отца. Он аристократ, в семье авторитет отца, его слова — непререкаемы. И отец приказывает Диане выключить музыку и запрещает ее включать весь день. То есть отец поступает так же, как поступил бы любой отец и любая мать: если ребенок не слушает, его наказывают. И разве подобное наказание: «Сегодня компьютер не включать, ты наказан» — что-то изуверское в наших семьях?

Разные дети реагируют по-разному на такие наказания. Попробуйте отгадать, как отреагировала на запрет отца включать у себя в комнате музыку Диана.

Не отгадаете.

Этот «сложный ребенок» заперся в своей комнате. Там Диана вскрыла пол в том месте, где проходила электрическая проводка.

И, вооружившись ножницами, перерезала все провода, которые видела.

Все жилые комнаты остались без электричества.

А Диана гневно кричала, что, если ей запрещено слушать в доме музыку, музыки в доме не будет вообще!

Сложный ребенок. Здесь — сволочной скорее.

Раздавая потом направо и налево интервью, делясь воспоминаниями, принцесса Диана будет говорить о себе как о самом несчастном ребенке на земле, как о девочке, которая единственная среди всех девочек поняла, что такое страдание, которая так глубоко страдала, как никто не страдал! Она будет рассказывать, как ее все предавали: мать, бросившая ее, отец, бросивший детей и женившийся другой раз. Даже сам факт своего рождения Диана драматизирует: все ждали мальчика, а родилась она! Она никому не нужный ребенок!

Да, согласимся отчасти. Семейная жизнь Френсис и Джонни не была счастливой. Последовал скандал, унизительный развод, далее — суды и фактически полное отлучение матери от детей судебными решениями.

Но есть один момент. И даже не один.

Во-первых, ненужным ребенком могли считать себя и Сара, и Джейн — они тоже родились девочками, а ждали наследника. Во-вторых, все дети жили в одной семье, ее атмосфера не могла действовать избирательно только на Диану, а других избегать. И в-третьих… Диана врет.

Врать она начала в том самом детстве. И ее родной брат Чарльз в своих воспоминаниях вынужден будет признаться, что его сестра Диана далеко не всегда говорила правду. Он скажет даже немного не так, а в том смысле, что ей, Диане, было тяжело говорить правду.

Сохранилось воспоминание жены местного викария, в котором эта богобоязненная женщина, чувствующая ложь, как гвоздь в стуле, на котором сидишь, не единожды ловила девочку Диану на лжи. И однажды она не выдержала и просто-напросто пригрозила выгнать Диану из школы, если та соврет хотя бы еще раз.

В чем же врала Диана? Во всем, что касалось ее самой, своих ощущений и чувств. Она считала себя глубоко несчастной, требовала к себе любви и внимания, постоянного соучастия. Разве же не этого она потом станет добиваться и требовать уже от всей Англии? Причем используя вовсю именно свое детство, драматизируя его на все лады, преподнося бедным англичанам жизнь в семье в самом черном цвете, рассчитывая на сострадание и получая, конечно, его.

Да, обстановка в семье был далекой от идеальной — мать Дианы, Френсис, что называется, постаралась.

Джонни, будучи виконтом, исполнил главную волю отца: он родил наследника — растет сын Чарльз. И теперь сам Джонни всего себя посвятил целиком детям и хозяйству, земле. Он и раньше был достаточно пассивным, что касалось жизни общества, любил больше дом, был несколько нелюдим. У него были свои, вполне понятные, семейные ценности: тишина, уют, тепло и веселье в то время, когда нужно веселиться.

Но его жена Френсис, вспомним, моложе его на 12 лет. Она тоже чувствует себя честно исполнившей свою миссию: она выносила и родила наследника. А теперь — дайте жить!

И эта жажда получать удовольствие от жизни, от каждого прожитого дня управляет сознанием и поступками Френсис. Она пытается вытянуть мужа в свет — но он упрямится. Потому что не понимает и не хочет понимать такого состояния вещей. У него есть дом, есть дети — и теперь главное — они, а не свет и собственные удовольствия.

Между супругами устанавливаются достаточно прохладные отношения.

Семейство жило в Норфолке, в поместье. Это было для Френсис чрезвычайно скучно, и она все чаще одна покидает дом с целью отдохнуть. Все чаще она уезжает «пожить» в Лондон, где учатся старшие девочки Спенсеров. Один из своих отдыхов она проводит на широко известном горнолыжном курорте Куршевель. Это было в 1966 году. Очень прошу обратить внимание именно на эту дату. Ведь наследника, сына Чарльза, Френсис родила в 1964-м. То есть ее ребенку было всего два года — а мамочка уже страстно заскучала по светским развлечениям.

В Куршевеле Френсис предалась отдыху с полным размахом. Там она познакомилась с преуспевающим бизнесменом Питером Киддом. Сам Питер был давно женат, имел троих детей. Но это обстоятельство, как и оставленная в Норфолке семья Френсис, не помешало разыграться страстному роману.

Измена произошла.

В английском понимании Френсис совершила «дурной поступок». Но нужно знать английское общество. Да, еще совсем недавно, всего-то в викторианскую эпоху, за измену жен могли элементарно вешать. Теперь же нравы немного изменились, и то, что сделала Френсис, уже не каралось смертью. Дела семейные, авось как-то сгладится. Тем паче что небольшие приключения мужчин на стороне в высшем английском свете рассматриваются как вполне нормальное явление, пусть и осуждаемое, но терпимое. С женским адюльтером, безусловно, все сложнее. Это

все же дурной поступок. Но если семья посчитает возможным урегулировать отношения без общественного скандала, на это закрывали глаза. Хотя определенного вида невидимая печать ставилась на прекрасный женский лобик.

Френсис понимала, что она совершила. Ей бы остановиться, вернуться к детям и мужу, хлопотами по дому и заботой о детях (их ведь четверо!) замолить свой тяжкий грех. Но разум уступил место необузданной страсти — Френсис, вернувшись с курорта, искала новых тайных встреч со своим любовником. И они были неоднократными.

Такой особе, как жене виконта Джонни Спенсера, нельзя спрятаться от общества. Она — знаковая фигура английской аристократии, а не официантка из «Макдоналдса». Проходит немного месяцев, любовники встречаются несколько раз — и в свете начинают говорить о тайной связи виконтессы.

Муж был просто взбешен полученными новостями. Френсис и не пыталась его переубедить.

Происходит некое мировое соглашение: Френсис остается жить в Лондоне, там общается с детьми, но на выходные дети приезжают к отцу, в Парк-хаус, в Норфолк. Через какое-то время по инициативе Джонни, который чувствовал всю абсурдность такого существования семьи, происходит попытка воссоединения семьи — Френсис приезжает в Норфолк. В это время отец Дианы переведет дочь в частную школу в Норфолке, чтобы она дольше была рядом с ним.

Но мир не наступил. Может быть, изменись Френсис, укроти свои желания получать от жизни удовольствия, все бы и устроилось. Но… В один день Френсис элементарно бежит из собственного дома, тайно от детей, еле успевая собрать свои вещи. И теперь вспомним слова ее матери, бабушки Рут, о том, что все Фермои — перебежчики. Разве же не так?

Диана стала свидетельницей этого бегства матери. Она с самого малого возраста практически шпионила за родителями. Когда родители спорили или иной раз ссорились, дети расходились по своим комнатам, старались убежать от отрицательных эмоций. Это — естественное состояние ребенка, который не может вмешаться и что-то исправить. А вот Диана с самого маленького возраста так не поступала. В то время, когда в комнате происходило выяснение отношений, Диана замирала под дверью и слушала до тех пор, пока крики не утихали. Удивительный факт, согласитесь. И пока труднообъяснимый.

Таким образом, Френсис не смогла втайне от Дианы ускользнуть из дома. И когда мать уже уложила вещи в багажник, та появилась на крыльце дома.

Френсис бросилась к ней, обещая скоро вернуться.

Но не вернулась.

Этот момент будущая принцесса Диана будет нести, как иной ветеран войны обрубок собственной конечности. Дескать, это была страшнейшая травма, полученная несчастным ребенком. Глубокая, незаживающая рана, неизлечимая. Черная пропасть. Проклятое детство. За что все должны меня пожалеть.

То, что маленькая шпионка использовала всю свою хитрость, чтобы, подслушивая и наблюдая, остаться незамеченной и только в нужный момент появиться на крыльце, Диана не вспоминала. Это ведь разрушало легенду о несчастном ребенке.

Итак, Френсис сбежала из своего дома к любовнику. Какими словами можно передать состояние Джонни Спенсера? При этом учитывая его положение в обществе. Но он остался джентльменом: была устная договоренность, что Френсис может встречаться с детьми в выходные дни, в заранее оговоренное время.

Но Френсис считала, что она имеет куда больше прав даже в такой ситуации. И однажды явилась в Норфолк, требуя встречи с детьми здесь и сейчас, требуя отношения к себе как к хозяйке.

Это было уже слишком.

И Френсис просто не пустили в дом. Дворецкий, который ранее слушался движения ее бровей, на этот раз отказался открыть дверь.

Френсис взбесилась. Почему-то она решила, что вся общественность будет на ее стороне. И она потребовала развода.

Вот это было куда как зря. Это было неслыханно для английской аристократии: наставить мужу рога, сбежать с любовником от своих детей и потом еще потребовать развод. Джонни вначале просто растерялся от такой не столько наглости, сколько глупости, никак не сочетавшейся с нормами общества. Он перевел детей из Лондона в частную школу в Норфолке, чтобы Френсис не смогла использовать их как орудие при разводе.

Потом состоялся суд. И на этом суде, как вы уже знаете, бабушка Рут, мать Френсис, обвинила свою дочь в предательстве, обозвав перебежчицей. В 1969 году родители Дианы были официально разведены. Джонни Спенсер получил право опеки над детьми. Матери разрешались встречи один раз в неделю. Кроме этого, любовники должны были выплатить 3000 фунтов. Это было унизительно для Френсис.

Она, как могла, боролась за то, чтобы забрать детей у Джонни. Но суд встал на сторону мужа и отца. Не самую последнюю роль здесь сыграло и благородство происхождения: суд следовал правилу, при котором дети в прочих равных

условиях оставались с тем из супругов, чье положение в обществе было значимее, а титул выше.

Вот таким образом дети Джонни Спенсера: Сара, Джейн, Диана и Чарльз — остались с отцом.

О, какими черными красками описывает свое детство Диана! Как усердствуют штатные биографы, выискивая подходящие синонимы для передачи уныния, скуки, грусти и тоски в поместье Норфолка.

Безусловно, не стану отрицать того факта, что развод родителей больно ударил по детям. Очень больно. И пустоту, которая образовалась после окончательного ухода матери, нельзя было ничем заполнить. Но сама Диана позже драматизировала ситуацию с разводом лично для себя с определенной целью: этим самым она подчеркивала в себе жертву. А жертва нуждается в сочувствии.

Между тем многие очевидцы, бывая в гостях у Джонни Спенсера, отмечали веселье и смех детей. Здесь в ходу были беззлобные шутки, подтрунивания друг над другом. Дети жили своей детской жизнью, не лишенные забав, которые устраивал им их отец. Например, в день рождения Дианы в поместье появился самый настоящий верблюд, вызвав неописуемый восторг детей и гостей.

Конечно, аристократ отец, оставаясь таковым до мозга костей, не мог заменить своим детям мать. Он и не мог показать им полностью ту любовь, которую к ним испытывал: дело здесь даже не в этикете, а в воспитании. Сам Джонни Спенсер не видел особенного проявления родительской любви, не был научен этому и потому просто-напросто не мог показать ее детям. Это его мучило, но что было поделать? Он понимал отцовскую любовь так, как понимал, и требовать от него нежного сюсюканья было невозможно. Это была трагедия Джонни, он осознавал ее, но переделать себя не смог.

Сестры и брат Спенсеры были достаточно дружны, часто шалили, поддразнивали друг друга. Здесь Диана, как отметят соседи Спенсеров, превосходила всех: она умела дразнить изысканно, стремясь доводить своих сестер и брата до той точки, за которой наступали слезы и обида.

Когда говорят о том, что Диана была сложный ребенок, имеют в виду и то, что Диана была разной. Это интересно, но одни отмечают у маленькой Дианы задумчивость, отстраненность, сострадание. А другие говорят о ее буйной фантазии, своенравии, веселье и жестокости.

Не станем обвинять ни тех, ни других во лжи. Обратимся к фактам.

В поместье, что понятно, было немало слуг. Были няни, которые занимались воспитанием детей. К слугам Диана относилась двояко: одних она не замечала вовсе, некоторыми открыто брезговала, единицы были у нее в друзьях. С нянями у Дианы была беда. Если люди и расходились во мнении, какая была Диана, то в одном соглашались все: упрямый, своенравный ребенок. Очень упрямый. Очень своенравный. (Вспомните об испорченной проводке во всем доме.)

Маленькая Диана никогда не соглашалась с тем, что ей приказывали. Просто из принципа. Она вступала в открытую войну, каким бы ни было приказание. Даже если это была элементарная просьба, высказанная вежливым тоном. Она взрывалась яростью всякий раз, когда ее просили что-то сделать. И не надо думать, что это касалось только слуг и нянь. Отец также не мог ничего поделать с упрямством маленькой дочери. Очень показателен случай, когда Джонни Спенсер получил приглашение от королевы на чаепитие. Надеюсь, все понимают, что чаепитие у королевы — это не посиделки на кухне у подруги. Это целое мероприятие со своим церемониалом. И, как всякое мероприятие, оно проводится с какой-то определенной целью, чаще имеющей куда большее значение, нежели чисто бытовое. За таким чаепитием могли решаться очень серьезные государственные дела. Вспомним: Спенсеры — род, который всегда принимал участие в жизни монархии.

Так вот, Джонни Спенсер был приглашен королевой на чаепитие вместе со своей маленькой дочерью Дианой.

И Диана сказала, что ни к какой королеве пить чай она не пойдет. У нее… У нее болит голова!

Отец был не в растерянности — в шоке. Он пытался объснить младшей дочери, что отказывать королеве в такой ситуации невозможно. Это уже не невежливость, это оскорбление всей королевской семьи! Он просил и уговаривал. Он обещал.

Но у Дианы болела голова. Очень сильно болела. Правда, боль мгновенно прошла, как только Диана вышла из кабинета отца.

Джонни Спенсер был вынужден лично просить у королевы прощение за то, что не сможет разделить с ней чаепитие. Пойти одному, без приглашенной дочери, означало еще больше оскорбить королеву.

Брат Дианы Чарльз позже вспомнит, что для Дианы размолвка, а потом развод родителей открыли новые возможности самоутверждения. Родители порой и не догадывались, что Диана манипулировала ими, а если и догадывались, то вынуждены были подчиняться. Маленькая

девочка ловко расставляла свои сети для взрослых людей, прекрасно разбираясь в их отношениях. Те ее подслушивания под дверью принесли свои плоды: она очень рано научилась быстро разбираться в отношениях взрослых людей.

За сравнительно небольшое время взросления и воспитания Дианы у нее сменилось несколько нянь. Женщины, даже самые стойкие, не могли терпеть того унижения, которому подвергала их эта бестия.

Какими бы ни были няни, они должны воспитывать, то есть приучать к правилам и порядку. Это значит что-то запрещать, что-то просить сделать.

Это Диану они хотели о чем-то просить? Диане кто-то из этих дряней-нянь решил что-то запретить или потребовать? Ну, сейчас вы узнаете…

И узнавали. Девочка Диана была очень изобретательна, когда хотела кому-то досадить. Она умела ждать и выбирать время. Вот первая няня, так нагло требующая аккуратности за столом. Посмотрим, мягко ли ей будет присесть на ее любимый стул, если его весь утыкать булавками…

Няня садилась однажды на этот стул и шла потом требовать расчет. Приходила другая няня. И однажды все ее вещи непонятным образом оказывались за окном в ужасный дождь. Потом была третья. Этой не повезло больше: вдруг в один вечер ванная комната, в которой она находится, внезапно захлопывается! Бедная женщина в ужасе бросается к двери — дверь заперта снаружи! Сколько бедняжке пришлось кричать, пока ее вызволили…

Диана и не скрывала никогда, что за всеми этими «милыми шалостями» стоит ее расчетливая месть. Всем своим видом она показывала: попробуйте наказать меня — и вы увидите, что потом будет…

А вот случай прямо противоположный. В поместье был дворник и сторож, которого дети боялись: большой, с бородой, угрюмый. О нем специально рассказывали всякие небылицы и страшные истории. И вот однажды в гости к нему приходит с угощениями Диана. И говорит о том, что всегда наблюдает за сторожем, находит его очень одиноким… Ей жалко его.

Естественно, сторож проникся к девочке искренним уважением. Они подружились. Взрослые порой очень легко ведутся на самые маленькие хитрости детей. Однажды, когда в саду играли дети, Диана подговорила дворника появиться в одном месте незамеченным…

Дети визжали от страха, а Диана смеялась от счастья: ей удалась ее очередная забава.

В школе Диана демонстрировала свою привязанность к животным, она заведовала живым уголком. За что ей даже выдали специальный диплом. Будучи девушкой, Диана продемонстрировала свое сострадание тем, что однажды запросто подошла к инвалидам-колясочникам и даже попыталась потанцевать с ними, чем всех привела просто в умиление: нелегко было двигать тяжелую инвалидную коляску в такт музыке. И впоследствии Диана поднимет свое якобы сострадание как флаг благочестия. Ее многочисленные кампании, направленные на демонстрацию ее любви к несчастным, пострадавшим, например, от взрывов пехотных мин, принесут ей славу самой доброй принцессы, «человечной».

Мы еще попытаемся позже понять, где была искренняя доброта, а где — демонстрация, но сейчас перед нами — девочка Диана. И мы убедились, сколько реальной жестокости в ее сердечке. Безусловно, Диана понимала, что такое одиночество, страдание, недостаток внимания. Она поняла очень быстро, что именно внимание, вовремя проявленное, может расположить к тебе человека максимально быстро. Что сострадание в этом жестком мире рассматривается как почти божественная добродетель. И с успехом пользовалась собственным. И в детстве, и в юности. Тот угрюмый дворник был только началом, пробным камешком. Позже именно своим якобы вниманием она расположит к себе дворецкого принца Чарльза. И тот станет рассказывать Диане обо всех привычках принца, о том, что он любит и чего не любит. Дворецкий будет подсказывать Диане знаками, когда нужно замолчать, а когда говорить, когда уйти, а когда сделать комплимент. Во дворце матери-королевы она точно так же расположит к себе самого уважаемого королевского пажа — и, по сути, станет шпионить через него за Чарльзом.

Но пока вернемся в школу, где учится Диана. Про живой уголок, где живут морские свинки, за которыми ухаживает девочка Диана, мы знаем. А как с учебой? Что-то наши штатные биографы скромно умалчивают об интеллектуальных возможностях принцессы.

А ведь и не было о чем писать!

Сама Диана как бы между делом признавалась, при этом подчеркивая абсолютную ненужность знаний как таковых, мол, я тупая, как бревно. При этом присутствующие должны были понимать, что Диана преуспела во всем остальном. Что образование вовсе и не важно для таких, как она.

В школе ее характеризовали также по-разному. Одни учителя видели в ней доброго, но мечтательного и рассеянного ребенка, а другие — неуравновешенную, настырную, упрямую девчонку.

Диана вела себя так, как того требовали обстоятельства, чтобы получить максимум удобств от своего поведения.

Она просто не хотела учиться, ведь в учении было что-то от принуждения, а вспомните: Диана не могла выносить никакой власти над собой. Мир ее потребностей и интересов оказался настолько узок, что многие диву давались. Все девочки в классе, конечно же, любили читать. Читала и Диана. Но все были поражены, что среди книг Дианы — только романы одной писательницы. И эти романы были той самой низкопробной бульварной литературой, которую пренебрежительно называли чтивом. Самая любимая ее книга — «Невеста короля» этой писательницы, Барбары Картленд. В ней, как и во всех романах: горячий белокурый принц, страстная любовь, бесконечные поцелуи и объятия. Многие, кто уже в юности знал Диану и видел, что она читает, искренне надеялись, что эти книги девушка читает ради развлечения или для знакомства с такого типа литературой. Но увы и ах: Диана не читала больше никаких книг! Уже будучи невестой принца Чарльза, она выслушивала настойчивые советы читать хотя бы главные статьи самых влиятельных газет страны. Не получалось читать даже заголовки…

Для Дианы они были абсолютно неинтересны.

Стоит ли удивляться тому, как в школе Диана сдала экзамены? Чуть поясним: в частной школе Англии существует аттестационная система проверки знаний по ее окончании. Сдаются экзамены практически по всем предметам.

Интересно сравнить: старшая сестра Сара сдает шесть экзаменов, сестра Джейн — одиннадцать.

Диана — ни одного! Она проваливает абсолютно все предметы: историю и искусство, географию и язык с литературой. Через месяц она попытается повторить попытку, но опять — полный провал!

Ну конечно, как этот факт наши воздыхатели Дианы могут оставить без красивых объяснений? Вот и здесь объяснение нашлось. Они утверждали, что Диана — ну очень впечатлительная девочка. На нее, бедную, так действовала атмосфера экзамена, что она мгновенно терялась. И ничего не могла с собой поделать! Все знания, которые, ну конечно же, были в юной головке, мгновенно испарялись от этой ужасной наэлектризованности экзаменационной обстановки.

Однако одноклассники Дианы потом будут вспоминать, что ни на одном экзамене Диана не выглядела растерянной или взволнованной. Весьма спокойная и уверенная в себе. Никакого страха на лице, ни тени смущения.

И почти все сходились во мнении, что причина неудач Дианы — элементарная лень и отсутствие какого-либо стремления хотя бы к чему-либо!

«Диана — женщина, сделавшая саму себя!» — восклицают сегодня дианопоклонники. Позвольте, это ее сестры и подруги искренне пытались сделать себя: они что-то предпринимали, они к чему-то стремились. Диана с детства не обнаружила никаких стремлений, ее действительно сильный характер не был задействован для работы ума и души. Она просто грезила будущим принцем. Дешевые романы стали для нее образцом поведения: ждать, ждать, а потом действовать решительно, как только появится принц на белом коне.

«Танцы-минус»

Это случилось в 1975 году, в июне. Диане было 14 лет — это время, когда из девочки-подростка формируется девушка. Впрочем, и вы это знаете, основы характера уже заложены. Итак, летний день. Мы видим перед собой танцующую Диану. Не просто танцующую — дышащую восторженным счастьем, искрящуюся и лучезарную. Она бегает, вальсируя, по коридорам и комнатам, она кружится и поет, поет, поет одну и ту же песенку из трех слов и одного местоимения.

Попробуйте угадать, что в 14-летней девочке могло вызвать такие счастливые эмоции? При этом учтите то, что Диана куда охотнее и куда чаще демонстрировала окружающим свое несчастье, свою невыносимую, по ее мнению, участь, одиночество… Она всем и всюду старалась подчеркнуть трагедийность своего существования, намекнуть на свою якобы особенность. Ей нравилось, когда она слышала о себе что-то вроде того, что она девочка не от мира сего. Бальзамом на душу были для нее слова о якобы особом ее предназначении. О, как это было сладко и как это все сочеталось с героинями ее любимых романов Барбары Картленд…

Но вот вам: этот грустный, требующий к себе такого трепетного внимания цветок неожиданно танцует и без конца распевает одну и ту же фразу.

Так что же стало причиной для необузданной вспышки торжествующего веселья?

Ответ прост: умер ее родной дедушка.

Умер граф Спенсер.

Поэтому его внучка, счастливая, кружилась в танце, подпевая сама себе. Она пела о том, что теперь она леди Диана. Она — леди Диана. Она леди Диана.

Да, таковы английские законы наследования: со смертью отца виконт Джонни Спенсер стал графом Спенсером. Теперь его домом стало родовое поместье — согласно тем же законам, отныне он должен был там жить со своей семьей.

Мы не зря остановились на этом моменте из жизни Дианы-подростка. Этот случай ее неконтролируемого веселья говорит об очень многом. Да, она стала леди. Она дочь графа. Но если взглянуть чуть прагматичнее на это, то сам по себе титул ровным счетом ничего не изменял в жизни Дианы (как и всех остальных членов семьи). Кроме одного: они должны были переехать в замок Элторп. Но это как раз было делом вовсе не из приятных. За столько лет все дети Джонни Спенсера привыкли к своему

родному дому, к простору и свободе. И вот пожалуйста, огромный, превращенный в музей, замок. Мрачный и старый. Скучный. Заунывный!

И все же Диана танцевала от счастья.

А теперь вспомните те многочисленные описания, которые показывают нам и маленькую девочку, и девушку, и принцессу Диану как женщину, преисполненную соучастия к чужой беде. Сочетаются, не правда ли: вот рисунок страдающей от людских бед дамы, а вот картина девчонки, издающей радостные вопли по случаю смерти родного дедушки?

В чем была истинная причина радости Дианы, которая затмила все ее напускные страдания?

Просто в ее жизни произошел тот маленький поворот, который столь часто упоминался в ее любимых романах: вот она на шаг ближе к мечте.

О чем же мечтала эта девочка? О каком принце?

О самом главном, о принце из принцев.

Но пока прибудет тот принц на белом ли коне или под алыми парусами, Диана, как и все члены семьи, переехала в родовой замок.

На жизни семьи в замке стоит остановиться, поскольку здесь, как мне кажется, произошли многие вещи, которые приоткрывают еще кое-какие тайные уголки личности Дианы.

Когда я рассказывал о Джонни Спенсере, возможно, вы подумали, что он был напрочь оторван от света, этакий затворник. Нет, это не так. Он сторонился света, но он был аристократ и выполнял все писаные и неписаные законы своего общества. Теперь уже граф Джонни Спенсер был образованным человеком, живо интересовался историей и культурой своей страны. И вовсе не случайным оказалось его участие в одной работе, имеющей достаточную ценность для английского общества. Это был буклет, в котором поднимались вопросы сохранения исторического наследия Англии. Поскольку сам замок Элторп был практически музеем, здесь проводилось немало работы. Тогда еще виконту Джонни помогла одна женщина, Рейн Легги. Ум, красота, порядочность, изысканность в обращении — это Рейн. Кроме этого, потрясающая настойчивость, целеустремленность. Неудивительно, что Джонни был вскоре очарован ею. Заметим, что и старику графу, когда он был еще жив, эта женщина пришлась по нраву. А ведь это расположение Рейн получила почти шутя: делая незначительные для себя, но весьма интересные для старика подарки. Она дала старому графу возможность почувствовать внимание к своей персоне, истинное и непритворное. Впрочем, это было, скорее, приправой к блюду,

поскольку граф ценил в Рейн главное: ее манеры и ум.

И вот Рейн стала частым гостем в замке у Спенсеров.

И дети Джонни ее возненавидели.

Можно ли это объяснить? Думается, без проблем: мачеха всегда вызывает у детей страшное чувство возможной потери. Одна потеря случилась — мать. Теперь дети боятся потерять отца.

Дети — страшные эгоисты. Особенно в таких случаях.

Вспоминается один случай. Женщина, успешная в делах и семейной жизни, вполне довольная собой и тем, чего смогла достичь, как-то призналась: не знаю, чем мне искупить свою вину. Правильнее: не знаем. Это она говорила о себе и своей сестре-близняшке. А случилось вот что. Когда им было по 7 лет, нелепо погиб отец. Мать его очень любила, да и они тоже испытывали к отцу самые теплые чувства. И вот он погиб. Прожили вместе с матерью семь лет. Им по 14. Девочки становятся девушками. Им столько всего нужно! Мать, работая на двух работах, не может свести концы с концами. И тут девочки начинают замечать, что к ним в гости уже два раза пришел какой-то дядька. На третий раз они не пустили его в дом. И когда мать попыталась поговорить с ними, они устроили ей такую истерику! Пригрозили самоубийством. И мать сдалась. А ей в это время еще далеко было до сорока. И вот когда ее дочки сами достигли того самого возраста, в котором они запретили матери быть любимой и любить — они поняли, какую страшную боль принесли ей, поняли, чего они лишили женщину. И ужаснулись. И приехали к матери, чтобы на коленях просить у нее прощения. Мать… Мать простила. Да сами они себе простить не смогли.

К чему эта история? К тому, что понять детский эгоизм в таких случаях можно. Но принять его нельзя. Такой эгоизм вовсе не характеризует детей как любящих. Эгоизм остается эгоизмом. Суть его в том, что дети в этом случае не хотят иметь меньше любви. Они не хотят делиться любовью отца с кем бы то ни было.

А наша Диана боялась и другого — она боялась потерять влияние на отца, которое имела. Она боялась потерять рычаги манипулирования.

Диана в своих воспоминаниях любила рассказывать один случай из своей жизни. Как-то к одному из праздников она получила в подарок от отца платье. Очень красивое, оно ей понравилось. Мать Дианы Френсис (мы помним, что она не перестала общаться с детьми — использовала право на встречи, которое дал ей суд) подарила ей к этому празднику тоже платье. И вот Диана вспоминает, как она-де мучительно выбирала: какое платье надеть? Но из воспоминаний слуг известно кое-что еще, о чем сама Диана умолчала. Собираясь на праздник, она вдруг

зачастила к отцу. Задумчивая и несчастная. Пока в один момент не выпорхнула из комнаты отца пресчастливая. Оказалось, отец пообещал ей еще один подарок…

Все в один голос утверждают, что больше всех отца любила Диана. И сама она так говорила.

Мы вернемся к этому утверждению чуть позже, буквально через несколько строк.

А пока… пока Джонни Спенсер сделал предложение Рейн. И Рейн не отказалась.

Что бы ни случилось дальше, сегодня известно одно: Джонни не пожалел о своем решении и этом предложении. Рейн стала для него настоящей женой, той, которая соединила в себе страстную любовницу, верного друга и заботливую мать. И хозяйку в доме: именно благодаря заботам Рейн в замке появились водопровод и центральное отопление. Замок открыли для туристов. И с ней Джонни буквально преобразился — он вдруг обрел самый живой интерес к жизни! Он стал деятелен и весел, он выглядел просто счастливым человеком. И он таким был. Но это далеко не все, что сделала для него Рейн. Она вытащила его с того света.

Вот как это было. Отец Дианы страдал от головных болей, принимал таблетки. И однажды у него случается кровоизлияние в мозг. Его доставляют в больницу, он без сознания. И тут обо всем узнает Рейн. Она врывается в больницу и требует немедленной отправки больного в лучшую клинику Лондона для проведения операции. Проходит месяц после операции — Джонни движется к выздоровлению. И тут неожиданное: пневмония. Да не простая, бактериальная, ее не берут все известные антибиотики. Рейн настаивает, чтобы Джонни перевели в Королевскую больницу, но это почти ничего не дает: кризы идут один за другим, он балансирует между жизнью и смертью.

Рейн не опустила руки и в этой ситуации. Вы помните, она — женщина умная, а значит, среди ее знакомых такие же умные люди. Среди них — директор фармакологического концерна. Рейн просит: дайте нужный антибиотик, у меня умирает муж! И Билл Кавендиш-Бентинку ответил: есть такой антибиотик. Но он не прошел тестирования, он не допущен к продажам. Если врачи в Королевской клинике согласятся впервые применить этот препарат на человеке… Рейн хватает антибиотик и требует от врачей Королевской больницы: лечите. Она берет на себя всю ответственность, заявляя, что если Джонни умрет, то пусть уж лучше от лекарства из ее рук, чем от бездействия ее и врачей.

Препарат победил пневмонию. Потом Джонни будет шутить, что он был первым после лабораторных крыс, кто испробовал новый антибиотик.

Вот такая была Рейн.

На этой женщине решил в 1976 году жениться Джонни Спенсер.

Он понимал, что может значить для детей его брак. И поступил так, как считал нужным: он вступил в брак втайне от детей, понимая свое право старшего решать свои личные вопросы в жизни. Но, зная всю полноту враждебности его детей к Рейн, он не стал сообщать детям о браке заранее. Он решил поставить их перед фактом. Тем более Рейн была настолько частым гостем в замке, что в данном случае заключение брака практически ничего не меняло в распорядке дня.

Дети узнали о свадьбе отца из газет. Вообще-то, узнала Сара — она, в отличие от Дианы, читала газеты.

Диана пришла в ярость.

Когда она встретилась с отцом, у того на лице появилось виноватое выражение. Он рассказал о своей свадьбе с Рейн. И выразил надежду, что его дети в скором времени поймут, насколько Рейн хорошая хозяйка, умная и добрая. Диана сделала шаг навстречу отцу. Что ж, вполне понятный шаг — и граф Спенсер подставил щеку для поцелуя. Ведь к нему идет та, которая говорит о своей самой сильной любви к нему.

И внезапно Диана дает отцу… пощечину.

А теперь вернитесь к тем строчкам, где я приводил слова о якобы самой любящей дочери.

Теперь вспомните дату — 1976 год. Диане уже 15 лет. Это не неврастенический подросток. Это леди. Пусть и юная леди. Которая утверждает, что любит своего отца больше всех.

Как вам такая любящая дочь?

Важный момент: она не попросила прощения.

Своей ненавистью к отцу и Рейн Диана сумела отравить и своего брата Чарльза.

Чтобы нам не возвращаться к женщине по имени Рейн впоследствии, расскажу о еще одном случае. Пройдет уже много лет, брат Дианы, Чарльз, женится. Вот еще интересный момент в этой свадьбе: на нее будет приглашена Френсис, родная мать. Та самая, которую Диана обещала не простить и которую, утверждала, не простила. Все простила, еще и совета спрашивала, держала мать за старшую подругу как ни в чем не бывало. Так вот, Рейн не поздоровалась с Френсис. И Диана это заметила. Ах, как она вспылила! На что Рейн с присущей ей английской холодностью заметила, что из-за Френсис Спенсеры достаточно настрадались.

И тут случилось нечто. Диана кричала так, что все гости были в шоке. Начала она с того, что Рейн ничего не понимает в

страданиях. Что больше всех в страданиях понимает именно она — Диана. Что так, как страдала Диана, вообще никто в мире не страдал…

Это было… весьма некрасиво. И поняв, что окружающие, мягко говоря, ей не поверили, Диана набросилась на Рейн с криками ненависти и обвинений. После этой сцены отец не разговаривал с дочерью более полугода.

Когда умрет граф Джонни Спенсер и его титул перейдет к Чарльзу, брату Дианы, вот тогда Диана поквитается с Рейн от души. Она подговорит Чарльза выгнать женщину из замка. И ее выгонят, унизительно при этом проверив все вещи — она сможет взять только то, что было лично ее и на что она сможет доказать свои права.

И тогда Диана сделает несколько мягких танцевальных па в замке.

Диана любила танцевать.

Думаете, я случайно уделил женщине по имени Рейн столько времени? Нет, вовсе не случайно. Но эта женщина не только помогла всем нам лучше рассмотреть Диану. Есть еще один момент…

Вы помните, что единственным страстным увлечением Дианы было чтение дешевых романов Барбары Картленд?

О, судьба порой играет с нами в такие игры, что мы не знаем даже их названий.

Так вот, Рейн была дочерью Барбары Картленд!

Конечно, Диана знала об этом.

Теперь вам понятна еще одна истинная составляющая ненависти Дианы к этой женщине? Рейн сделала в своей жизни то, о чем писала ее мать: она превратила себя из невзрачной, никому не известной девушки в умную, обаятельную леди. Она стала официальной графиней, она бывала на приемах у королевы. Она обогнала Диану! Теперь Диане ничего не оставалось, как ставить себе цель выше той, что достигла Рейн.

Определение цели

Телегонию одни считают предрассудком и псевдонаукой, а другие именно ею и руководствуются в делах и планах.

Что же это такое — телегония?

Те, кто в нее верит, утверждают, что любой самец, оплодотворивший самку, оставляет в ней свои наследственные признаки. Даже если она не родила от него, эти признаки где-то там прячутся и впоследствии всегда проявятся. Например, если девушка в первый раз переспала с негром, и пусть она не беременела от него, есть все шансы, что спустя много лет, забеременев от вполне себе белого мужчины, она родит мулата. Именно поэтому у некоторых борцов за чистоту крови вида считается невозможной даже случайная связь, особенно первая. На телегонии держится монумент целомудрия, как же иначе?

Вы знаете, где особо правит телегония? У собачников. Вот они свято верят в то, что если сука была покрыта беспородным кобелем, то сколько потом вязок ни будет — чистопородных щенков не видать. Бракуют такую суку в одночасье. Порченая она!

Не могу с уверенностью утверждать, что английская монархия держит у себя дома трактат о телегонии и свято следует ему, как библейским заповедям. Но вот что интересно. В ряду иных условий, которым должна соответствовать невеста принца, недвусмысленно значится целомудрие. Конечно, в наш бурный век с его закрыванием глаз на многие моменты жизни никто не требует от невесты принца идти под венец непременно девочкой. Простыни после первой брачной ночи королеве не показывают. Но одному все же следуют: у невесты принца первым мужчиной должен быть сам принц. Или в любом ином случае никаких известных свету историй с девушкой принца быть не должно.

Диана, как и все в ее окружении, знала о существующих правилах в английском дворе. И это, несомненно, была первая причина такого самоограничения, сексуальной диеты Дианы.

Второй причиной были те самые романы Барбары Картленд.

Диане исполнилось шестнадцать лет. И природа преобразила ее. Вкупе с умением демонстрировать на людях свое неуемное веселье или же романтическую грусть, она была достаточно привлекательна, обаятельна и соблазнительна. У нее были почти прекрасные формы. Диана радовалась этому, как второму сбывшемуся пункту своих планов: она не только стала леди, она стала красивой леди!

Что такое шестнадцать лет? Это жажда любви, жажда

испытывать новые, самые прекрасные на земле чувства — влюбленности. Следует тут же заметить, что частная школа, в которой училась Диана и ее сестры, была, во-первых, раздельной (здесь не учились мальчики), а во-вторых, как и множество иных частных школ для девиц благородного происхождения, очень пуританской. Разного рода вечеринки с танцами и ухаживаниями молодых людей были здесь неслыханным делом. Но тем не менее девушки, которые не считали подобное затворничество обязательным для своего воспитания, находили способы познавать жизнь. Сестра Дианы, Сара, умудрилась даже втянуться в алкоголь, научилась курить.

Поклонники к шестнадцати годам появились и у Дианы, куда же без них. Но, иногда разрешая себе краткие встречи с юношами, Диана ни за что не разрешала им переступить отведенную черту. Сама Диана говорила своим подругам, что ее тело сотворено чистым и таким останется для тех событий, которые еще впереди.

Она буквально бредила тем, что создана для необыкновенной цели. В итоге Диана теряла больше, чем приобретала: она не приобретала опыта общения с мужчинами, опыта общения вообще, целиком полагаясь только на свое умение овладевать сознанием людей, находящихся в массе, направлять их мысли в нужное русло. В первую очередь Диана училась преподносить себя не кому-то одному, но всем сразу, проявляя, когда нужно, то ли веселое участие, то ли нежное сострадание.

Итак, Диане шестнадцать лет. В это время ее старшая сестра Сара уже знакома с принцем Чарльзом, и пусть их знакомство еще носит характер ничего не обязывающих встреч, тем не менее Диана дико завидует своей сестре и проклинает свой возраст — ей кажется, что она упустит свою цель. Да, пока она не определила еще принца в качестве этой цели. И лишь по той простой причине, что не виделась с ним.

В один из дней поздней осени аристократическая молодежь устроила себе развлечение недалеко от замка Элторп в Ноуботтском лесу — началась охота на лис. Диана в то время учится в школе, у нее — занятия. Но, узнав о том, что принц Чарльз посетит после охоты замок Элторп, она убегает с занятий и правдами и неправдами присоединяется к веселой компании молодых аристократов.

Охота на лис — это совсем не та охота, о которой можно подумать, это действительно самое настоящее развлечение со своей обязательной программой. Отметим при этом, что молодые люди во время этого занятия ведут себя весьма раскованно, правда, не переходя границы дозволенного. В общем, во время этой охоты позволялось отбросить обязательную церемонность

поведения и несколько иных правил приличия.

С самого начала охоты она постаралась обратить на себя внимание всех участников мероприятия: была очень жива, весела, казалась милой и непосредственной.

Цель была достигнута: принц не мог не отметить для себя эту девочку, которая показалась ему очень веселой, забавной, достаточно привлекательной. И это — пока все.

Потом вся молодежь переместилась в замок Элторп, где начались танцы. А лучше сказать — настоящий бал.

И тут Диана едва не ревела: она прекрасно сознавала, что ее фигура выглядит вовсе не изысканно, некоторая полнота приводила ее сейчас в ужас. Да, эта досадная полнота еще сыграет свою роль в жизни Дианы. Она будет элементарно бояться стать полной. Она будет терзать себя всевозможными диетами, худеть, лишний десяток граммов станет вызывать у нее истерику. И к этому вот что нужно добавить: Диана обожала вкусные булочки, пирожные, печенье. А теперь представьте: девушка за столом с неуемным аппетитом поглощает в невероятном количестве пирожные и печенье, она не может остановить себя, она ест помимо своей воли. Но разум-то остается трезвым. И вот, когда трапеза закончена, Диана идет в туалет, наклоняется над унитазом и засовывает себе пальцы в рот. И раз, и другой, и третий… Вот такой перевод вкусных продуктов. Да, так и было…

Вернемся в Элторп, где шел бал. Диана кусала губы и смотрела на танцующих, съедая завистью всех девушек, кто был тоньше ее в талии.

Принц Чарльз всегда оставался принцем — он решил как-то отблагодарить девушку, которая, как ему казалось, сумела заглянуть ему в душу и уже этим одним утешить его. В какой-то момент принц решил пригласить Диану на танец. Она снова сменила маску: на этот раз она была смущенной и счастливой юной хозяйкой дома. Диана принялась рассказывать принцу о том, что их замок Элторп на самом деле — настоящая галерея искусств, что здесь масса интересных вещей…

Она не отпускала принца и после танца, явно вознамерившись утащить его в долгие коридоры замка. Но в этот момент подошла Сара. Учитывая те отношения, которые уже сложились между Сарой и принцем, показывать замок принцу должна была она, Сара, а не юная выскочка.

Что и произошло. При этом Сара недвусмысленно дала понять своей сестре, что с ее стороны крайне некрасиво напрашиваться в спутники принцу, зная о положении вещей.

Вот сейчас думается: а жаль! Чертовски жаль, что Сара увела

Чарльза от своей сестры-выскочки в тот момент. Вот пусть бы попробовала она, Диана, познакомить принца с замком и рассказать ему о том, что находилось в его многочисленных комнатах, большинство из которых стали музейными. Она ведь ничего не знала и не хотела знать о замке, о своем доме. Она всегда утверждала, что здесь сыро, мрачно и пусто, что вся эта «рухлядь» заслуживает места только на помойке, после того как оттуда достанут драгоценные камни и сдерут золотую окантовку. Если бы тогда принц Чарльз увидел, что юная Диана глупа в отношении искусства, как винная пробка, продолжил бы он с ней знакомство?

Но Диану спасла Сара.

И Диана нисколько не злилась на сестру, что та увела принца. Главное было для Дианы сделано — она обрела цель. Она увидела принца, нет, не так: она увидела своего Принца, того самого, принца из мечты, принца из ее романов. И теперь ей осталось совсем мало: выйти за него замуж.

Вот в этом Диана не сомневалась ничуть! Это удивительно, но многие вспоминают, что после того бала в замке Элторп Диана налево и направо щебетала «по секрету», что она обязательно выйдет замуж за принца Чарльза Уэльского. Пройдет пара месяцев, Диана со своими друзьями из школы отправится кататься на лыжах в Австрию. Вечерами, отдыхая от утомительных лыж в уютных барах, девушки мечтали о своем будущем. Когда об этом спросили Диану, она, ничуть не смущаясь, ответила, что собирается выйти замуж за принца Уэльского. Причем сказано это было таким тоном, что переспрашивать никто не стал. Зная характер девушки, ее подруги решили смолчать, не подтрунивать — Диана могла истерично взорваться слезами.

Вот что интересно, обратите и вы на это внимание: Диана нигде не говорит о том, что мечтает стать королевой Англии. Нигде и ни разу. Нет! Она мечтает просто выйти замуж за принца.

Разве же женщина вот так мечтает? Разве же в мечтах девушка останавливается на свадьбе и свадебном путешествии? Почему у Дианы ее мечты не шли дальше свадьбы? Почему она никогда в своих планах выйти замуж за принца не говорила о том, что станет управлять Англией с королем-мужем? Ведь это так очевидно: девушка мечтает, в конце концов, не о свадьбе, а о замужестве и о будущей жизни, не об одном вечере в своей жизни, а о жизни вообще, о доме, о детях…

Почему же Диана в своих мечтах не сделала ни одного шага дальше спальни после первой брачной ночи? Почему все ее планы буквально тормозились о порог ее комнаты как жены принца?

Некоторые начинают оправдывать эти мечты Дианы ее природной скромностью: дескать, так она была скромна и наивна, что вообще не собиралась быть королевой. Она была так влюблена в принца, что не думала об Англии. И прочую ерунду.

Но почему Диана так свободно мечтала о принце и свадьбе с ним, если уж заговорили о скромности?

А ведь ответ прост — вспомним ту загадку о нелетающей птичке. Как все простое, он лежит на поверхности, правда, не на первой, а на последней странице романов ее любимой Барбары Картленд! Дело в том, что все героини романов этой писательницы, проходя через придуманные лишения вроде умывания холодной водой, в итоге получают свою свадьбу с принцем. И первой брачной ночью заканчивается большая часть слезоточивых историй. У Барбары Картленд нет героинь, которые бы стали королевами и правили странами. У нее есть счастливые невесты.

И поэтому Диана мечтала именно о свадьбе.

Дальше мечтать она просто не умела.

Куда же вы смотрели, ваши высочества?

В самом начале истории меня поразило то, с какой слепотой английский королевский двор тащил Чарльза в объятия Дианы. Нет, ну словно реально все ослепли, словно никто ничего не мог видеть. А потом я подумал: а ведь и не могли.

Это сейчас, сегодня, когда по крупинкам воспоминаний собрано прошлое Дианы, когда все ее собственные воспоминания проверены и перепроверены, становится ясно: Диана умела мастерски прятать свою сущность.

И удивляешься уже другому: каким образом одна женщина дала настоящую характеристику Диане, не вступая с ней в тесные отношения личного знакомства?

Очаровательная и умная Камилла Шэнд, сыгравшая такую большую роль в жизни принца Чарльза, назовет Диану бестолковой, пустышкой. И она ничуть не ошибалась. Право, объяснение здесь может быть только одно: Камилла пронесла любовь к Чарльзу через всю свою жизнь, она не могла не видеть женщин, окружающих принца, насквозь. Ведь не зря же говорят, что любовь дает женщине совсем другое зрение.

Перед принцем Чарльзом были поставлены три простых условия: 1. Она должна быть протестантка. 2. Она должна быть аристократка. 3. Она должна быть девственница.

Эти три условия были непременными для будущей невесты принца, и они были озвучены королевой-матерью.

Камилла Шэнд не подходила под это последнее условие, хотя во всем остальном она была бы настоящей невестой принца: умна и красива, страстно любит Чарльза. Если со всеми остальными Чарльз оставался принцем, то с Камиллой он вдруг вспоминал, что он мужчина, причем говорим это без улыбки и без намека на глупый секс. Но Камилла не была девственницей. Она была старше принца на один год, это если судить по возрасту, а вот ее жизнь до принца была очень бурной.

Опять немножко мистики: прабабушка Камиллы и прадедушка Чарльза были в свое время любовниками. С этой новости, кстати, Камилла и начала свой разговор при первой встрече с принцем. По сути, это был вызов. Принц его принял, а дальше… дальше молодые мужчина и женщина поняли, насколько они близки духовно друг другу. Между ними возникло то, чего раньше не было у принца ни с одной девушкой: дружба.

До Камиллы в объятиях принца перебывало немало девушек.

Чарльз, нужно отдать ему должное, никогда не делал пустых предложений. Он просто любил женщин: любил делать им подарки, покупать цветы, говорить искренне комплименты. Нет, он не был повесой, но истинная женская красота всегда радовала его, доставляла удовольствие.

Камилла Шэнд могла бы стать супругой принца Чарльза. Но и не могла, поскольку она не была девственницей. Более того, в свои годы эта леди не раз попадала на страницы бульварной прессы, так охотившейся за пикантными случаями из жизни аристократов. У Камиллы, если говорить языком аристократии, «была история». А будущий наследник престола не мог брать себе в жены женщину, которая имеет пятно на своей репутации.

Это понимала и сама Камилла. И, чтобы не терзать зря принца и дать ему возможность спокойно продолжать поиски невесты, она выходит замуж. Пока принц пребывает в море, происходит ее свадьба с майором Королевской конной гвардии.

Для Чарльза это был жестокий удар судьбы.

Он лишился не любви — он лишился друга. Впрочем, через некоторое время Камилла и Чарльз встречаются, и оба понимают: их дружбе не пропасть, она останется. Они общаются по телефону, подолгу разговаривая друг с другом, потом встречи становятся реальными — оба они понимают, что жить, не видя подолгу друг друга, они не смогут. Увы, встречи станут достоянием гласности, опять поднимется волна в желтой прессе. Королевский двор взволнуется не на шутку: принцу скоро тридцать лет, ему все труднее найти невесту, пресса начинает весьма пристально следить за его встречами с Камиллой. Надо что-то делать…

Это понимает и Камилла, и сам принц Чарльз.

Принц, как мы уже заметили, не повеса. Он воспитан, начитан и эрудирован, он имеет прекрасное воспитание и образование в Гарварде. Он прошел хорошую школу жизни. Но главное: с самого детства принц понимал, что ему быть королем Англии. И он смотрит сейчас на себя как на короля и понимает: вся Англия ждет его свадьбы. Англия жаждет увидеть принцессу.

Но требования, которые уже сам Чарльз в уме ставил перед своей будущей женой, были очень серьезными. Не единожды ему пришлось давать интервью разным изданиям, в которых заходил разговор и о его будущей жене. И принц прямо говорил, что красота, титул и любовь — это еще не все. Женщина, которая выходила бы за него замуж, должна была понимать, что выходит не просто за принца, а за будущего короля, что сама она будет королевой, что ей необходимо многим пожертвовать. Потому что жизнь королевской четы — это практически ежедневная работа,

это жизнь на глазах подданных и во имя подданных. В понимании принца его жена должна была бы разделить с ним его любовь к стране и все трудности королевской жизни. Дружбу между женой и мужем принц ставил буквально во главу угла. Ему нужна была не красавица-любовница, ему нужен был соратник.

Принц в поисках невесты познакомился со многими. Но его личные требования были столь высоки, что он сам отвергал кандидатуры: никто из встреченных им после Камиллы пока не мог исполнить ту роль, которую принц отводил своей будущей супруге. А некоторые девушки сразу предупреждали принца, что не готовы пожертвовать собой и своей жизнью, полностью подчинить себя служению монархии.

Так, в поисках, проходят годы. О принце уже идет слава как о любящем одиночество, о человеке, который всем женским прелестям предпочтет прелесть костра в осеннем лесу.

И тут случается глубокая личная трагедия для Чарльза — погибает его крестный отец лорд Маунтбеттен. Они были очень дружны, это был, по сути, самый близкий духовно человек для Чарльза. Принц настолько подавлен, что без своего верного друга Камиллы обойтись не может, хотя они давно решили не пробуждать к себе интереса общества своими встречами.

Встречи Камиллы и Чарльза возобновляются, это, безусловно, уже встречи поддержки и платонической дружбы, но тут пресса уже начеку. И даже офицеры конной гвардии высказывают свое недовольство королевскому двору, что де принц крутит роман с женой их офицера.

Королева-мать заявляет однозначно: невесту принцу нужно найти как можно скорее! Она уже не настаивает на аристократическом происхождении — главное условие, непременное: она должна быть девственницей.

Пребывая вот в таких заботах, сама королева-мать и придворные попадают на свадьбу одной из дочерей графа Спенсера — Джейн Спенсер. Она выходит замуж за помощника личного секретаря королевы.

Это было в 1978 году. Диане почти семнадцать лет. На свадьбе своей сестры она, как и положено, в роли одной из трех подружек невесты.

На этой свадьбе Диана изо всех сил старалась подчеркнуть свою робость и невинность. Уж она-то знала, чем можно умилить стареющую королеву-мать. И не ошиблась. Во время свадьбы королева-мать подошла к графу Спенсеру и недвусмысленно заметила ему, что он прекрасно воспитал свою дочь.

Как вы думаете, как отреагировал граф?

Я вот тоже задумался. Отец, который получил пощечину от

своей дочери. Который выслушал немало едких и колких слов. Который (помните?) вынужден был отказаться от приглашения королевы на чаепитие из-за того, что дочка не захотела идти. И вдруг ему говорят, что он прекрасно воспитал свою дочь. Конечно, граф был сконфужен. Он только и смог, что мило поблагодарить улыбкой королеву.

Конечно, он и сам не узнавал свою младшую дочь на этой свадьбе. Она была сама воспитанность и кротость.

Королева-мать сделала выбор. Она была пленена поведением Дианы.

Правда, в королевском доме были не настолько глупы, чтобы вот так сразу приступать к сближению Дианы с принцем. Для начала специальная служба собрала все необходимые справки о Диане. И получилась блистательная характеристика! Нигде в непристойных заведениях не замечена, никаких громких и грязных романов, безупречное поведение, учтива с людьми, воспитанна. Да, умом не блещет, работает няней. Но в остальном идеальна!

И королева-мать делает так, чтобы принц Чарльз и Диана Спенсер начали встречаться почаще на разных мероприятиях. И вот уже через какое-то время после свадьбы на дне рождения принца Диана — среди приглашенных гостей.

В ту пору у многих могло сложиться впечатление, что самые разные люди стали буквально руководить жизнью Дианы, что ее выбрали и вот теперь ведут по пути сближения с принцем. Не только королевский двор. Старалась бабушка Дианы — Рут Фермой, которая не оставляла в себе надежды на то, что если не ее дочь, так уж внучка займет высокое место в обществе, станет воплощением ее женской мечты. Приложила свою руку и Камилла: мы уже говорили о том, что она не видела в Диане соперницы, она рассматривала ее как ширму, как нужное на данный момент для принца увлечение.

Но все ошибались в оценке своего значения для судьбы Дианы. Не они писали сценарий и не они диктовали правила игры для Дианы. Она сама играла. Играла всеми ими. Она видела перед собой цель. Она поняла, как достичь этой цели. Она без труда разобралась в тех несложных правилах поведения, соблюдая которые, она приобретала все новых и новых союзников. С бабушкой Рут Фермой она была внимательна и уважительна, слушала ее с особым вниманием, изображая на лице готовность следовать ее советам. В компании на отдыхе она была весела и непосредственна, чем умиляла степенных аристократов. Находясь в пределах видимости королевской семьи, была учтива и кротка.

Диана начинает получать приглашения практически на все великосветские мероприятия, где бывает принц. Она исправно играет свою роль, роль, которая нравится всем, с которой так сжилась, что никто даже не думает о фальши и надуманности. Но принц пока остается почти безразличен к ней. Наконец королева-мать прямо указывает ему на Диану и говорит, что такую девушку упускать нельзя! Но для принца Диана — просто веселая, воспитанная… пресная. Ему нужно что-то иное.

Диана знала, что нужно принцу. Весь последний год она самым внимательным образом следила за его жизнью. Подумать только — она читала газетные статьи о нем. Диана ждала момента, чтобы сразить принца заготовленным оружием.

Случай представился не так скоро, как хотела Диана, но все же: в 1980 году (Диане уже девятнадцать!) ее приглашают в гости — там ждут принца Чарльза. Все уже знают, что Диана выделена королевой-матерью, стараются поддержать игру, тем более видят, что Чарльз в компании Дианы немного веселеет.

Это была дружеская вечеринка, с барбекю на открытом воздухе, с прогулками по парку, с костром. Диана превзошла себя. Что сказала бы королева-мать, если бы увидела, как ее кроткая-робкая-невинная вдруг флиртует открыто и даже чуточку фривольно, кокетничает на глазах у всех, ничуть не стесняясь, хихикает, как, простите, дурочка. Да, она стала центром праздника, живым веселым огоньком. Диана неотступно следует за принцем, она постоянно рядом с ним. Это произвело на Чарльза впечатление, ему импонировало такое поведение Дианы: простое, веселое. Все оценили поведение Дианы как ее страстную попытку произвести впечатление на принца.

Улучив момент, Диана присела Чарльзу на колени: вот так запросто. И сказала ему, что у нее отличные зубы, она ни разу не была у дантиста с необходимостью ставить хотя бы самую маленькую пломбу. А еще она откровенно призналась, что на ее счету нет ни одного сданного экзамена. И с наигранной кокетливой улыбкой поинтересовалась: сказанное ею имеет какое-то значение для принца или нет?

Как видите, Диана все ближе и ближе подводила принца к выводу о том, что она веселая, учтивая, но слегка легкомысленная леди без особенных комплексов. Как вы думаете, зачем ей было разыгрывать перед принцем такую комедию?

Ответ довольно прост: Диана играла в игру, которую сама затеяла, которая была хорошо известна ей: игра на противоположности. Суть этой игры такова: вы ведете себя определенным образом, чтобы о вас сложилось нужное вам впечатление у собеседника. Когда это впечатление укрепилось,

необходимо одним движением: жестом, словом, эпизодом — резко опровергнуть созданное. Собеседник остается в полной растерянности и понимает, что он вас не понимает, что ваш внутренний мир гораздо сложнее, ярче, многограннее. Что вы — загадка, им до конца не разгаданная.

Покажите мне мужчину, который устоит перед желанием понять, познать женщину, которая в один момент всколыхнула его сознание внезапным открытием?

Диана ждала подходящего момента. И он наступил вместе с вечером и костром. Все знали, что принц Чарльз любит посидеть один у костра, и, увидев его желание побыть наедине с живым огнем, предоставляли ему такую возможность.

Диана выждала время, чтобы принц смог немного насладиться созерцанием костра, подошла к нему, присела скромно рядом. И так же, как и принц, глядя в огонь, стала с грустью и состраданием говорить о том, что у нее сердце буквально обливалось кровью, когда она видела принца на похоронах его крестного. Принц был самым несчастным человеком. О, она видит, насколько принц одинок в этом мире, несмотря на кажущуюся полноту его жизни, видит, насколько это ужасно для него, видит, что принцу некому доверить свою грусть, некому высказать свою боль, ему не с кем разделить свое отчаяние и редкую радость. И от всего этого Диане так безмерно больно…

Принц Чарльз вздрогнул.

Еще пять минут назад он видел в Диане все, что угодно, но только не преисполненную состраданием девушку. Никто ему так открыто и просто не говорил о его одиночестве, никто не пожалел его.

О, эта жалость… Все мужчины в определенные минуты любят, чтобы их жалели. А ведь на Руси раньше женщины и не говорили, что любят, говорили, что «жалеют».

Сострадание — величайшее оружие в руках женщины. Состраданию хотят верить, его принимают, потому что человек не требует от тебя нечто, нет, он соглашается взять твою боль и разделить ее.

Вспомните требование принца к будущей жене: она должна быть в первую очередь другом, готовым понимать и принимать, делить и делиться. Сколько женщин до этого было у принца (оставляем здесь без внимания Камиллу), но никто из них не попытался быть для принца другом.

Проиграем еще раз ситуацию: одинокий принц у огня думает о своем. Да, наверняка он думает о собственном одиночестве. Недавняя смерть крестного вышибла его из седла, ему тяжело и

крайне пустынно. Он устал от поисков невесты, он устал от давления двора и осознания того, что должен, наконец, выбрать себе жену. И в этот момент рядом с ним появляется девушка, которая его сегодня, говоря простым языком, достала своим откровенным приставанием и жаждой заполучить все его внимание. Принц кривится, как от зубной боли: опять эта дурочка начнет кокетничать, лезть на колени и рассказывать про свои непломбированные зубы.

И вдруг всего этого не случается. Вдруг он с первых слов ощущает соучастие. Его не добиваются — его жалеют. С ним готовы разделить его боль, скорбь, одиночество.

И начинается теплый, согретый огнем костра, тихий и спокойный разговор о превратностях жизни, о человеческих судьбах. Диана не кокетничает и не пытается впечатлить принца. Она вся внимание и желание утешить, она вся — как теплая повязка на обожженную холодом руку. С ней принцу уютно и просто.

Принц Чарльз был сражен. Точно так же, как был внезапно сражен тот страшный дворник из детства Дианы, который тоже купился на слова жалости о его одиночестве.

Этот разговор у костра стал поворотным в судьбе отношений принца и Дианы. Ее тактика оказалась максимально успешной.

Этот разговор закончился недвусмысленным предложением принца продолжить личные встречи. Не будем гадать на кофейной гуще, что в самом деле имел в виду принц, когда предложил Диане встретиться уже завтра в Букингемском дворце, где принц собирался поработать. Это предложение было по сути предложением заняться завтра же сексом. Это понимала Диана, и сам принц понимал, что Диана это понимает. Мне почему-то кажется, что это предложение принца было проверкой для Дианы. Очень даже вероятно, что таким образом Чарльз хотел составить для себя полную характеристику об этой девушке. Если бы она согласилась на его предложение, это могло бы ее охарактеризовать, согласитесь, далеко не в лучшем свете: как доступную и свободную от всяких там предрассудков. Но в данной ситуации такая свобода вовсе бы не шла к лицу будущей невесте принца.

Диана мгновенно уловила этот тонкий нюанс предложения. И отказалась.

Отказ не обидел принца. Он только улыбнулся и предложил встретиться через несколько дней уже в другом месте: на борту яхты «Британия».

А вот это было уже стоящим предложением. Принц приглашал ее не как девку для увеселения на один день, но как

свою гостью (а там уж посмотрим, как оно сложится). И Диана с радостью приняла это предложение.

Время на яхте прошло чудно для Дианы. Она сумела завоевать симпатии нескольких друзей принца, очаровала своим жизнерадостным поведением всю команду яхты и ее капитана, одновременно оставаясь на борту именно леди, гостьей принца, а не дамой для увеселения. Во время небольшого круиза Диана играла для принца роль чуткой и заботливой, исполненной соучастия женщины.

И тот сражен этой игрой. После этой поездки он признался одному из своих друзей, что, похоже, он готов влюбиться в Диану. Еще чуть-чуть — и влюбится. И уже серьезно раздумывал о ней как о возможной своей невесте.

Далее события развиваются очень бурно. Уже осенью этого же года Диана была приглашена в королевскую резиденцию Балморал. Там в это время проходили так называемые Бремарские игры: шотландцы в национальных одеждах соревновались в традиционном бросании тяжестей.

Диана пленила своим обаянием и весельем членов королевской семьи и самых близких друзей принца Чарльза. Она была мила и непосредственна. Вот она идет в группе аристократов на прогулке, вдруг поскальзывается и падает в болото. Грязная, мокрая — какая досада! Но Диана только весело хохочет над собственным видом, над своей неуклюжестью. Супруга одного из самых преданных друзей Чарльза, Патти Палмер-Томкинсон, вспоминала, что Диана была вулканом веселого заряда, каждый момент с ее участием превращался в веселую увлекательную игру.

Однако женщины всегда остаются женщинами — самыми проницательными в отношении друг друга. И эта же Патти спокойно отметила позже, что цель Дианы — завладеть принцем как мужем — была видна невооруженным глазом умной женщины. Диана была настолько серьезно занята своей игрой, что ее фальшь чувствовалась женским сердцем. Впрочем, не только женским сердцем, но и мужским проницательным умом. Например, секретарь королевы лорд Чартерис позже вспомнит, как Диана буквально заглядывала в рот принцу, стараясь первой реагировать и весело смеяться над его шутками, быть всегда у него перед глазами и, главное, при малейшей возможности демонстрировать свое участие, внимание и обожание.

Через месяц Диану приглашают в другой замок: в Биркхолл. И этот момент был исключительно важен: королева-мать собственноручно вписала имя Дианы в лист приглашенных. Более того, когда бабушка принца прибыла в замок, она захотела

посмотреть, как устроили спальню для Дианы. И вся прислуга в замке поняла: эта девушка становится особой гостьей в замке.

Тут мы должны пояснить одну маленькую деталь. Вот такое приглашение в гости в замок для английской аристократии значит немножко не то, что понимают под приглашением в гости русские. Это не приезд на один вечер, большой общий стол с оливье и жареной курицей, с танцами под брюзжание соседей. Гости в замке — это на несколько дней. Это разнообразная программа. Это и просто жизнь в данный момент в данном месте.

Диана вела себя так, что ни у кого из гостей и прислуги не осталось сомнений: эта девушка не только охотится за принцем — она любит его. Именно так: любит. Не влюблена сумасбродно, а готова сделать все, что бы принц ни приказал. Она демонстрировала такую готовность самопожертвования, что это всех тронуло.

Хотя, поправимся, не всех без исключения. Например, главный камердинер Чарльза Стивен Барри видел за всем поведением Дианы только хорошо усвоенные уроки. Ну да, ведь именно он инструктировал Диану: в какой момент можно улыбнуться принцу, когда оставить его и уйти, когда подать ему сок или воду, когда предложить гулять. Какие милые безделушки принц любит, какого цвета галстуки терпеть не может, где в саду любит гулять и где в том саду любимое место принца.

И то, что принц Чарльз принимал как необыкновенную чуткость Дианы ее способность не угадывать, а глубоко ощущать его настроение, проявлять к нему уважение и понимание, было не чем иным, как старательно запомненным Дианой.

Она доставала бедного камердинера всякое утро, она требовала от него подсказок в разговорах условными знаками, требовала сообщать ей обо всех настроениях принца в момент ее отсутствия.

И камердинер выполнял все. Что поделать, и он был пленен тем же оружием, что и сам принц Чарльз: Диана проявила, как ему казалось, самое искреннее и теплое соучастие к его мужской судьбе. Ну, какой мужчина не посчитает за приятную обязанность для себя сообщить этой милой леди, что принц, в которого она влюблена, обожает, скажем, запонки с синими камнями, а на шестой от калитки скамейке он всегда садится покурить, созерцая перед собой поляну посреди дубовой рощицы?

И вот уже во время прогулки в парке Диана, чуть опережая принца, предлагает ему присесть именно на этой скамейке, потому что, смотрите: какая красивая поляна прямо перед глазами…

После замка Биркхолл принцу Чарльзу начинает казаться, что

он влюблен в Диану.

Кажется, для создания завершенного полотна чувств остается последний штрих маслом: интимная связь. Не будем ханжами: невеста принца должна быть девственницей, но это не значит, что она должна хранить девственность до первой брачной ночи. И сам принц, и Диана понимали, что физическая близость может стать решающим фактором в развитии их отношений.

В конце осени Чарльз приглашает Диану в свое личное поместье Хайгроув. Скромный такой особняк в три этажа, девять спаленок, восемь ванных комнат. Для Дианы это было вовсе не пределом мечтаний.

Но Чарльз покупал для себя это поместье вовсе не случайно: совсем близко отсюда проживала Камилла. Правда, сейчас Чарльз не вспоминал о ней. Сейчас в гостях у него была Диана. Они пили чай, мило беседовали. Это то, что видели посторонние глаза. По тому, что Диана приезжала с одной прической, а спустя какое-то время возвращалась с немного другой, можно сделать предположение, что тот самый штрих на картине был сделан. И сделан максимально удачно для Дианы. Уж такой штрих она сделать умела — какая из женщин не способна обмануть мужчину в постели?

Рубикон перейден

Аристократия, да еще английская — очень интересная аристократия. Кроме самых разнообразных традиций, есть у нее и весьма необычные для простых смертных правила. Например, вовсе не считается обязательным, чтобы в браке муж и жена подходили друг другу. Если подходят — это замечательно, право же, но вовсе и не обязательно.

Увы, чистота английской аристократической крови требует от супругов жертв. Молодым людям, вступающим в брак, будто говорят: помните, любовь любовью, но вы кладете свои жизни на алтарь английской истории. И чем выше титул, тем значимее может быть жертва. Тем больше к вам требование истории.

Но тем не менее английская аристократия — это не мизерная кучка снобов, следящих за чистотой крови. Число аристократических семей достаточно велико, чтобы не только не допустить инцеста или иного кровосмешения, но и выбрать себе хотя бы что-то более-менее подходящее.

Диана не была той единственной, на ком клином сошелся свет для королевского двора Виндзоров. И прислушайся Чарльз к восклицаниям и осторожным советам своих друзей, он бы задумался.

После высоких приемов, оставшись в тесной мужской компании, принцу говорил его близкий друг, уже упомянутый здесь Палмер-Томкинсон, что Диана никакая не пара Чарльзу. Никоим образом! И когда Чарльз вдруг сказал, что думает на ней жениться, Палмер впал в прострацию, а затем бросился переубеждать Чарльза. Он говорил о том, что они совершенно разные во всем: в образовании, в широте интересов, в понимании своей роли, в понимании жизни. Да она, Диана, дурочка же, в конце концов. Милая, учтивая, соблазнительная, но ограниченная до такой степени, что если ее нарядить кухаркой, никто не сможет разглядеть в ней аристократку!

Мне кажется, Палмер допустил одну большую ошибку. Ни в коем случае нельзя было, что называется, опускать Диану в глазах принца. Ведь если вам нравится человек, а кто-то пытается уронить его достоинства в ваших глазах, первая ваша реакция — сопротивление, поиск аргументов против вас.

И принц тут же нашел такие аргументы. Да, они разные. И это очень хорошо.

Тут вспомним, кого видел Чарльз в роли своей жены. Друга. Женщину, которая нужна ему для поддержки, понимания. Женщину, которая всю себя отдаст единственной цели — цели

служения монархии и Англии. Принц был уверен, что Диана сможет сделать именно это — забыть себя и помнить о королевстве. Ведь она же так внимательна, да что внимательна — она же предана ему!

Вот это уж воистину, как можно было напустить столько пыли в глаза, чтобы подумать, что Диана вдруг отречется от себя во благо Англии?

Эта «романтическая натура», начитавшись дешевых женских романов, грезила о принце, принца добивалась, чтобы что? Вот так взять и пойти на службу? Вот так взять и подчинить свою жизнь скучному распорядку дня королевы?

Нам обязательно нужно принять во внимание: жизнь королевы — это именно служба. Это распорядок дня, да что дня — недели и месяца, где все расписано по часам, например: прием посла, обед (деловой обед!) с министром финансов, выступление там-то, визит туда-то, выступление где-то… Если вы посвящаете своей работе, даже самой любимой, восемь часов или десять в день, то королева остается королевой все двадцать четыре часа в сутки, и даже на отдыхе королева остается ею — монаршей особой.

Диана впоследствии томно рассказывала своим «придворным» биографам, что-де она мечтала выйти замуж и жить именно за мужем, то есть — беспечно, будем понимать это прямо. Принц Чарльз, по ее словам, должен был заменить ей и отца, и брата, и идеального поклонника. Он должен был во всем поддерживать ее, оберегать. Говорить что-то вроде того, что она всегда молодец, что у нее все получается…

Хотелось бы верить в это. Но не верится. И на это есть две причины. Причина первая: а о какой, собственно, поддержке мечтала Диана? О каком таком деле думала, где у нее должно было что-то получаться и что должен быть замечать принц?

Может, она занималась наукой? Не похоже — с ее-то «любовью» к обучению. Нигде не проскальзывало. Может, у нее было страстное увлечение? Вот помните, у бабушки ее, Рут Фермой, было увлечение музыкой, и она стала зачинателем фестиваля, она жила им, сделала его популярным и нужным всем музыкантам того времени. Да нет же, что-то не видно в биографии Дианы ее страстной игры на рояле или волынке. Диана рисовала? Помилуйте. Писала стихи? Отнюдь, бог миловал: представьте, что бы сейчас творилось на литературном поле с этими стихами — да их бы на Нобелевскую премию выдвигали каждый год. Так на какую такую поддержку рассчитывала Диана, выходя замуж за принца?

Да не было ничего. Диана прямо рассчитывала весело и

беззаботно именно «жить за мужем».

Это первая причина не верить Диане.

А вот и вторая. Маленький эпизод из действия на одном приеме. Но очень значительный эпизод. Значимый. Да нет же, утверждаю я сейчас — знаковый!

Надеюсь, мои дорогие читатели уже составили себе какое-то представление о разных аристократических приемах? Значит: манеры, этикет, правила, нормы. Диана, кстати, даже когда была весела и непосредственна, всегда придерживалась этих неписаных правил. Веселье и жизнерадостность никто не отменял ни в одном месте Англии, но главное — шутка должна быть уместной, а громкость смеха желательно чтобы соответствовала степени юмора в шутке.

Итак, вернемся в Балморал, где проходят соревнования, которые лицезреет сама королева: там шотландцы, насколько вы помните, в своих смешных клетчатых юбках бросают бревна, колеса и камни — кто дальше закинет. На эти Бремарские игры приглашена, как мы знаем, и Диана. Я писал уже о том, что она произвела там самое лучшее впечатление на гостей и хозяев. Мила, непосредственна, весела…

Но вот пикник на открытом воздухе. Это не те пикники, где нужно самим жарить сосиски на углях. Это королевский пикник. Это слуги, это безукоризненная организация всего и вся. Вы просто отдыхаете. Ваше движение бровью замечается дворецким или официантом. К вам бегут с готовностью налить, забрать, подать, принести. И тут у нашей леди Дианы вырывается фраза, которую все присутствующие предпочли не заметить и забыть. Но вот спустя время, когда случилось все, память наша вытаскивает из самых глубин сознания те слова и словечки, которые объясняют случившееся как нельзя лучше.

Вырвалось тогда у Дианы. Она воскликнула искренне, так, что все поняли ее признание именно как требование души.

Глядя на все вокруг себя, Диана воскликнула, что вот это вокруг — вот это жизнь! Что именно вот такая жизнь — для нее! И тут же разухабисто позвала дворецкого: эй, там, подойди-ка, милый!

Вот о чем мечтала Диана — о беззаботной жизни, о бесконечных праздниках, о веселье.

…Опять и опять перечитывая воспоминания самых разных людей, я все больше и больше восхищаюсь Рут Фермой — бабушкой Дианы. Той шотландкой, которая сделала из себя настоящую леди, которая тянула дочь — и проиграла, которая хотела уберечь внучку — и не смогла. С Рут не считались. Во всяком случае, Диана никогда не слушала бабушку, хотя и

подчеркивала свою якобы заботу о ней.

Когда о возможной свадьбе Дианы и принца Чарльза заговорили в свете, Рут Фермой встревожилась: уж она-то прекрасно знала Диану! И она приезжает однажды сама к ней — строптивая внучка не соизволила принять приглашение бабушки. Рут говорит Диане прямо: не по Сеньке шапка! Девушка, с твоим чувством юмора нельзя стать женой принца. С твоим пониманием ответственности нельзя стать королевой. С твоим стилем жизни нельзя входить в Букингемский дворец. И тебя уже не переделать!..

Любите своих бабушек, уважаемые читатели! И слушайте их. Хотя бы прислушивайтесь. Если бы Диана послушала бабушку…

Но Диана послушала мать. Ну да, ту самую мать, которую (будет всем рассказывать в своих воспоминаниях) не простила за предательство в детстве. Как же, как же — Френсис стала лучшей советницей Дианы потом, в преддверии свадьбы.

Мать Дианы была тогда счастлива. Эта партия ее дочери каким-то образом будто оправдывала ее ошибки, нивелировала ее горестную судьбу. О, к тому времени Френсис уже многое поняла…

Новая прическа Дианы после посещения ею поместья принца была замечена всеми. Вспомним: мы живем в век информации. Вездесущие фотографы живут тем, что фотографируют. Первый репортер, заметивший изменение прически Дианы до и после посещения поместья принца, сорвал такой гонорар, что обеспечил свое будущее на год. Естественно, о связи принца стали писать много и часто. Королева-мать все чаще и чаще говорит, что мальчику пора остепениться. Через какое-то время уже и принц Филипп, отец Чарльза, в своем письме к сыну выскажется весьма резко: хватит таскать девок в свое поместье! О короне подумай!

Но друзья Чарльза, увидев, что дело реально начало двигаться к свадьбе, стали еще более агрессивно доказывать принцу, что он ошибается с выбором. Внук Уинстона Черчилля Николас прямо сказал, что в Диане нет веса. Иными словами, она пустышка. Одна из подруг Чарльза, как мне кажется, наиболее точно охарактеризовала поведение Дианы в это время — она сказала, что эта девушка ведет себя не как на приеме, а как на кастинге. Она открыто демонстрирует себя, явно рассчитывая на первую роль, но собирается играть эту роль вовсе не по написанному сценарию.

И принц растерялся. Он думает, думает… И уезжает в Индию. Авось, тамошние мудрецы подскажут ему настоящее, исторически правильное решение.

Зря все же принц Чарльз поехал именно в Индию.

Почему я так думаю? Да потому, что Индия — весьма необычная страна, очень своеобразная, даже революционная в плане чувственных отношений. Вспомните, пришедшее некогда в Россию учение «Камасутра» — это оттуда. В Индии есть храмы, где на барельефах изображены откровенные сцены плотской любви. Индийцы достигли совершенства не только в изображении, но и в реализации этого некогда скрытого от наших глаз и изгнанного из мыслей акта человеческих отношений. В Индии, куда ни глянь заезжий турист, везде читается в движениях, одеждах, церемониях эта чувственность.

Принц Чарльз пребывал в Индии с официальным визитом, а это значит, что гостю показали все, чтобы его пребывание было наполнено удовольствием и приятными моментами после скучных официальных встреч. И это значит, что мужчине в этой делегации невозможно было забыть о женщине, о плотской любви, о тех радостях, которые приносит прекрасное женское тело.

Вот в такой ситуации мог ли Чарльз забыть о Диане? Конечно же, нет. И он был, безусловно, искренен, когда, вернувшись из поездки, признался Диане, что очень скучал по ней.

А кто бы не скучал? Представьте себе, что вас, изголодавшегося, пригласили на обед, где обилие вкусных блюд поражает ваше воображение, где все и выглядит, и на вкус — безупречно, приносит вам истинное наслаждение. И вдруг посреди трапезы вас просят пройти в другой зал. Там вам показывают такие же и иные блюда, рассказывают о тонких соусах и способах приготовления, о форме блюд, о том, в какой очередности и что нужно кушать — но при этом не дают ничего взять в рот! Конечно же, вас безумно будет тянуть обратно за стол.

…Заканчивался 1980 год. Пока принц Чарльз, образно говоря, исходил слюной в далекой Индии, Диана была близка к истерике. Она ни с кем и близко не хотела общаться и даже на Рождество была замкнутой и отчужденной. Вот сейчас хороший повод вспомнить о ее как будто готовности принять участие в судьбе других людей.

Как правило, Рождество для аристократических семей Англии — это организация самых разных мероприятий в приютах для детей, больных, это проведение утренников и вечеров. Короче, это то, что называется благотворительностью. Но Диане, этой «королеве сердец», было не до каких-то там благотворительных идей. К черту! Все к черту и всех к черту! Какие дети и какие больные? Вы что, не видите: меня этот гадкий принц собирается кинуть!

Да уж, положение Дианы было незавидным. Их последние встречи были достаточно красноречивы для общества. И тут предстояло одно из двух: либо Диана становится женой принца, либо она получает для себя «историю». Об этом недвусмысленно начали поговаривать вокруг. И уже бабушка Рут, как бы она ни была осторожна в оценке возможного брака, говорила, что если интимные встречи у Дианы и Чарльза продолжатся — Диану можно «списывать» как возможную кандидатуру в невесты для какого-либо аристократа.

Диана в самых расстроенных чувствах приехала в Элторп и приказала ее не беспокоить. Единственное, на что она могла реагировать живо, — на телефонные звонки. Но принц ей так и не позвонил. Домашние и слуги в это Рождество поняли, каково быть вместе с Дианой, у которой нет настроения.

Наступил новый, 1981 год.

Принц думает. Принц очень много раздумывает над тем, что делать. Он-то чувствует на себе тот груз ответственности, который ему нести по жизни!

Не надо было им расставаться на это время, думаю и я. Ведь любые разлуки сглаживают шероховатости мыслей и притупляют остроту неудовольствий. Зато скука выдвигает для нас на первый план то хорошее, что было у нас раньше. Наглядевшись на сплетение тел в сладострастных позах плотской любви на барельефах индийских храмов, разве мог принц не думать о гибком и послушном его рукам молодом теле девятнадцатилетней девушки? Которая к тому же стремилась произвести на него впечатление и в постели?

В конце января 1981 года принц Чарльз принимает решение. Он звонит в Элторп и приглашает Диану к телефону. И назначает ей встречу. Потому что, как он с усталостью подчеркивает Диане, нужно кое о чем ее спросить.

6 февраля в Виндзорском дворце, в уютной и тихой оранжерее, среди сотен самых разных цветов принц Чарльз предложил Диане быть его женой.

Вряд ли мужчина мог бы найти место более подходящее для таких слов. Зимой среди зелени и цветов… Принц-то, оказывается, ничуть не чужд романтики.

И мне, как мужчине, было очень интересно узнать, как же на самом деле отнеслась Диана к этому предложению. Учтите: Диане предлагают стать не просто женой — ей предлагают стать в будущем женой монарха, королевой Англии!

Так что Диана? Как она среагировала на это?

Диана захихикала.

Как деревенская дурочка. И потом спросила принца, не шутит

ли он? Но тут же, словно испугавшись, что принц вдруг скажет, что да, пошутил (цветы вокруг, погода хорошая, почему бы не пошутить?), Диана кричит, что да, согласна, да!

Вот если бы на мое предложение так среагировали — по сути, обвинив меня в глупых и неуместных шутках, я бы обиделся. Судя по всему, и принц Чарльз почувствовал под ногами пропасть. В надежде найти мостик, он дальше серьезно спросил Диану, понимает ли она, что однажды станет королевой?

Ну конечно, понимает, ответила ему Диана. И добавила, что она так любит принца, так любит…

Каким образом ее любовь помогала ей понять будущие обязанности королевы — одному Богу ведомо.

Вот таким был тот самый исторический момент.

Важный момент, впоследствии буквально препарированный по каждому жесту и слову. Не один раз Диану будут спрашивать о нем: что она почувствовала тогда. Как она отвечала? А давайте попробуйте угадать. Вот я вам привел по возможности самую правдивую правду, сверив этот эпизод с десятком вариантов. Да, было именно так: «Выходи за меня замуж. — Хи-хи, шутите? Да, конечно, пойду — а что? — Вы спустя несколько лет станете королевой Англии, вы понимаете это? — Конечно, я же так вас люблю».

И что же Диана? Впоследствии Диана обвинила принца Чарльза в черствости и гадкой бесчувственности. Это ж надо, она так мило засмеялась, попыталась все перевести в шутку, а он тут пристал со своими обязанностями королевскими. Испортил такой романтический момент!

Да, Диана обвинила принца в холодности в момент его предложения.

Ну, не знаю, как у милых дам, но если бы меня на месте принца обвинили бы в бесчувственности именно в этом моменте, я бы задумался о психической адекватности обвинителя, ей-богу.

Ложь Дианы настолько нелепа, что порой спрашиваешь себя: она сама помнит о том, о чем врала раньше? Диану столько раз ловили на лжи в ее воспоминаниях, что этому уже устали удивляться.

Так и здесь, с этой встречей в оранжерее, с предложением. Ну, согласитесь, что принц Чарльз выглядит здесь совершенно нормальным, ведет себя соответственно. Ну, не на ночь же он проститутку приглашает, чтобы она хихикала в ответ и пыталась шутить.

Диана обиделась на черствость принца — так она потом рассказывала, естественно, когда они разошлись. Но ведь врала, ой как врала.

Диана была вне себя от счастья. И это подтверждают факты.

Встреча с принцем была короткой. Диана после стремглав летит на свою квартиру к подружкам и кричит с порога: принц сделал ей предложение. И она ответила согласием (не дура же она отказывать). Она цветет, она излучает радость каждым движением и всеми фибрами души (или что там у нее было).

Новость распространяется по Лондону со скоростью сегодняшней мобильной связи.

Был один человек, близкий Диане, который был не очень рад этой новости.

Не угадаете, кто это?

Подумайте. Нет, не бабушка Рут Фермой. Про эту мы знаем.

Правильно — это мать Дианы, Френсис. Теперь она вышла замуж и стала Френсис Шэнд Кидд. Мать смотрела на дочь — и вспоминала себя, такую молодую, которая поставила перед собой цель непременно овладеть сердцем виконта Спенсера. И чем закончилась ее семейная жизнь? А разве Диана мало похожа на мать в ее годы? Разве принц Чарльз не так же старше Дианы, как некогда виконт Джонни был старше Френсис Фермой? Пусть в начале встреч Чарльза и Дианы Френсис и была безумно рада, пусть возможная свадьба ее дочери с принцем и проливалась ей бальзамом на душу. Но вот теперь, когда вдруг за всеми этими мечтами наступило время реального предложения, когда предложение было сделано и стало историческим фактом, Френсис вспомнила себя и свою жизнь. И взглянула на Диану не как на свою дочь, которой желала счастья, а как на саму себя.

Этот разговор матери с Дианой также стал известен широкой публике, но на нем как-то особо не акцентировали внимание, а если и приводили в пример, то только как подтверждение того, что де Диана любила принца. Но лично я здесь увидел такое, что пришлось немало еще поискать похожих откровений, сравнить, отвергать шелуху надуманности. Вывод, который напрашивается, ошеломил меня. В этом разговоре с матерью Диана вдруг предстала… Впрочем, по порядку.

Итак, мать (да-да, та самая, «никогда не прощенная») встречается с Дианой и предупреждает ласково: детка, ты бы осторожнее, что ли. Куда ты так спешишь? Ты понимаешь, что королевский дом — это место работы? Ты понимаешь, что жизнь королевы — это не балы и роскошь, а ответственность и еще триста раз ответственность? Ты понимаешь, что быть женой короля — это тяжелейшая ноша?

В ответ Диана радостно смеется: она все понимает. Она все-все понимает. Она называет Френсис мамочкой, она нежно успокаивает ее и утверждает: она очень-очень любит принца

Чарльза.

И тут мать, женщина, которая похлебала уже аристократической похлебки, задает ей вопрос, который и стал для меня одним из самых диагностических, если можно так сказать, вопросов для Дианы. Мать спросила Диану: а в кого она влюблена — в Чарльза самого как человека или в принца Чарльза?

Знаете, что ответила Диана?

Она спросила: а какая разница?

Не знаю, как для вас, уважаемые читатели, но для меня в этом ответном вопросе Дианы вся ее поверхностность. Для меня здесь — ужасающая пустота внутреннего мира, неумение отличить образ от живого человека, мечту от реальности. Здесь — полное подтверждение слов внука Черчилля о том, что Диана — «легковесна», то есть пустышка.

Вранье Дианы по поводу именно этого времени, ее реакции на предложение стать женой настолько многообразны, что она, в конце концов, запуталась сама.

Меня во всем этом непрестанно интересовал один вопрос: понимала ли Диана, что значит быть королевой? Хотела ли она просто за принца замуж или мечтала быть монаршей особой? Я уже писал выше, что мечты Дианы не могли идти дальше страниц ее любимых романов. Но все же… Помните, как она счастливо восклицала о том, что ей нравится такая жизнь? Ведь наверняка же она поняла, что станет именно королевой при максимально выгодном для нее раскладе действий. Так неужели она в мечтах не примерила корону?

Примерила, это явно. Но возникает вопрос: а какой она видела себя в этой короне? Кем она себя видела?

В одном месте своих воспоминаний Диана рассказывала о том, что для нее-де вовсе не важным был титул королевы. Мол, потом она о нем задумалась, после уже.

И как вам это? Принц ее спрашивал: понимает ли она, что станет королевой? Мать ее спрашивала об этом же, бабушка спрашивала. И все прямо говорили, а она — «не задумывалась». Может такое быть? Или она врала?

Врала.

Потому что уже подруги ее впоследствии вспомнят, как однажды у Дианы вырвалось сакраментальное признание о том, что она просто должна стать королевой! Диана скажет о том, что она решительно настроена на то, чтобы однажды надеть на голову корону. И этому верится.

Но, анализируя вот эти ответы Дианы по поводу ее будущего, становится понятно: у Дианы было свое понимание места

королевы в жизни Англии, она мечтала о своей королевской жизни немножко (процентов на 95) не так, как обстояли дела в реальности. Диана мечтала быть королевой — но королевой нового типа. Немного забегая вперед, скажу: она мечтала быть королевой-звездой. Которой бы восхищались, поклонялись. Которую бы боготворили. В общем, поп-дивой с королевской короной на голове.

В феврале 1981 года было сделано официальное объявление о помолвке. Этому предшествовало официальное чаепитие с королевой в Букингемском дворце. Диана уже здесь показала свой норов: она не стала допивать свой чай. А лепешки, которые специально подаются к чаю, и вовсе остались ею нетронутыми. А чего тут церемониться? Диана пришла ломать стереотипы — она ведь видела себя королевой «нового типа». Потом было интервью для прессы, которая ждала все это время на лужайке.

Ну а потом Диана, подхватив свою мать Френсис, рванула по магазинам. В самом известном в Англии «Харродсе» Диана выбрала себе костюм — она входила в роль уже официальной невесты.

Интересна история одной вещицы, без которой не обходятся помолвки в Англии, — кольца.

Это кольцо, естественно, было изготовлено до дня помолвки, и занимался его изготовлением лично королевский ювелир. Пришел он во дворец, конечно, не с одним кольцом, а с целой коллекцией и предоставил возможность для выбора. Королеве глянулось одно: белое золото, сапфир и бриллианты. Восемнадцать штук. На этом же кольце остановился и Чарльз. Ну, и решили уж и Диане показать: пусть и она сделает выбор, ей же носить. Диана выбрала то же кольцо. Возможно, королева намекнула на него. Вполне возможно. Почему я так заостряю внимание на этом? Просто потом, после развода, всякий момент из этой жизни будет самым подробнейшим образом расписан Дианой. И расписан так, чтобы показать: меня мучили! Я жертва! Я умная, а они все тупые, отсталые, ничего не понимающие в красоте и искусстве. И поэтому кольцо с сапфиром и бриллиантами стоимостью почти в тридцать тысяч фунтов, от взгляда на которое у Дианы перехватило дыхание, стало вдруг в ее «мемуарах» безвкусицей. Иными словами, Диана сказала, что у королевы дурной вкус. Этот упрек монаршей особе был сделан почти сразу же после развода, это стало одной из самых обсуждаемых новостей в газетах. Англия вдруг увидела полную, вопиющую невоспитанность, наглость и тщеславие. Правда, сотни тысяч поклонников Дианы воспылали к ней в еще одном порыве чувств: ах, какая она искренняя и смелая!

После официального объявления помолвки пресса не отступала от Дианы ни на шаг. И Диану селят уже как официальную невесту в резиденцию королевы-матери Кларенс-хаус. Сделано это было не просто так: служба безопасности королевы поняла, что за общением Дианы и прессы нужно следить в оба глаза. Диана просто провоцировала иногда прессу. Она обожала фотографов, любила фотографироваться, поняв, что является весьма фотогеничной. Чего стоит только тот снимок с детьми, ставший одним из первых скандальных снимков: Диана была снята так, что солнце оказалось у нее за спиной и своими лучами сделало ее платье почти прозрачным, тем самым высветив полностью ее красивые ноги. (Этот снимок — целая отдельная история, мы о нем еще поговорим.)

На нескольких днях в резиденции королевы-матери стоит остановиться вот по какой причине. Многие рисуют Диану в преддверии свадьбы как растерянную девушку, вдруг оказавшуюся в страшном лесу среди хищных зверей. Этакий самый главный монстр — королевский двор — набросился на бедняжку и принялся ее жевать. Начав с носков ног. Но если мы заглянем с вами в одну из комнат резиденции Кларенс-хаус, увидим те самые носки ног Дианы за очень интересным занятием.

Эта комната — комната одного из пажей королевы-матери. Когда все улеглось и утихло, Диана принялась будто бы гулять по резиденции. Ну, право дело, интересно девочке, волнуется. Будто бы случайно она забредает в комнату пажа королевы. И правильно вы догадались: она начинает с ним разговор о том, что Диане так жалко таких, как он, — один на весь большой дом, одинок, никто его не любит. Включена система «сострадание + завоевание доверия через простоту поведения». Конечно, паж польщен вниманием будущей принцессы. Он рад оказать девушке хоть какую услугу.

Паж… Как вам сказать, это не просто какой-то там личный мальчик-слуга. Это название такое — паж. Но для сегодняшнего президента, например, это что-то равносильно личному секретарю или помощнику, советнику. В зависимости от того, какая деятельность находится под его руководством и контролем. И комната у пажа — это не коморка под лестницей. А большая, со всем необходимым. Очень большая была комната у этого пажа. Такая, что в ней можно было кататься на велосипеде, который в этой комнате и стоял.

Диана уселась на этот велосипед и стала кружить по комнате.

Еще раз: все стараются показать нам Диану в момент ее приготовления к свадьбе как очень растерянную и забитую девочку-простушку, несчастную, чуть ли не всеми брошенную в

чрево страшной королевской машины. Так давайте взглянем сейчас на нашу Диану! Вот она, смотрите: нарезает круги в комнате пажа, весело звенит звоночком на поворотах и без устали радостно кричит о том, что выходит замуж за принца! Еще круг — звонок-крик. Круг — звонок-крик. Круг — звонок-крик…

Еще более одинокой и никому не нужной хочет показаться Диана в своих рассказах, когда ее приглашают жить в Букингемский дворец. Ах, бедная, она так растерялась!

К слову скажем, этот дворец — небольшое государство в государстве. Здесь есть даже свое почтовое отделение, пожарная служба и все остальное. Это четко действующий механизм жизнеобеспечения королевской семьи. Так и положено быть, как же иначе? Но могла ли Диана почувствовать себя здесь брошенной? Нет, это неправда. Да, принц Чарльз вынужден был оставить свою невесту в это время — он с официальным визитом направился в Австралию. Но королева лично сказала Диане, что готова принять ее в любую минуту, в любое время!

Но наша Диана… она такая скромная девушка — неужто она станет надоедать королеве со своими проблемами, говорить, что ей тут стало уже скучно, что никто ее не развлекает?

В действительности так и произошло: Диане стало чрезвычайно скучно. Всегда ранее присутствуя на приемах, она оставалась как бы с внешней стороны всех этих мероприятий и жизни двора. Она видела нечто, что существовало будто специально для ее утех. Теперь же она оказалась внутри — и увидела не сами собой воспроизводящиеся блеск и зрелище, а четкий отлаженный механизм, где все работало в строго заданном режиме. Из гостя на вечеринке она оказалась пока еще не в фартуке хозяйки, но она увидела, чем живет хозяйка, увидела ее заботы. И Диане стало не просто скучно — ее испугала эта перспектива. Ей хотелось пышности и церемоний, а вдруг вышло, что за этой пышностью стоит работа и хлопоты, труды по ее организации. Понимала ли она, что так и должно быть, что это — норма для жизни королевской четы? Понимала. Но она хотела жить по-своему. И первые вспышки раздражительности были направлены в сторону принца: почему он уделяет ей так мало времени?

Вообще-то, если быть до конца честным, особых проявлений тоски Дианы я нигде не нашел, разве что только из ее собственных воспоминаний и многочисленных интервью. Но мы-то с вами уже не единожды ловили нашу Ди на лжи. Повторюсь: никто не рассказал ни одного факта о том, что Диана где-то там ревела в подушку и впадала в уныние. А вот один факт из времени пребывания ее в одиночестве во дворце (без принца)

покажется нам интересным.

Диана приходит в гости к кому? Правильно подумали: к кому-то из слуг. На этот раз Диана избрала для своих бесед и времяпрепровождения личного секретаря принца Чарльза. Да и сам принц попросил секретаря Колборна быть внимательным с Дианой, в случае чего помочь, подсказать. И это еще раз подчеркивает, с каким вниманием на самом деле отнеслись к Диане во дворце. Она действительно была окружена вниманием и заботой — стоило ей только попросить. Но ей не хотелось просить — она привыкла принимать, она ждала именно такого: что ей буквально будут заглядывать в рот.

Так вот, Диана направляется к секретарю Чарльза Колборну и начинает разговоры… Ну конечно: об одиночестве людском, о своей незавидной участи и о скучной жизни самого Колборна. Кто его, бедняжку, пожалеет? Не принц же Чарльз, не королева. Только Диана…

Часть первая: установка доверительных отношений. Диана спрашивает, может ли она звать секретаря просто по имени — Майкл? Тот соглашается — куда ему деваться. А Диана тут же предлагает немыслимое: пусть Майкл называет ее просто Дианой…

Благоразумия у секретаря принца хватило, чтобы отказаться, однако он был польщен таким отношением. И вот вечер за вечером — милые беседы в кабинете Майкла Колборна становятся обычным и приятным для Дианы занятием. Интересный момент в одном из разговоров. Диана как бы между прочим спрашивает Колборна, изменится ли она со временем? На что он спокойно отвечает: конечно, изменится. Пройдет несколько лет, и из любой женщины, самой милой, но облеченной властью, вырастает стерва. Майкл ошибся — стерва уже выросла, он не разглядел, проникшись настоящей заботой о «бедной девушке».

Диана в скором времени продемонстрировала ошибку Майкла. Он стал доверять Диане настолько, что оставлял одну в своем кабинете, где, как мы знаем, находится вся входящая и исходящая почта принца. Это Диане как раз и надо было. Она принимается тщательно осматривать все, к чему могла дотянуться. В один из таких осмотров ей попадается на глаза небольшая посылка, сверток. И что Диана? Ничуть не сомневаясь в своих действиях, она вскрывает пакет, видит там золотую цепочку, скромную, с медальончиком.

Диана устроила такой разнос принцу Чарльзу, что он был просто обескуражен. После он рассказывал друзьям, что вдруг увидел в Диане совершенно другую женщину — именно

женщину, а не девушку: хищную, мстительную. Диана обвинила его во всех смертных грехах: в его холодности к ней, бедняжке, в его равнодушии, в его тайной связи с Камиллой.

Это было чересчур — принц в действительности имел в то время связи с Камиллой, но самые что ни на есть дружеские. Да и с чего бы ему вдруг прекращать всякие отношения, в которых он находил полезное для себя?

Но Диана бросается к сестре Саре: меня обманывает Чарльз! Я не пойду за него замуж!

Ох уж эта игра на публику… Сколько она пробыла во дворце до свадьбы, а все успели заметить, с каким ужасающим постоянством у Дианы меняется настроение. Она, как когда-то в детстве, всегда требовала к себе внимания. Если вдруг этого внимания ей казалось мало — начиналась почти истерика. И это во дворце многих насторожило: они не замечали раньше таких вспышек нервозности за этой милой, как им всем казалось, девушкой. Чего ей не хватало? Впрочем, все рассудили, что это все из-за предсвадебного волнения. Девочка оказалась совершенно в других обстоятельствах, в другой обстановке — простим ей… И простили, не замечали…

Тем временем Диана начала подготовку к свадьбе. Главное — свой наряд. Его она решила делать по своему усмотрению — такое право у нее было, и она решила им воспользоваться, что называется, на полную катушку. Пригласила модных (читаем — попсовых) дизайнеров супругов и сказала им, что ее наряд должен затмить все ранее существующие наряды принцесс в день бракосочетания. Он должен быть таким, чтобы его никто не смог повторить. Он должен войти в историю! И ведь вошел, забежим мы вперед.

Что интересно, Диана сама активно вмешивалась в работу дизайнеров — вплоть до самой последней мелочи. Она столько читала о сверкающих свадебных нарядах в романах Барбары Картленд, что буквально грезила своим свадебным платьем. И вот теперь грезы имели все шансы материализоваться.

Помните, Диана обвинит потом королеву в безвкусии за выбор обручального кольца? Не очень сведущ в свадебной моде, но мне кажется, уже в то время пышные рукава были немного устаревшим элементом. Как и пышная юбка с обручами. Как и восьмиметровый шлейф. Вот из-за этого шлейфа платье Дианы и войдет в историю. Модный дизайнер — это дизайнер без опыта. Это пена на гребне волны. Она наверху, но она не волна, в ней нет ни чувства стиля, ни мощи опыта. Пышнейшее платье с восьмиметровым шлейфом придумали — эка невидаль. А вот предусмотреть такую мелочь, как карету, фантазии не хватило.

Жених и невеста едут в карете — такова традиция. И где и как в ограниченном пространстве кареты уложить столько материи, чтобы та при выходе не выглядела смятым комком?

Об этом модные дизайнеры не задумались, а о способностях Дианы логически мыслить мы уже знаем. И вот момент: свадебный кортеж подъезжает, принц и принцесса выходят из кареты. И тут эти сами дизайнеры понимают, что сейчас они вместе с невестой будут опозорены не перед Англией — перед всем миром! Ведь в тесной карете XVIII века тот шлейф, лежащий комком (места-то нет!), уже собрался в складки, смят и изжеван. Что делать?! Благо, у супружеской четы что-то там щелкнуло в мозгах, и, нарушив слегка церемониал встречи, они сами подбежали сзади к принцессе и расправили этот шлейф наподобие флага. Вообще-то, получилось неплохо, как будто так и было задумано, но лица у супругов-дизайнеров были с застывшими масками легкого ужаса.

Но пока во дворце шьется платье. Сорок метров ткани высшего качества на одно. Не забудем, что таких платьев было изготовлено три — так требовала традиция. Чтобы никаких пятнышек до последнего момента, никаких затяжек…

Кроме участия в изготовлении свадебного наряда, Диане предоставлено еще одно право: вносить исправления в список гостей свадьбы. О, это был момент немалого наслаждения. Первый раз за все время Диана ощущает реальную власть над людьми. Вот сейчас она проведет линию — зачеркнет фамилию, и сама Маргарет Тэтчер окажется вне списка! А что будет, если так пошутить? Диана упивается этим моментом. И с особым наслаждением вычеркивает из списка гостей Камиллу Паркер-Боулз. Месть маленькая, но приятная, правда? А вот еще в списке автор ее любимых романов, та самая женщина, благодаря книгам которой Диана и держит сейчас этот самый список — Барбара Картленд.

И ее Диана вычеркивает.

Черт возьми, почему она это сделала? Кто возьмется объяснить?

Мне кажется, все очень просто: Барбара Картленд стала не нужна Диане. Диана переросла ее романы, то есть дошла до последней страницы, и, образно говоря, ей нужна новая романистка. Барбара была использована, и на этом всякое отношение с ней у Дианы закончилось. Кроме этого, вспомним: Барбара — мать той самой женщины, Рейн, жены графа Джонни Спенсера, отца Дианы. Хоть чем-то, но уколоть надо…

За несколько дней до официальной брачной церемонии королевой был дан светский бал. Это было похоже на свадьбу в

своем, тесном кругу. Мы выделим этот бал по той причине, что все в своих воспоминаниях о нем укажут на то, что Диана блистала здесь — она была великолепна в своем наряде с жемчугами и бриллиантами, она танцевала весь вечер и ночь. Смеялась, шутила — и никто не уловил в ее глазах той игры, которая всегда была ранее, никто не увидел в ней женщину на кастинге — она была сама собой: счастливая безмерно. Потому что она реально уже стала женой принца — официальная церемония оставалась всего лишь спектаклем для всей остальной Англии и мира.

Англия ждала этой свадьбы, Англия с придыханием следила за развитием событий. Шутка ли — пусть Диана и была дочерью графа, но она работала простой няней. А в последний раз вот такой брак был в Англии аж в 1660 году. Англичане чрезвычайно гордились своей монархией, которая вдруг проявила себя чрезвычайно демократичным институтом, одновременно незыблемо следуя своим традициям.

Диана в своих воспоминаниях и здесь соврет, рассказывая о том, что чувствовала себя почти ужасно. Но мы уже привыкли к ее «маленькой лжи».

Точно такой же счастливой была Диана и на официальной свадебной церемонии. Все условности традиции были соблюдены, последние стежки на ее платье были сделаны, когда платье было уже надето на Диану, к платью была подколота подковка из бриллиантов. На голове Дианы красовалась фамильная реликвия Спенсеров — бриллиантовая диадема. В путь!

Не будем утомлять читателя описанием брачной церемонии, которая проходила в соборе Святого Павла, — все это было не раз показано, не единожды описано. Интересно, что сама Диана в своих воспоминаниях пишет о том, что в соборе среди прочих прихожан она выискивала взглядом Камиллу. Диана вычеркнула ее из списка гостей официального банкета, но ведь сюда, в собор, Камилла могла прийти. Камилла пришла, конечно, ведь принц Чарльз оставался для нее другом.

Обратим внимание на этот момент: совершается исторический, судьбоносный для Дианы и всей Англии акт. А ее головка под бриллиантовой диадемой занята мыслями о мелкой мести Камилле. Диана так и напишет, что Камилла выглядела жалко, лицо ее было серым, шляпка некрасивой…

Диана счастлива, Диана ликует. Она добилась главной цели своей жизни. А остальное — уже мелочи. Причем для нее мелочи такие, что не стоит особо на них и обращать внимание. Подумаешь, перепутала перед священником имя человека, за которого собралась выходить замуж! Когда ее спросили о

согласии, она в простоте душевной ответила, что готова выйти замуж за Филиппа Чарльза Артура Джорджа. Хотя настоящее имя принца звучало как Чарльз Филипп Артур Джордж. Принц слегка опешил и спросил, не собралась ли его невеста замуж за его отца?

Многие посчитали этот свадебный курьез следствием волнения Дианы. Но лично я уверен, что волнения как раз и не было — вспомните, Диана идет к алтарю и шарит глазами в поисках Камиллы. А что было? Да обыкновенное пренебрежение к ритуалу. Главное для нее в этом ритуале осталось одно — она сама, ее блеск, восхищение простых англичан ее красотой и молодостью.

Да, Диана была великолепна в своем наряде. У двадцатилетней женщины на лице было столько счастья, радости и подчеркнутой сексуальности, что вся Англия любовалась ею — это самая красивая принцесса, самая обаятельная за всю историю английской короны!

Не спорю — Диана была действительно самой красивой в тот момент в Англии. Потому что была самой счастливой. Счастье всегда прибавляет к красоте женщины еще вдвое того, что она имеет.

Вы видели церемонию по телевизору? Вы видели снимки Дианы в те моменты? Вы видели пару у алтаря? Вы слышали, вы читали, как принцесса Диана в ответ на комплимент мужа о своей красоте ответила, что вся ее красота и обаяние — для него и только? Вы читали о том, что Диана назвала лично саму себя самой счастливой девчонкой на свете в тот день?

А теперь, внимание, читаем ниже.

Женщина назвала некий день худшим днем в своей жизни.

Женщина сказала, что единственной ее мыслью в тот день было остановиться, повернуться и убежать.

Женщина сказала, что чувствовала в тот день, как ее лишают свободы и бросают в чрево страшной машины.

Женщина сказала, что она наступила на противопехотную мину в тот день.

О каком дне идет речь и кто эта женщина?

Это говорила спустя несколько лет Диана.

Этот день — день ее бракосочетания.

Вы еще верите ей?

Вы верите, что излучающая счастье женщина, от света которого многие женщины мира смахивали украдкой слезы умиления, думала о том, что нужно все бросить и убежать?

Вы верите в то, что, принимая настоящую волну обожания от простых англичан — зрителей церемонии, Диана считала, что это — худший день в ее жизни?

Вы верите в то, что, стоя перед сотнями телекамер и миллионами зрителей более чем в полусотне стран мира, Диана думала о какой-то зверской машине?

Скажу честно: если раньше я еще пытался найти в воспоминаниях Дианы если не правду, то хотя бы несколько преувеличенную обиду, то теперь, после всего того, что я увидел в фильмах о свадебной церемонии, что прочитал о ней, я всякие воспоминания Дианы ставлю под сомнения. И тут же пытаюсь найти воспоминания еще десятка людей именно об этом моменте. Потому что убедился, именно после воспоминаний о свадьбе убедился: Диана врет всегда и во всем. Просто ее ложь настолько наглая, что порой принимается за правду.

Со своим уставом да в королевский монастырь…

Первые месяцы жизни Дианы в качестве супруги наследного принца были для нее полны разочарований. И в своих воспоминаниях, и в официальной биографии отмечается это, причем делается попытка найти истинную причину этих разочарований в трагизме внутреннего мироустройства Дианы. Дескать, юный и нежный цветок поставили в черный холодильник. Дюймовочку выдали замуж за крота. Ну не готова была юная и трепетная душа этой милой, всем сразу полюбившейся принцессы оказаться внутри холодной королевской машины.

В общем, всем сразу и срочно: Диану — жалеть и любить еще больше. Королевский двор — ненавидеть и презирать.

А я улыбаюсь. Мне и не смешно даже — мне весело.

О внутреннем мире этого «нежного цветка», о его способностях отравлять и травить, унижать и уничтожать мы поговорим отдельно, ниже, опять же, веря только доказанным фактам, а не пускаясь в размышления о «внутреннем душевном конфликте».

А сейчас, опираясь на всем известные факты, попытаемся определить, что же за женщина была Диана именно как жена и невеста, как будущая мать, как хозяйка дома, как собеседник, друг и соратник.

Да никакая. Во всем и везде. И, главное, она даже не пыталась что-то изменить в своем отношении хоть к чему-либо.

Вот ведь какой интересный момент: о Диане столько написано, где она выступает с благотворительной деятельностью, где она ходит по больничным палатам (однажды она это делала почти шесть часов! Останавливаясь у каждого больного, задавая ему вопросы…). Естественно, что фоном этих рассказов выступает нечто, что кажется нам естественным и понятным: Диана знала и понимала жизнь изнутри, жизнь, как она есть на самом деле. Ну, вот этакая народная принцесса — ее же именно такой слепила пресса.

Согласитесь, все выглядит именно так. Да еще — вспомним — Диана работала простой няней до замужества.

Но мы глубоко ошибаемся. Мы очень глубоко ошибаемся.

Только спустя несколько лет после замужества Диана узнала, что для того, чтобы автомобиль ехал, у него есть двигатель, а сам двигатель нуждается в такой жидкости, как бензин. И, самое

удивительное, этот бензин можно заливать на заправках, которых так много возле дорог…

Первые совместные вечера мужа и жены вводили Чарльза в состояние прострации: он не знал, о чем можно поговорить со своей женой! Он, высокообразованный, живо интересующийся абсолютно всеми проявлениями жизни, перебрал десятки и сотни тем для разговоров. Чарльз пытался говорить с Дианой о философии, как древней, так и современной — Диана откровенно зевала. Разговор начинался об экологических мировых проблемах — Диана заявляла, что это скучно. Театр — неинтересно. Политика, экономика — это было за чертой ее восприятия, как если бы с простой деревенской бабушкой вы попытались поговорить об устройстве адронного коллайдера. Степень познания жизни и мира вообще характеризует одна такая маленькая деталь: Диана, отправляясь с мужем в официальную поездку в Австралию, не знала названия столицы этой страны. Сосредоточьтесь и еще раз прочтите: мать наследного принца (тогда Диана уже родила сына) отправляется с официальным визитом в страну. Она официальный представитель королевской власти. При этом в Австралии живут ее подданные. И она не знает названия главного города этой страны.

В последующем принц Чарльз, видя такую пропасть необразованности Дианы, заставлял ее прямо в самолете читать хотя бы о самом необходимом. Например, когда они летели в Бразилию, Диана с удивлением узнала, что эта страна находится в Америке, а самих Америк, оказывается, две… Об этом вспоминал посол Бразилии в Великобритании Паоло, который вместе со своей женой летел в том же самолете, что и Диана с Чарльзом. Посол заметил, что Диана что-то читает, причем делает это с такой мукой на лице, что его внимательность и тактичность не могли не нарушить этот процесс. Посол осторожно поинтересовался, каким таким скучным чтением занята Диана. На что Диана, польщенная вниманием посла, тут же ответила, что читает материалы о Бразилии, мол, такое задание она получила от мужа. Принцу Чарльзу ничего не оставалось, как ответить на недоумевающую улыбку посла кратким извинением: принцесса не знает о Бразилии ничего, вот и знакомится хотя бы сейчас, хотя бы как…

Можно было бы и посмеяться добродушно над всем этим. Но Диана была женой принца. Она готовилась стать королевой. Она была на важнейших государственных приемах. Рядом с ней за столом мог находиться в любой момент официальный представитель любой страны мира, разговор мог зайти на любую животрепещущую тему. И Диана оказывалась в роли глупейшей

блондинки.

Уже первые месяцы жизни в Букингемском дворце показали вопиющую тупость (не побоимся этого слова) Дианы: она не могла поддержать ни одной беседы за столом. Следует отметить, что жизнь во дворце подчинялась особым правилам распорядка. Например, четыре раза на день — к завтраку, ланчу, обеду и ужину нужно было надевать новые наряды. Обед всегда был чем-то сродни семейному совету, на него практически всегда приглашались особые гости. И на таком обеде решались порой очень серьезные вопросы политической и экономической жизни страны.

Диана вскоре обнаружила, что не может ничего, ни одного слова вставить в разговор! К ней обращались, от нее ждали оценки и комментария того или иного факта, события, а она или отмалчивалась, или хихикала. Она осознавала свою безграмотность, она вскоре обнаружила, что ее оставляют в покое за такими обедами, чтобы не компрометировать ее саму и королевскую семью — и это Диану страшно злило. Злило! И не более того. Вместо того, чтобы с помощью огромной армии слуг и отлаженного аппарата королевского дома заняться немедленным самообразованием, Диана лишь устраивала сцены, впадала в истерику: как же — ее не замечают за столом! Она никто во дворце!

Лично у меня полное отсутствие эрудиции и знаний у принцессы вызвало сильнейший шок. Она что, не понимала, где она и кто? Как она собиралась жить и стать потом королевой? Как она могла яростно требовать от других членов королевской семьи уважения и почтения к себе, впадать в истерики от их отсутствия и вместе с тем не сделать и шага, чтобы стать частью этой семьи, как то подобает, чего от нее все терпеливо ждали все годы?

Наверняка читатели помнят о том, что Диана не сдала ни одного школьного экзамена. И может быть, среди всех сердобольных и сочувствующих Диане найдется тот, кто упрекнет меня в излишней требовательности к женщине. Чего я хочу от бедной Дианы? Ну, не всем же королевам быть такими, как королева-мать? Не всем дано иметь аналитический склад ума, проницательность. Вот Диана была другой. Не получалось у нее что-то там анализировать, комментировать умно, если обсуждалась тема, скажем, завтрашнего мироустройства в условиях глобализации. Мозг, он ведь такой разный у всех… У Дианы был, значит, особенный. К наукам не приспособленный.

Да нормальный был у нее мозг! Супернормальный. И характер был у Дианы преотличный для того, чтобы уметь поставить перед собой цель и добиваться этой цели. Вот

небольшой эпизод из ее жизни. Как говорят фокусники, следите за руками.

1996 год. Кстати, забегая вперед, развод супругов, Дианы и Чарльза, произошел в 1997-м, вы помните, пожалуйста, об этом. Диана тоже помнила, что она — жена принца, мать наследника, она дает интервью газетам, в которых утверждает, что не желает разрушения семьи, что она любит принца, что желает воссоединения. Но тем не менее эти утверждения для прессы не мешают Диане закрутить роман с кардиохирургом из Пакистана. О любовниках Дианы мы поговорим еще отдельно, тема заслуживает целой главы, но сейчас о другом.

Итак, Диане понравился врач из Пакистана. И она решила сделать его своим любовником. Но как, черт побери, это сделать, если для него она просто женщина? Вот представьте себе такое нахальство со стороны врача: он не падает к ее ногам только потому, что она принцесса. Не падает — и все. Но Диана не из тех, кто останавливается. Она яростно бросается… читать. Угадайте с трех раз, что она читала. Подсказка: врач из Пакистана, врач-кардиохирург. Правильно, вы угадали: Диана принимается изучать кардиохирургию, читает все статьи о новейших достижениях в этой области, знакомится с биографиями и работами самых известных кардиохирургов мира. Другие тексты — из другой оперы: Диана начинает изучать Пакистан, культуру этой страны, стремится изучить искусство, традиции, нормы. Вот уже в ее гардеробе появляются восточные мотивы. Вот она уже почти на равных рассуждает с врачом о феномене ислама в сегодняшнем мире. Вот принцесса спокойно разговаривает с любовником на темы развития кардиологии в его стране. Мало того: она принимает живейшее участие в сборе благотворительных средств на постройку кардиологического центра в Сиднее — в строительстве центра был очень заинтересован ее любовник. Диана, которую боготворила толпа, способствовала тому, что эта толпа поклонников пожертвовала на строительство центра миллион австралийских долларов.

Так кто перед нами?

Слабой, тонкой душевной организации бедная принцесса или целеустремленная хищница?

Вы согласитесь со мной, что Диана для достижения своих целей шла на любые возможные для нее шаги?

Лично я в этом уверен. Вот только она не ставила себе цель стать похожей на королеву.

Диане нравилось быть не просто почитаемой, а именно обожаемой. Диане нужно было не уважение подданных, а преклонение толпы.

Поэтому Диана добивалась уважения и внимания к себе в доме мужа не теми способами, которые лежали на поверхности и были бы одобрены королевской семьей. Вспомним детство Дианы, когда все учителя и воспитатели в один голос утверждали, что она никогда не будет делать того, о чем ее просят или тем более заставляют. Ребенок вырос. Он осознал, что жить можно, действуя только по своим правилам, навязывая их другим. Но не следуя чужим. Даже если эти правила — королевского дома.

Ниже мы еще поговорим о том, кем в действительности считала себя Диана, но факт остается фактом: в своих откровениях Диана подчеркивала, что якобы изо всех сил пыталась сохранить свою индивидуальность. Видите ли, все королевы — они такие… плоские в истории получались, что дальше некуда. Имена одни. А вот Диана хотела быть личностью — везде и всюду станет говорить она потом. И будто бы проклятая королевская машина вытесняла, уничтожала эту личность, индивидуальность.

Насколько это абсурдно и нелепо, судить вам самим. Скажу лишь одно: все королевы Великобритании были одинаковы в том, что они были достойнейшими королевами. Они были сильны и целеустремленны. Они могли быть даже жестки. Они были хладнокровны и сдержанны.

Все эти качества Диана проявит, вы, надеюсь, уже убедились в этом. Разница лишь в том, что свои воспитанные качества характера королевы Англии использовали в делах ради своей страны. Диана же проявляла свою неудержимую энергию и наступательную мощь только тогда, когда дело касалось ее личных интересов.

Беда в том, что в личные интересы Дианы не входила английская корона и Великобритания. Этот «кумир миллионов» включал свои силы на полную катушку только в тех случаях, когда нужно было добиться либо расположения очередного любовника, либо… отстоять деньги при разводе. О, мы еще увидим, как эта «ранимая душа» будет со звериным оскалом требовать у королевского дома сумму во многие миллионы при разводе.

И поэтому Диана, оставаясь женой наследного принца, никогда не стремилась знать то, что ей знать нужно было, вести себя так, как подобает. Она презирала эти правила.

На поведение Дианы домашние, конечно же, обратили внимание. Перевоплощение веселой и непосредственной девушки в молчаливую и нервную женщину, хмуро сидящую за столом, не могло остаться незамеченным. Королева Елизавета однажды прямо указала на эту нахохлившуюся курицу. При этом

подчеркнула, что какой бы ни была Диана молодой, неопытной, она обязана быть женой принца, уметь вести себя в свете.

Лучше бы королева промолчала. Диана вдруг услышала, что она-де что-то обязана! Она! Диана!

И повела себя ровно наоборот ожиданиям королевской семьи.

Тут стоит пояснить один момент. В светском обществе не принято ходить за хмурой особой и пытаться ее развеселить или «лезть в душу» с расспросами. Здесь уважают право личности на поведение — это одно. Второе — уважают личное пространство каждого и его право обретать в этом пространстве столько, сколько тебе нужно. Иными словами, если вас заметили сегодня хмурым за столом, вас обязательно тактично спросят: может, есть возможность вам помочь? Но если завтра вы будете выглядеть точно таким же придавленным мешком с мукой грузчиком, вас уже оставят в покое. Ваше право — веселиться или хмуриться.

Именно поэтому на Диану с ее кислой миной за столом перестали обращать внимание.

Но кислая мина за столом — это был результат и причина нервных вспышек и ссор с Чарльзом. Диана набрасывалась на мужа по любому пустяку, вменяя ему в вину главное: он не обращает на нее внимания столько, сколько нужно ей. Он виноват в том, что в доме с ней якобы не считаются.

Вспышки неуемной раздражительности стали настолько частыми, что Чарльз понял: ему лично Диане не помочь, а помогать нужно. Он, как мужчина и муж, не видел никаких причин для такого поведения своей жены. И потому вызвал врачей.

Врачи и Диана… Отношение принцессы к врачам не поддается никакой логике. С одной стороны, она посещала больницы, она собирала пожертвования на открытие новых центров, она восхищалась своим любовником-кардиохирургом… И с другой стороны, Диана откровенно брезговала каждым словом врача, которое было сказано им лично для нее. То есть она как бы признавала институт современной медицины, но в то же время саму себя ставила вне существования этого института. А далее — еще нелогичнее, еще более стыдно для современной девушки, для жены принца: Диана будет уверена во всем, что касалось астрологии, нетрадиционных методов медицины, знахарства, гипноза, спиритизма и всякого прочего оккультизма. Об этом чуточку ниже.

Так вот, врачи провели целый комплекс исследований и выявили у нее расшатавшуюся психику. Решили начать лечение с обычного успокоительного. И что Диана? Она отказалась принимать лекарство. И знаете, чем она мотивировала этот

отказ? Тем, что была уверена: врачи дают ей эту таблетку, только чтобы от нее отвязаться.

Согласитесь, здесь уже какая-то больная мания и жажда внимания к себе любимой. Но это еще не все: Диана не призналась, что в реальности страдает действительным нервным расстройством — булимией. Во время вспышек своей агрессии или беспричинного отчаяния Диана жадно и много ела, а спустя несколько минут бежала к унитазу, чтобы вызвать у себя рвоту. Она ведь страшно боялась, что вдруг располнеет. Булимия могла сказать докторам об истинном психическом состоянии женщины, но все оказалось напрасным.

Нервные беспричинные вспышки Дианы не оставляют Чарльза безучастным, он пытается найти их причину и способ лечения. Психика человека — чрезвычайно тонкая организация. Для того чтобы разобраться в поведении Дианы, принц Чарльз пригласил своего друга, семидесятисемилетнего южноафриканского философа Лоуренса Ван дер Поста. Этот старик был очень хорошо известен в определенных кругах не только как умный собеседник, но и как человек, могущий влиять на людей, помогать им находить в себе истинные причины поступков. Иными словами — опытнейший психолог сегодняшнего дня. Лоуренс стал частым гостем у принца и принцессы. Он много и обстоятельно беседовал с Дианой, стараясь подбирать такие темы для разговоров, которые бы не вызывали у Дианы раздражения. И вот после многих дней и десятков бесед Лоуренс признается. Правда, это признание он сделает не Диане, что было бы абсолютно бесполезно, а своей дочери. Он скажет, что у Дианы есть только одна беда и эта беда называется подглядыванием в замочные скважины.

А теперь вспомните детство Дианы, ее постоянное подслушивание у дверей спальни родителей. Увы, эта страсть Дианы — подслушивать, подсматривать, видеть во всем заговоры против себя самой, подозревать всех в каких-то нехороших мыслях, направленных против нее, никуда не исчезла из детства. Здесь, в Букингемском дворце, она только разрослась, превратившись в поглощающую ее саму страсть.

Имея в себе вот такой букет пороков, Диана ничуть не собиралась от него избавляться. Она решила добиваться признания в королевской семье другим путем.

Не один и не два раза супруги просматривали кинохронику своей свадьбы. И все замечали: Диана своим блеском, улыбкой и открытым лицом затмевала собой принца. Та самая толпа, жадная до зрелищ, увидела в молодой принцессе своего кумира. Пресса тут же подхватила это желание толпы — и вот уже каждое

появление Дианы на публике сопровождается сотнями фотокорреспондентов, снимки принцессы появляются практически во всех газетах и газетенках Англии. Страну охватывает самая настоящая «димания» — это осознают все. Газеты подхватят этот созданный ими же самими миф о простой девушке — воспитательнице детского садика, которая сделала себя женой наследного принца. Миф обладал особой притягательностью у молодежи, тем более — у девушек. Кто же не мечтает из нянечки превратиться в принцессу?

Диана впервые продемонстрировала своему мужу и всей королевской семье, что может получить больше внимания и поклонения от англичан одна, лично, нежели вся семья вместе. Это случилось во время поездки молодой пары на родину принца Чарльза, в Уэльс. Диана уже тогда была беременна. Пока ехали в машине, она донимала мужа: погода плохая, платье надела не то, крем тональный положила неправильный… И вообще, он должен ее поддержать, а то она сейчас вот выйдет, растеряется и грохнется. Или испугается и убежит. Или… описается. А что? Она же беременна, а эти люди…

Чарльз утешал ее как мог. Он знал жителей Уэльса, знал, что их приезд будет для них радостным событием, и, как мог, убеждал Диану в этом.

И вот зачем он это делал?

Ведь как только они вдвоем вышли из машины, огромная толпа встречающих огласилась криками торжества. И Диана… Диана расцвела. Открытая улыбка умиления и радости на лице была обращена к тысячам людей. Ее руки простыми и понятными всем жестами словно обнимали и прижимали к себе толпу. И толпа ликовала.

Диана оставила мужа на одной стороне улицы и пошла по другой. Она протягивала открытую ладонь своей руки тысячам тянущимся к ней ладошкам, касалась их, улыбалась…

Диана была счастлива. Думаю, это состояние ее было искренним. Она не видела людей — она видела обожающую толпу, чувствовала эти флюиды поклонения и волну счастья — и сама питалась ею, насыщалась.

В Уэльсе принц и принцесса пробудут несколько дней, посетят различные мероприятия. Вернутся домой. И Диана будет нервно ждать: вот сейчас королева должна прийти к ней и сказать, что Диана — молодец, умница, выглядела прекрасно, держалась молодцом.

Королева ничего не сказала.

В понимании любого нормального человека, и королевы в том числе, Диана сделала то, что должна была сделать:

совершила с мужем официальную поездку, при этом не опозорилась сама и не опозорила мужа. Это естественно и понятно.

Единственное, что реально насторожило и принца, и его мать: как Диана упивалась обожанием толпы и как неистовствовала толпа. Как был подан визит в газетах: принца Чарльза словно не было рядом. Диана, Диана, Диана… Ее улыбка — во всех СМИ. Нужно признать безоговорочно: принцесса выглядела удивительно живо на фотографиях.

Наступил май 1982 года, и Чарльз с Дианой переезжают жить из Букингемского дворца в Кенсингтонский. Здесь Диана почувствовала себя более уютно: их теперешнее жилье больше напоминало собственный дом. Хотя дворец состоял из большого числа зданий, в нем проживало несколько семей королевской крови.

Диана ждала ребенка.

Состояние беременной женщины всегда сложно прогнозировать. Предсказать поведение Дианы небеременной было крайне трудно, а уж как она будет реагировать на то или иное слово, действие, будучи беременной, — и вовсе загадка. Принц терпел бесконечные нападки, обвинения, слезы, истерики. И все относил на беременность. Терпели слуги, которые вдруг, в отличие от толпы за стенами замка, словно прозрели и увидели совсем другую принцессу: истеричную, несправедливую, вздорную. Впрочем, о прислуге разговор особый.

Диана впоследствии будет вспоминать свою первую беременность, выуживать оттуда факты и фактики, чтобы показать черствость королевской семьи в общем и ее мужа Чарльза в частности. Особенно смакуя, она будет рассказывать один случай.

В тот день Чарльз собирался на охоту. Нынче и на российских просторах охота — это не одинокий мужик, устало бредущий с двустволкой наперевес по дремучему лесу. Сегодня охота — целый комплекс мероприятий, где и группа охотников фигурирует, и егеря, и выдача разрешений-путевок, и установленное время и место. Ну а что касается королевской охоты? Вы не поверите, пусть принц и сын королевы, но взять вот так запросто ружье из шкафа и сказать жене: «Пойду, подстрелю, что ли, зайца на ужин», у него никак не получится. Законы там построже российских. А во-вторых, сами понимаете, здесь еще задействованы скрытые механизмы решения больших и малых политических и социальных вопросов. Кто знает, может, Чарльз пригласил на охоту влиятельного чиновника из соседнего государства, с которым у королевского двора есть пара-тройка

разногласий по ряду вопросов? Почему бы не обсудить с умным человеком пути их разрешения?

И вот Чарльз спускается по лестнице. Вслед выскакивает Диана и вопит в истерике: не пущу, ты должен быть со мной, ты мне не уделяешь внимания, и дальше в том же духе. Чарльз вынужден напомнить жене, что сегодняшняя охота — не простое развлечение. И что Диана постоянно так себя ведет, буквально привязывая его к себе своими требованиями внимания. Что мир вокруг Чарльза не ограничивается шириной ее юбки.

Истеричный крик Дианы слышит королева, которая находится рядом. Она подходит.

Диана решает, что наступает подходящий момент — и падает с лестницы.

В одном своем интервью она говорит о своем преднамеренном падении: мол, хотела покончить с собой. В другом воспоминании, уже другому журналисту, Диана вспоминает, что, мол, оступилась и упала. Ударила живот, очень испугалась, что потеряет ребенка.

Не совпадает, правда? Но дальше — больше. Диана утверждает, что Чарльз, взглянув на лежащую жену, вышел из помещения, как будто ничего не случилось, и уехал к своим охотникам.

Вранье! Эта ложь самая беспардонная, самая наглая.

Диана забыла, что в доме всегда есть слуги, которые имеют уши и глаза. И рты, чтобы потом рассказать, как все было на самом деле. Да, Диана упала с лестницы. Не будем гадать, как это случилось. Очевидно, Диана осознала, что в первом интервью, где она сама решила броситься с лестницы, она выглядит чудовищем. Ее рассказ звучит дико и страшно. Это невозможно для будущей матери — она бы в любом случае осталась жива, а ребенок мог умереть. Иными словами, в этом ее признании кроется чудовищная решимость пожертвовать даже ребенком ради того, чтобы ее послушались. И поэтому она изменила свое «я бросилась» на «я оступилась». Но главное не в этом.

Слуги позже рассказывали, что никуда Чарльз не уехал, не оставил жену. Немедленно был вызван доктор-гинеколог, Диану осмотрели и успокоили: жизни ребенка ничего не угрожало. После этого Чарльз предупредил своих друзей, что остается с женой. Он повез Диану на побережье, там были костер, жареное мясо на открытом огне, как любила Диана.

Вот так протекал месяц за месяцем в ожидании рождения ребенка. Впрочем, были и счастливые часы и дни. В последние месяцы беременности пришло полное осознание того, что Диана носит ребенка, что она — будущая мать. Это чувство поглотило

Диану, она сосредоточилась именно на сыне, на ребенке — и в семье наступили дни умиротворения.

21 июня 1982 года Диана родила мальчика. Ему дали имя Уильям.

Рождение ребенка было одним из самых светлых и радостных событий для всей Англии и для королевского двора. Счастливы были исключительно все: и Диана, и Чарльз, и королева. Родился наследник престола, родился здоровым и крепким. Сорок одно орудие своими залпами возвестило об этом событии, звенели колокола.

Эти роды вошли в историю Англии и еще по одной очень значимой причине.

У английской монархии было и сейчас есть много интересных, странных порой, непонятных традиций. Так вот, одной из традиций, законов даже, была обязанность министра внутренних дел присутствовать лично при рождении наследника. У всякой традиции есть своя история, была она и здесь. Когда-то, еще в XVII веке, жена короля Якова перед родами пронесла тайно в свою спальню приемного ребенка. Вот тогда и был введен закон о таких «родах под контролем власти». Но Диане не грозило предстать в далеко не самом эстетическом виде перед глазами министра. Еще в 1946 году этот закон был отменен королем Георгом, дедом Чарльза.

И вот на свои первые роды мальчика (а все ведь знали уже, что будет мальчик) Диана приглашает мужа. Она просит Чарльза присутствовать при родах!

Ну, присутствие отца при родах своих детей на то время — дело пусть и новое, но уже достаточно распространенное среди простых людей. Признаюсь честно, когда у меня жена рожала дочку (приблизительно в это время), сказала, что будет не против того, чтобы я был в родильном зале. Тогда это было модным даже, что ли, — быть рядом с женой в эти минуты. И я уже почти решился, хотя и очень волновался. Но, слава богу, умная и рассудительная заведующая родильным отделением больницы позвала меня в свой кабинет и сказала: не надо. Мужчинам не надо этого видеть. Хотя бы уже потому, что как минимум полгода они не будут смотреть на свою жену как на женщину. Как на мать — да. Но думать о сексе с ней они долго не станут. И это может иметь очень серьезные последствия. И вообще, психика должна быть у мужчины крепкая. Железная. Разное видели: когда мужики без дыхания падали, когда бросались на врачей с криками и требованиями, когда рвались вон из кабинета… И я не пошел.

А принц Чарльз согласился.

И этим самым Диана ввела в королевский дом новый обычай.

Наверное, она ликовала. Не знаю. Известно лишь, что роды длились 16 часов. И все это время Чарльз был подле жены.

Еще до рождения сына Диана заявила, что воспитывать его будет по своим правилам. Она перечитала гору разной литературы (отметим для себя в скобках: еще одно доказательство того, что, когда она хотела для каких-то своих целей, она могла включить в работу свой мозг и свою память). Диана не стала подчиняться принятым нормам еще с родильного отделения — заявила, что уходит с малышом домой, не отбыв положенного срока. Эта новость, конечно же, будет широко озвучена в печати и на телевидении, и у дианопоклонников появится новая фишка: они начнут уже воспевать Диану как самую заботливую мать. Хотя в чем здесь забота? Ведь скорее — пренебрежение заботой медработников. Но, вспомним, Диана не любила слушать врачей.

Тем не менее рождение первенца на пару месяцев очень сблизило супругов. Чарльз был просто ошалелым от счастья, рассказывая своим друзьям о нахлынувших на него отцовских чувствах. Казалось, все прежние истерики, постоянные подозрения и обвинения мужа во всех смертных грехах ушли навсегда. Но…

Диана не могла жить без почитания, внимания и уже испытанного ею обожания толпы. Она воспринимала все это уже не просто как попытку сохранить пресловутую индивидуальность, но как некое новое наркотическое средство. Этот наркотик веселил и вселял уверенность в себя, дарил надежду, что однажды она будет значима до такой степени, что сама королева будет делать ей книксен. Казалось бы: потерпи, Диана, расти, набирайся опыта — ведь ты стоишь на этой самой прямой дороге, у тебя забронированный билет в люкс! Нет, она рвется вперед, она неистовствует: ей нужно все, ей нужно здесь и сейчас!

В сентябре в небольшом королевстве Монако произошла трагедия: погибла супруга князя Ренье принцесса Грейс. Грейс была знакома с Дианой, она, спокойная и уверенная в себе, однажды пыталась научить Диану элементарному: терпению. Не получилось у покойной. И вот она погибла. Королева Елизавета решила, что на похороны принцессы должен поехать Чарльз. Чарльз воспринял слова матери без особой радости. И тут Диана поняла: это ее шанс. Она мило «подъехала» к супругу и предложила: если ему не очень хочется ехать на похороны, она готова это сделать сама. Ведь этикет позволяет это? Да, этикет позволял. Чарльз немного растерялся: ведь у Дианы на руках — маленький сын, как вдруг она решилась его оставить? Ничего, ответила Диана. Засиделась я тут в четырех стенах, пусти меня

хотя бы подышать свежим воздухом. Чарльз согласился. Диана принялась радостно хлопотать со сборами в недалекий путь.

В Монако Диана показала почти все, на что была способна: лицо, осененное состраданием, почти как у Девы Марии во время казни Христа. Сдержанные манеры, внимательность к каждому рядом. И опять сотни и тысячи снимков в газетах резюмируют: Диана с честью представила в Монако королевскую семью!

Для Дианы это был настоящий триумф. Она возвращалась в Англию, образно говоря, не на самолете, а на белом коне. Она ждала всю королевскую семью в аэропорту.

Но Диану никто не встречал. Она была в бешенстве. Она не хотела принимать во внимание тот факт, что и королева, и Чарльз встречали возвращение войск — тогда как раз победой англичан закончился вооруженный конфликт между Англией и Аргентиной из-за Фолклендских островов. То, что сделала Диана в Монако — побыла на похоронах и вела себя с честью, — все в королевской семье восприняли как само собой разумеющееся. Но Диана этого не хотела понимать. Почему? Здесь я не могу понять Диану. Вот представьте: кто-то из ваших близких был на похоронах вашего общего друга. Вел себя порядочно: не напился вдрызг, не залезал на стол и не заставлял гостей петь ваш гимн, не рассказывал сальные анекдоты за поминальным ужином, не отпускал «забойных» шуточек во время похорон. Вот за то, что он этого не делал, — нужно говорить спасибо?

Чего требовала Диана?

Чтобы ее хвалили, ею восторгались за то, что она вела себя пристойно. Как подобает жене наследного принца и матери наследника. Разве не абсурдно? Это уже из разряда не просто болезненного, но больного самолюбия, мне так кажется. И Диане представился случай очень скоро доказать это предположение.

Через два месяца, в ноябре, в Англии отмечался День памяти погибших в двух мировых войнах. Государственное мероприятие с участием королевы.

За день до этого Диана и Чарльз поссорились. Ну, тут дело государственной важности, хочешь не хочешь, а надобно мириться. Но Диана… Диана отказывается ехать!

(Очень прошу вас, читатели, вспомните: маленькая девочка Диана отказалась идти с отцом на чай к королеве. Помните?)

Чарльз вынужден ехать один. Благо, их маленький сын мог стать в это время причиной отсутствия принцессы на любом мероприятии. Но Чарльз просто объясняет присутствующим, что Диане сильно нездоровится.

Все приглашенные на местах, объявляют о приезде королевы. Мероприятие начинается.

И тут является Диана.

Согласитесь, дело уже не в традициях. Дело в элементарной культуре, этике.

Мало того, что дураком застывает Чарльз.

Диана нарушает одну из главных заповедей светского общества, главную норму этического номенклатурного поведения: она пришла на мероприятие после главного действующего лица. Как если бы в России на совещание у президента после прихода самого президента пришел и уселся за стол какой-либо заместитель министра.

Это был акт прилюдного проявления неуважения к королеве.

Чарльз сделал Диане замечание — какой бы мужчина, сын и принц вынесли эти две пощечины: одна ему, вторая матери и королеве? И Диана ответила вспышкой ярости. В общем, она приехала ссориться с мужем дальше. Кое-как успокоилась, когда поняла, что главного достигла: ее приход был замечен. Все заметили, что она пришла ПОСЛЕ королевы.

И опять сотни и сотни снимков.

В конце этого дня Диана была счастлива: волна от ее идолопоклонников принесла ей нужное количество живительной силы. А следующая неделя показала: та самая дианомания — вовсе не случайна. Газеты и телевидение старались изо всех сил подогреть интерес толпы к принцессе, и рост идолопоклонников шел в геометрической прогрессии.

Об истинных причинах этой волны общественного интереса мы поговорим позже, и поверьте, личного обаяния принцессы Дианы в этой волне — весьма малая часть. Если кратко, забегая вперед: извечная римская мудрость потому и мудрость, что всегда права: «Хлеба и зрелищ» — требовал римский плебс. «Достатка и интереса» — требует средний английский обыватель. И ему это дали…

Такая простая, веселая, народная…

Принцессу Диану СМИ создавали именно такой: открытой, очень простой, искренней, веселой, жизнерадостной. Способной сострадать. Умеющей любить. Главное — любить простых людей. Она же так охотно посещает больницы, приюты, детские дома и школы. Она берет запросто обездоленных детей на руки. Практически все газеты мира помещали фото Дианы с негритянской девочкой (негритянским мальчиком) на руках. Ах, наша Диана…

Признаюсь: из всех фотографий разного рода вождей и политических деятелей, популярных личностей их фотографии с детьми на руках я не люблю больше всего. Воспринимаю как самую подлую фальшивку. Все мои чувства глубоко оскорблены. Я вижу, что меня просто держат за идиота.

Назовите мне имена лидеров-нелюдей, имена тех, кто оставил в истории народов страшные кровавые следы в виде миллионных жертв. А теперь вспомните: их фотографии с детьми на руках разве не печатались на первых страницах журналов и газет? Разве не был показан народу Германии Гитлер с девочкой на руках? А Иосиф Сталин? Ленин?

Чужой ребенок на руках — это спекуляция на лучших человеческих чувствах. Это низкий прием. И я его не приемлю. Меня Диана своим сюсюканьем с чужими голодными детьми убедила только в одном: что она умела пользоваться спекулятивными приемами завоевания дешевой популярности.

У математиков есть интересный закон, называется он законом больших чисел. Если перенести этот закон в повседневную жизнь, он звучит так: чем больше, тем проще. Тяжело украсть одну баночку сока в супермаркете, но проще (в плане нравственных терзаний) грузовик с деньгами. Тяжело убить или отправить на смерть одного человека, но совсем нетрудно — миллионы.

Тяжело любить одного конкретного человека, который требует конкретных проявлений этой любви. И очень просто любить весь мир.

У нас любят любить весь мир. Масса популярных личностей признается в любви к миру. Они занимаются благотворительной деятельностью, они собирают средства… И при этом они не желают знать и видеть конкретной боли конкретного человека.

Именно такой была принцесса Диана.

Диана любила простых людей, ведь об этом вы не раз слышали, правда? Ну, как же ей не любить их: она сама работала

няней. Она воспитывала своих сыновей именно так, чтобы они понимали простую жизнь. Она запросто выходила к народу, касалась протянутых рук, обнимала толпу, улыбалась толпе…

Диана ненавидела людей!

И я это понял так же ясно, как и то, что любая толпа отличается от одного человека. У толпы нет лица, судьбы, характера. А у человека, будь то королева или слуга, есть. Вы согласитесь со мной, что нельзя любить всех людей вообще, если не любить каждого простого человека в отдельности?

Теперь давайте посмотрим, как относилась Диана к слугам — к тому самому, что ни на есть, простому народу.

Вспомним двумя словами детство и юность Дианы. Как менялись ее нянечки, как одних слуг она презирала, других не замечала, с третьими дружила…

Диана осталась верна своим детским нормам отношения к слугам.

За самое короткое время отношение самих слуг к ней резко изменилось. Если раньше все были покорены, как им казалось, открытостью принцессы, то вскоре Диана стала для всех непредсказуемой принцессой. А это для слуг самый неприятный объект обслуживания.

Слуги с удивлением увидели, что это «милое создание» может кричать, визжать, унижать их по малейшему поводу. Вот показалось ей, что фен для сушки волос чересчур шумно работает. Вот ей подали полотенце, которое накрахмалено чересчур жестко…

Армия слуг от малого до великого пребывала в растерянности. Следует заметить, что слуга в королевском доме — это определенная профессия, здесь служат династиями, этим гордятся! Слуга должен знать тысячи больших и маленьких нюансов. Здесь все давно привыкли к установленным нормам: за что можно получить замечание, за что — неодобрение, за что могут выгнать. Быть изгнанным из королевских слуг — это очень серьезное пятно на всей репутации.

Диана за несколько лет своего пребывания в качестве законной жены принца Чарльза выгнала почти пятьдесят сотрудников. Да, я преднамеренно не пишу здесь слово «слуг», потому что тот же личный секретарь не слуга, как не слуга и повар, не слуги камеристка и камердинер…

Никто не знал покоя. Диана могла вспылить в самый неожиданный момент, следовал быстрый и короткий приговор. И самое главное, самое бесчеловечное: Диана не меняла своего решения.

Женщины, мне кажется, могут понять куда лучше мужчин всю

жестокость такого поведения. Ведь мало ли что может случиться, мало ли какое настроение… Что называется, попал под горячую руку. Но завтра настроение будет другим, забудется, перетрется, ведь с этим человеком уже не год, не два подле, рядом…

Нет! Диана никогда не передумывала! Она никогда не сожалела о своих решениях, когда выгоняла за ворота человека. Пусть это был ее личный секретарь Оливер Эверетт или секретарь ее мужа Майкл Колборн…

Майкл Колборн… Встречалось ведь уже нам это имя, правда? Это тот самый человек, который подсказывал тогда еще просто девушке Диане, как вести себя с принцем, что принц Чарльз любит, какие подарки в какую пору года ему сделать. Это тот самый секретарь принца, в комнате которого рылась Диана, войдя к нему в полное доверие. Это от него в итоге Диана потребовала шпионить за принцем, и Майкл вынужден был уйти. Это был человек чести, впоследствии он вспоминал, что Диана стала распоряжаться им, как своим личным секретарем, причем требуя обычно совершенно иного решения задач, чем те, что доверялись ему принцем Чарльзом.

Не всех слуг Диана выгоняла прямо — многие просто попадали в ее опалу. Со стороны это выглядело, как если бы они переставали существовать для Дианы. Это было очень унизительно. Представьте: вы ведете определенный участок работы, вы профессионал в своем деле. И вдруг ваш работодатель, непосредственный начальник полностью начинает брезговать вашими услугами, при каждом удобном случае подчеркивая в разговоре с другими, что вы — бездарь и недочеловек, поручая исполнение ваших непосредственных обязанностей другим. Горе было тому, кто пытался восстановить свое положение в глазах принцессы — его ждали новые, еще более изощренные унижения. И уход в конце.

Когда на смену Майклу Колборну Чарльз взял себе секретаря Эдварда Одина, того ждали те же испытания: Диана желала во что бы то ни стало иметь собственного шпиона. Эдвард сохранил честь, но потерял место — Диана уволила его. Каково было ему перенести это увольнение, если он из династии, которая служила при королевском дворе уже несколько поколений!

Причин увольнений как таковых не было — была сиюминутная вздорность, нервная вспышка. Или же желание покормить свое собственное славолюбие, ненасытное, как она сама в момент приступа булимии.

Вот ситуация: личный секретарь принцессы Дианы Оливер Эверетт звонит ей и просит о мелочи: необходима ее подпись под одним срочным и важным документом (ну, ведь наша Диана

считается серьезным общественным деятелем). Но в этот момент Диане некогда — она грызет своего мужа Чарльза: на вчерашнем ужине он опять, она уверена, умышленно мало обращал на нее внимания. Диана не говорит секретарю зайти через пять, десять, двадцать минут. Нет, она заявляет ему, что сейчас направляется на встречу с королевой, не мешай, дескать, со своими бумажками. Хотя бумажки как раз именно не секретаря, а Дианы. Оливер Эверетт вынужден положить телефонную трубку и остаться ни с чем. И надо же было ему через четверть часа пройтись в другой конец дома, где столкнуться… с Дианой, которая выскочила, довольная, из кабинета мужа, воздав последнему по его заслугам.

Диана нагло соврала своему личному секретарю — секретарь это увидел. И Диана увидела, что секретарь уличил ее во лжи, вернее, она сама себя уличила в своей лжи прямо в глазах секретаря.

Не знаю, как бы вы лично выходили из этой ситуации.

А Диана тут же уволила секретаря Оливера.

Бесчеловечность Дианы проявлялась и в том, что она никогда не интересовалась судьбой бывших своих преданных слуг. Никогда. И никогда не хотела о них слышать. Люди, с которыми она годами делилась своими радостями и бедами (бывали у нее минуты откровений), выбрасывались из жизни Дианы ею самой, как гнилая картошка.

Справедливости ради нужно заметить, что вот это правило, звучащее по-русски как «с глаз долой — из сердца вон», применялось Дианой в отношении не только слуг, но вообще всех, кто ее окружал.

У Дианы была одна особенная привычка: она всех своих людей делила на разные группы и категории. Вы только не смейтесь, но для каждой категории у принцессы были отдельные… мобильные телефоны. В ее сумочке всегда лежало несколько мобильных телефонов! Диана вообще очень любила «поболтать». Она могла без умолку рассказывать о себе, любимой, о своих проблемах, переживаниях, требуя от слушателя не только внимания, но и сопереживания. Счета, которые приходили за пользование телефонной сетью, достигали четырехзначных сумм! Так вот расставаться с людьми, уже не слугами, Диана предпочитала так же — категорично и единожды. Диану нисколько не беспокоило, что ее решение могло быть принято под властью сиюминутного раздражения. Но поскольку уволить, изгнать вчерашнего друга из своего дома власти у нее не было, она выбрасывала… телефон. Тот самый, в котором был записан номер попавшего в немилость друга. Сказал любовник, что сыт по самое горло вниманием Дианы и что не собирается больше

стелиться у ее ног — к черту телефон. Рвем все нити, сжигаем все мосты!

В этом жесте — не импульсивность женщины, а наоборот, ее упрямое себялюбие, ее жажда власти над людьми, желание видеть вокруг себя только тех, кто обожествляет ее саму, желание не знать никого, кто способен хоть в чем-то противостоять Диане.

Непосредственная, веселая, жизнерадостная Диана… Да, и я уже употреблял эти эпитеты в той части, когда Диана еще была девушкой, когда была приглашена в общество принца, когда хотела произвести впечатление. Справедливости ради стоит сказать, что шутить Диана любила. С детства, если помните — вон булавок в стул напихала для няни, другую няню заперла в ванной комнате. Очень смешно.

В своих теперешних шутках Диана мало ушла от детских фантазий. Если долгое время она не вспоминала о них, то больше по той причине, что одной наслаждаться эффектом от «милых чудачеств» было не очень весело. А тут подвернулась подруга…

Младший сын королевы Эндрю женится на Саре Фергюсон. В обиходе ее чаще называли Ферджи. Вот Ферджи была действительно жизнерадостный человек. Формула ее поведения была проста и незамысловата: она вела себя так, как хотела, и ей было глубоко безразлично, что о ней будут думать. Ну, понять Ферджи можно — ей не грозила перспектива стать королевой.

Диана быстро сдружилась с Ферджи. И очень скоро эти две женщины начали где-то невинные, а где-то и несколько выходящие за рамки приличия для таких особ шуточки. Вот они на приеме, организованном в Букингемском дворце в честь президента Италии. Чуть закончилось мероприятие, Ферджи и Диана быстро покидают зал, выходят в коридор… Снимают туфли и бегут наперегонки, что-то отчаянно и весело крича. Слуги во дворце были шокированы. Ну, ладно, для нас это действительно милая проказа. Как и однажды на скачках они, непрестанно хихикая, колют зонтиками впереди сидящих зрителей.

Но вот уже шуточка иного рода. Запершись в комнате, Диана и Ферджи звонят по специальной, только для секретных разговоров, линии в резиденцию королевы-матери. Но как только на том конце личный секретарь снимает трубку, Диана бросает свою на рычаг. И хохот. Спустя минуту-две Диана повторяет звонок, опять хохот, опять звонок.

Даже для детей этот поступок может быть расценен как хулиганство. Но ведь это не дети — это взрослые женщины, Диана — уже мать. Вот Диана и Ферджи берут мотоциклы и устраивают гонки по полю для гольфа. Газон испорчен во множестве мест. А вот Диана спокойно берет машину королевы и

принимается рулить по аллеям…

Об отношении Дианы к профессиональным врачам я уже говорил вкратце, есть смысл остановиться на этой теме более обстоятельно.

После рождения второго ребенка Диана, после непродолжительного периода относительно ровного поведения, вновь начинает устраивать сцены и скандалы. Психические срывы идут один за другим. Диана с каждым разом превосходит саму себя в этих сценах. Однажды она хватает нож для колки льда и ударяет себя несколько раз в ноги…

Чарльз был буквально в панике, во многом он винил себя и разрешал Диане все, что она сама предпринимала для собственного излечения.

Но Диана не доверяла докторам. Нисколько. Она была уверена всегда, что все доктора буквально подкуплены королевским двором. Все их лечение сводится якобы к одному — ограничить время пребывания Дианы перед публикой.

Да, действительно, доктора видели истощенную нервную систему Дианы, видели, что она своими подозрениями загоняет себя все дальше и дальше в угол, откуда может и вовсе не быть выхода. Она наконец-то призналась в булимии. И ей мягко и настойчиво советовали действительно отдохнуть — в первую очередь от себя самой, от навязчивых мыслей и бредней. И от толпы поклонников в первую очередь.

Все эти советчики были благополучно изгнаны Дианой. Зато в дом сплошным косяком пошли целители, врачи нетрадиционной медицины, оракулы, чревовещатели, гипнотизеры, мастера иглоукалывания, магистры оккультных наук, астрологи, хироманты и всякие прочие экстрасенсы.

Когда я читал об этом в разных источниках, мне очень трудно было представить Чарльза. Посудите сами: на дворе двадцатое столетие. Медицина в некоторой области творит чудеса. Вы сами — вполне современные люди. Мало того, в некотором роде вы — законодатели мод и правил, за вами непрестанно следят сотни жадных до разного рода сенсаций журналистов. И вот ваша жена вдруг заявляет, что завтра к ней придет специалист, который с помощью маятника выявит у нее энергетические блокады и благополучно их снимет…

Диана искала специалистов, способных открывать чакры и чистить карму. Медиум Симона, надолго застрявшая в комнатах принцессы, лечила энергетическую оболочку Дианы с помощью электромагнитных волн.

Нашелся врач, который выявил причину постоянной неуравновешенности Дианы в недостатке в ее организме нужных

витаминов — и вот уже Диана села на витаминную диету. Второй решил, что необходимо повышать жизненную энергию (вы о такой слышали?) с помощью ароматерапевтического массажа.

Чем больше самых немыслимых специалистов приходило к Диане, тем больше болезней она у себя обнаруживала. Вдруг появились боли в спине — и вот уже мануальная терапия в действии. «Что-то болит внутри» — назначается глубокий массаж. Тело бывает напряжено? Есть специалист по массажу пяток. А вы знаете, что китайцы?.. Ах, китайцы! Зовите быстрее специалистов по китайской акупунктуре! Где наше иглоукалывание?

В течение одного дня Диана могла принять до 10 разных специалистов. Она элементарно изматывала себя бесконечными процедурами, глотанием всяких снадобий типа гербалайфа.

Сегодня тех самых успокоительных средств, способных снизить волнение человека, полно. От элементарной валерьянки до современных мощнейших седативных средств, способных вообще блокировать возбудительные центры. Но Диана по-прежнему отвергает все, что связано с настоящей медициной. Доходило до абсурда. Отправляясь на одно публичное мероприятие, Диана решила, что нужно принять средства от волнения, которое (она же уверена!) обязательно у нее возникнет. И она вызывает своего китайского мастера по иглоукалыванию. Но тот предупреждает принцессу: иглы для таких мер нужно втыкать в уши и область головы за ушами. Диана настаивает. Мастеру что? Ему деньги платят за втыкание игл. Он заканчивает свою работу, после чего уши Дианы становятся очень похожими на кактусы. Но Диана ничуть не расстроена — у нее же есть стилист! Бедная девушка получает задачу: немедленно уложить волосы на голове Дианы так, чтобы ушей с иглами не было видно!

В принципе, если бы дело обошлось только нетрадиционной, народной медициной, можно было бы и потерпеть, списать неуемный интерес Дианы к этому виду человеческого опыта как действительно интерес. Но если бы Диана при этом не отрицала напрочь обыкновенную медицину. Но если бы Диана вкупе с народной медициной не увлеклась спиритизмом и прочими оккультными науками.

В принципе, чрезмерное увлечение нетрадиционной медициной было всего лишь ступенькой на пути к оккультизму.

Представьте себе: современный мир, королевские комнаты. Мобильная связь, компьютеры. И в комнате Дианы происходит спиритический сеанс. Один, другой и третий. Вот уже Диана устанавливает связь с духом своего дяди, бароном Эдмундом Фермоем, вот она подружилась с духом своей бабушки графиней Спенсер. И хорошо подружилась — бабушка оттуда обещает ей

поддержку и помощь во всех ее делах.

Все специалисты в области нетрадиционных врачеваний — достаточно умные люди. Они сами относятся с определенной долей здорового скептицизма к своему занятию. Но Диана была настолько уверена во всем нетрадиционном и оккультном, что даже специалисты относились к ней с настороженностью.

Увлечения Дианы различного рода восстановлениями энергетической целостности организма и особенно оккультизмом не разделяли ее друзья, с некоторой опаской они слушали воодушевленные рассказы Дианы о новых гороскопах, о ее разговорах с духами самоубийц. Не знаю, может, кто-то мысленно и крутил пальцем у виска, слушая эти бредни.

А каково было видеть и знать это мужу, принцу Чарльзу? Диана не просто его жена — она будущая королева Англии. Она, самое главное, мать его детей. А тут духи…

Но и это еще не конец.

Мало ли кто из нас увлекается чем-то необычным? Кто-то, почитав статью или посмотрев нашумевший фильм, вдруг уверует в Атлантиду или инопланетян. Человек, верящий в то, что инопланетяне есть, не вызывает у нас чувства дискомфорта при общении с ним. А вот теперь представьте, что человек, сидящий рядом с вами за одним столом, начинает рассказывать, как его похитили инопланетяне, делали над ним гнусные эксперименты и ввели в мозг специальный чип?

Диана вскоре начинает рассказывать своим магам и целителям, что слышит голоса «оттуда». Что с ней постоянно на связи духи, которые ее предупреждают и советуют.

Дальше — больше. Диана на полном серьезе заявляет, что уже жила на этой планете.

Ну, вера в реинкарнацию, то есть в перерождение — не новость. Бывает, история преподносит такие сюрпризы, что без принципа реинкарнации никак не обойтись в их объяснении. Известен случай, когда родившаяся в Берлине девочка прекрасно знала одну семью в Индии, знала дом, улицу и город, где она жила. А когда приехала туда, вела себя там так, как будто прожила не в Берлине, а именно здесь все свои детские годы.

Хорошо, считается по индийскому учению, что все мы живем не по первому разу на земле. Помните, у Высоцкого: «Хорошую религию придумали индусы, что мы, отдав концы, не умираем насовсем». Но интересно, кем же была Диана в прошлой жизни, как она утверждала сама? Попробуете догадаться? Подумайте…

Правильно: Диана утверждала, что в прежней жизни она была мученицей, пострадавшей за Иисуса Христа в его времена.

Наверное, Марией Магдалиной. А кем же еще? Вряд ли у нее

хватило нахальства претендовать на роль Марии, матери Иисуса.

Вполне логичным и закономерным было дальнейшее развитие увлечения Дианой всем потусторонним. Спустя некоторое время, пребывая непрестанно среди своих духов и слушая голоса «оттуда», Диана не могла не найти уже в самой себе исключительные способности. Это как вы, например, смотрите на кладку кирпичей вашего дома, спустя день-другой начинаете воображать, что вы неплохо-таки владеете техникой кладки.

Вот и Диана решила, что она может ни много ни мало — делать диагностику по фотографии. И ничуть не стеснялась этого дара, наоборот, к месту и не к месту демонстрировала его, всякий раз подчеркивая при этом, конечно же, свою исключительную якобы заботу о людях. Например, полетела в Южную Африку, встретилась с Нельсоном Манделой. И сказала ему, что, глядя на его фотографии у себя во дворце, пришла к выводу, что этому политическому деятелю необходимо срочно заняться своими почками. Что-то там нехорошо. Да и селезенка не на 100 % в порядке.

Неплохо, да? Общественный деятель ожидает встретить авторитетного человека, способного повлиять на некоторые политические события, а тут приезжает очаровательный такой медиум и советует немедленно заняться своей селезенкой.

Нельсон Мандела был не единственной крупной фигурой, перед которым Диана демонстрировала свои якобы способности дистанционного диагностирования. Известен случай, когда диагноз по фотографии Диана поставила не кому-то, а лично премьер-министру Великобритании Джону Мейджору: сэр, у вас проблемы с сердцем. Представьте себя на месте министра.

И вообще, представьте себя на месте рядового англичанина, современного, умного, начитанного, но в то же время традиционалиста, с определенной дозой скепсиса. И вот этому англичанину грезится вполне реальная перспектива иметь у себя королеву, которая перед принятием важных политических решений в будущем по вечерам в свете свечей гадает на блюдечке и слушает какие-то потусторонние голоса… Хорошая перспектива?

Многие исследователи жизни принцессы Дианы сходятся во мнении, что увлечение Дианы всем оккультным было вызвано двумя причинами. Первая: ей хотелось постоянного общения с кем-то. И это предположение имеет под собой основание. Вспомните: в своем светском кругу Диана не находила собеседников, она была неспособна рассуждать на сколь-либо значимые темы, она противилась изо всех своих сил обучению,

это было противоестественно ее естеству: стать в рамки правил и норм. Вы сами убедились, что Диана обладала недюжинным упорством в достижении своих целей, она могла бы с легкостью войти в истинную роль будущей королевы. Но не хотела. Она нашла себе иную точку для излияния. И многие медиумы потом вспоминали, что сеансы с Дианой превращались для них в пытку — Диана требовала к себе внимания, не отвечала на вопросы, а без устали, без остановки рассказывала о себе, своих чувствах, переживаниях, предположениях. Весьма к месту будет отметить еще одно обстоятельство в отношении Дианы и всех этих целителей. Казалось бы, вот они, те самые простые люди. Люби их, то есть проявляй к ним такие отношения, которые покажут всем твои истинные чувства. Да нет же… Диана меняла своих «врачей» с куда большей частотой, чем слуг. Это одно. Второе: она была чересчур жадна, она не понимала, что зачастую перед ней совсем не богатые люди. Та самая энергетическая целительница Симона за два месяца своих услуг прислала счет всего на 300 долларов. Диана пришла в бешенство: за что такие деньги? И представьте себе, она сказала Симоне, что рассчитается с ней… одним из своих CD-проигрывателей. Симона в шоке пролепетала, что у нее есть дома такая установка. На что Диана ответила, что теперь будет две. Диану нисколько не волновало, что Симона тратила на нее на протяжении этих двух месяцев по четыре часа в день, что являлась по вызову принцессы в любое время суток.

Вторая причина, по которой Диана окунулась в мир потустороннего — жажда значимости. Ей нужна была постоянная подпитка своей собственной мании величия. Она твердо была уверена, что судьба предопределила ей какой-то невероятно особенный путь, что она исключительная личность. Если уж при той жизни она была Марией Магдалиной, то теперь-то она должна подняться на ступеньку выше.

У поляков есть хорошая пословица: «Что задуже, то не здраво». То есть если чего-то слишком много, это ни к чему хорошему не приведет.

Диана демонстрировала крайности во всем, с чем сталкивалась. Если не верить докторам — то до такой степени, что выбрасывать предписанные таблетки. Если увлекаться иглоукалыванием — то так, чтобы с иголками в ушах идти в люди. Если выходить замуж — то только за наследного принца. Если не сдавать экзамены — то не сдавать ни одного. Если ссориться — то навсегда. А если влюбляться — то без оглядки. Если иметь любовника — то именно иметь, иметь как личную вещь, как собственность. Об этом мы поговорим позже, а пока о

другой любви, которую называют материнской.

Считается, что Диана очень любила своих сыновей.

Тяжело с этим спорить. Да и не стоит, наверное. По-своему Диана, конечно же, любила своих детей, как любит их любая мать. Но что задуже, то не здраво…

Детям Диана посвящала практически все свое время, которое оставалось у нее после своих собственных дел. Все комнаты во дворце, где жили Чарльз и Диана, были увешаны, заставлены фотографиями детей. В каждой комнате — по нескольку штук. Мало этого: в различных местах — на стенах, на дверях — были прикреплены записки, написанные самой Дианой, что она любит сыновей. Диана потребует, чтобы ее сыновья сами расплачивались в магазинах обыкновенными деньгами (Диана, например, понятия не имела о том, как рассчитываться — это делали слуги, как, впрочем, слуги рассчитывались и за Чарльза, и за всех остальных особ королевского рода). Диана беспрестанно будет всем рассказывать, что готовит своих сыновей не просто к исполнению королевского долга, но к тому, чтобы этот долг был осознанным. Диана проявила неожиданную мягкость в воспитании сыновей — она никогда не кричала на них, никогда не настаивала на чем-то своем. Она искренне пыталась понять их чувства и настроения, проникнуться ими.

Эту любовь, это стремление дать детям искреннюю нежность многие объясняли как нереализованную любовь Дианы. Как понимание ею исключительной важности человечности в характере королевской особы. Дескать, через своих детей Диана пыталась очеловечить королевскую машину.

В такую чрезвычайно глубокую направленность действий Дианы верится слабо. Наверняка все гораздо проще: Диана не только поняла, как это важно — кого-то любить, она осознала, что без любви вообще жизнь теряет смысл. Она растила не просто сыновей — она растила тех сыновей, которые будут любить ее. Интуитивно она чувствовала необходимость в этой сыновней любви, поэтому ее любовь к сыновьям, ее проявления даже в тех самых записках на дверях — это, по сути, вкладывание капитала с расчетом получить потом хорошие дивиденды.

Я не знаю, какая еще мать станет лепить на двери записки: «Мама любит дочку Катю». В этой демонстрации есть нечто не просто наивное, но и нарочитое. Впрочем, для детской психики это важно — пройдут десятилетия, а в памяти уже не ребенка, а взрослого человека останутся те признания в любви.

Но стоп, что-то мы увлеклись любовью Дианы к сыновьям, как будто у них не было отца. Был, конечно. И очень несправедливо будет умолчать здесь о том, что со всей отцовской

любовью, на которую был способен, относился к детям и Чарльз. Он очень любил сыновей, это подтверждают все, даже истые поклонники Дианы. Они и готовы были бы найти черствость в отношении Чарльза к детям, но не тут-то было — последующие события покажут, что мальчишки любили своего отца, платили ему искренним чувством. Да, любовь Чарльза, как любого мужчины, проходила без излишних сюсюканий, однако многие потом заметят, что Чарльз забывал о своем будущем положении короля Англии, когда возился с детьми: он был непосредственен, весел и счастлив.

Дети были связующим звеном между Чарльзом и Дианой. Тем, что не на один месяц скрепляло их отношения, привносило в семью ощущение настоящего счастья, благополучия, радости и умиротворения. Но дети подрастали, у Дианы появлялось куда больше свободного времени — и она вновь переключала это время на саму себя, выискивая в отношении Чарльза нечто такое, что давало бы ей основания устраивать ежевечерние скандалы. Когда Диана забывала о детях — она вспоминала о тени Камиллы.

Когда отношения между Чарльзом и Дианой достигнут того уровня неприятия друг друга, что супруги станут жить отдельно, Диана заберет детей к себе. Она не станет специально натравливать мальчиков на отца, но сделает все возможное, чтобы дети поняли: мать — хорошая, отец — во всем виноват. И даже отправляя старшего сына первый раз в школу, она не согласится ехать в одной машине с Чарльзом, воспротивится предложению принца заехать за ними. Нет, Диана привезет сына на задний двор школы, где их будет ждать уже волнующийся отец. И только там она с сыном пересядет в другую машину. Зачем ей понадобился этот спектакль, который попал под объективы всевидящих папарацци — вам самим решать. Скажу еще только одно: есть все основания считать, что многое из того, что попадало на страницы газет и журналов, попадало туда вовсе не случайно. Не без помощи самой Дианы. Диана очень рано поняла, какую роль в жизни страны играют СМИ, и не без успеха использовала фоторепортеров.

Вот такая она получилась: простая, народная, веселая наша принцесса Ди…

А был ли треугольник?

Практически во всех жизнеописаниях принцессы Дианы одной из главных причин, которая привела к распаду семьи Чарльза и Дианы, называется Камилла — подруга принца Чарльза, с которой он поддерживал отношения во все времена. Якобы именно связь Камиллы и Чарльза была главным, что приводило Диану к нервным срывам, истерикам, гнетущему состоянию духа, к булимии.

Но был ли на самом деле этот пресловутый треугольник? Был ли принц Чарльз на самом деле связан с Камиллой такими связями, которые могли бы привести к его разрыву с семьей? И зададим уж прямой мужской вопрос: изменял ли принц Чарльз Диане?

Перед тем как взглянуть внимательнее на личную жизнь Дианы и Чарльза, нам нужно вспомнить вот о чем. Во все времена мужчины английской аристократии имели несколько больше прав в своем поведении, нежели женщины. Несправедливо? Да, несправедливо, однако и женщинам дозволялось делать нечто не совсем правильное с точки зрения верности браку. Не будем спешить осуждать эти неписаные нормы, вспомним, о чем мы с вами говорили. У аристократии свои правила в браке. Помните одно из них: мужчина и женщина не обязаны подходить друг другу. Иными словами, аристократический брак чаще всего сделка, направленная на сохранение самого института аристократии. И поэтому общество смотрело сквозь пальцы на небольшие адюльтеры. Главное — какими бы ни были «проделки», они не должны влиять на положение в обществе, не должны иметь «хвостов» в виде громких скандалов, не должны быть прямой причиной разрушения семьи. Вспомним мать Дианы. Да, она совершила «дурной поступок», общество осудило ее. Но общество вольно и прощать, и прощение было бы получено, если бы графиня Френсис не возомнила о себе слишком много.

Итак, изменял ли принц Чарльз принцессе Диане?

Думаете, мы первые, кто спрашивал его об этом? Да сотни репортеров с фотоаппаратами и кинокамерами спрашивали его именно так — в лоб. Он же не женщина, вытерпит. И соврать не посмеет — он принц, он будущий король Англии, он просто обязан, по крови обязан, быть честным. И принц честно ответил: он не изменял своей жене до тех пор, пока был уверен, что брак можно сохранить.

Одни исследователи жизни королевской четы называют граничным 1984 год, другие — на два года позже. Но мне лично

кажется, что никакого граничного порога у брака Дианы и Чарльза не было. Да, в тот момент, когда они решили жить порознь, стало понятно, что семья разрушена, ничто уже не может ее спасти. И тем не менее разрушение брака шло постепенно. Шло накопление отрицательных эмоций, обоюдного неудовлетворения друг другом, росло непонимание, недоверие. Это как вода собиралась перед плотиной. И выход был только один: снести плотину. Потому что остановить воду, то есть взаимную неприязнь, уже было невозможно.

Чарльз в своих письмах к друзьям не раз и не два признавался в том, что он в полной растерянности от того, что происходит с его женой. Он как человек здравого рассудка не мог найти ни малейших оснований для неудовольствия Дианы. Он видел и понимал, призывал к этому жену: для полного изменения отношения к ней Диане всего лишь следовало изменить немножко, совсем чуть-чуть свое собственное отношение. Диана противилась этому. И Чарльз считал виноватым во всем лично себя. Он винил себя в безграмотности жены в отношении политических вопросов, он брал на себя ответственность и краснел за Диану, когда она не могла и пары слов связать за светским столом. Чарльз поначалу искренне верил в то, что Диана хочет стать настоящей английской принцессой, но не умеет. Через два-три года жизни в браке Чарльз увидит в своей жене те качества, которые повергнут его в легкий шок: сластолюбие, полное пренебрежение нормами общества, жажда славы и способность ради нее переступить через него самого, Чарльза.

Напомним: в июне 1982 года Диана родила первого сына — Уильяма. Немногим больше чем через год она снова забеременеет. Впоследствии и сама она, и Чарльз будут вспоминать эти месяцы беременности Дианы вторым ребенком как самое лучшее время в их семейной жизни.

Оно и неудивительно. Любая беременная женщина поглощена своим внутренним состоянием, для нее одно маленькое шевеление в животе важнее и громче самого сильного землетрясения в любой точке мира. Да и вторая беременность Дианы протекала гораздо легче для нее чисто физически: не было изматывающих приступов тошноты, забылась булимия. Чарльз в это время сделал все, чтобы оградить жену от отрицательных эмоций: они много выезжали отдыхать, он приказал слугам прятать от Дианы газеты, где вездесущие папарацци отслеживали буквально каждый день жизни супругов и порой размещали снимки, которые могли бы вызвать у Дианы отрицательные эмоции.

Диана… Диана даже в это время осталась Дианой. Она не сказала Чарльзу, кого носит под сердцем: мальчика или девочку. Впоследствии в своих воспоминаниях она и этот момент попытается истолковать в свою пользу. Дескать, после первенца мальчика все в королевской семье, и Чарльз тоже, ждали, что Диана родит девочку. И вот эта бедная забитая женщина испытывала вину за то, что носила мальчика. И так боялась признаться Чарльзу…

Как будто Чарльз был неотесанной деревенщиной и не понимал, что пол будущего ребенка зависит исключительно от мужчины, от того, какая пара хромосом передана яйцеклетке!

В сентябре 1984 года Диана родила мальчика.

Этот момент рождения Диана решила в своем жизнеописании использовать как отправную точку распада их семьи. Мол, Чарльз был крайне разочарован рождением мальчика. И, по словам Дианы, вдвойне расстроился, когда увидел цвет волос ребенка — рыжий. И бедная Диана испытала такое духовное унижение от неудовольствия Чарльза…

Ложь!

Начнем с цвета волос. Рыжими были все Спенсеры. В рожденном мальчике явственно проступали гены его деда — графа Спенсера, и этот факт не мог расстроить Чарльза. Потому что, вспомним, род Спенсеров всегда был дружен с королевским двором.

Для того чтобы восстановить реальную картину рождения, обратимся вновь к воспоминаниям слуг. Так вот, они в один голос утверждают, что Чарльз был восхищен своим вторым сыном.

Вопрос в другом: зачем Диана скрывала пол ребенка? Мне кажется, в этом проявилась ее уже вызревшая необходимость всегда искать причины для ссор, и не просто их искать, а самой их готовить. Она не сказала ничего Чарльзу, а потом внимательно следила за ним: как он себя поведет? Вот пусть попробует скривиться… Не скривился. Ну, ничего. Все равно этот случай мы возьмем на заметку.

Ложь Дианы тем очевиднее, что в других своих «откровениях» она томно рассказывает, что месяцы до рождения Гарри (так назвали второго мальчика) были для нее… сплошным кошмаром. То есть в одном случае она говорит о прекрасных последних шести неделях перед родами Гарри, а во втором случае называет это время кошмаром.

Я никак не могу поверить в это еще и по той причине, что женщина, пребывая в тех условиях, в которых находилась Диана в состоянии беременности, не могла не быть счастливой. Ведь все было для счастья: свой дом, сын-первенец, слуги и верный муж,

готовые броситься к ней по одному возгласу, уважительное отношение. И ведь была ее толпа, неистовствующая, скандирующая «Диана! Диана!», стоило только Чарльзу и Диане появиться на публике.

Материнские чувства у Дианы были развиты как никакие другие. Я уже писал о фотографиях детей в каждой комнате, о записках Дианы на дверях и полках. И видя счастливое детство своего первенца, видя такую же перспективу для будущего ребенка — разве может быть мать несчастна?

Нужно честно признаться вот в чем. Еще до рождения Гарри, в 1983 году, Чарльз уговорил-таки Диану показаться не шарлатанам от оккультизма, а профессиональному психиатру, американскому специалисту доктору Томасу Холмсу. Естественно, все проводилось с принятием всех мер сохранения тайны. Доктор вынес неутешительный вердикт: у Дианы был явственный невроз навязчивых состояний. Иными словами, Диана сама себя накручивала, делала из мухи слона, преувеличивала, гиперболизировала.

Она постоянно жила в придуманном ею мире, где все вокруг только того и ждут, чтобы лишить ее индивидуальности. Это было нелепо, но это было. Если бы Диана могла довериться хоть кому-то из близких, все могло бы сложиться иначе в течение ее болезни. Но Диана доверяла только… магистрам оккультизма. Вот с ними она могла часами болтать о своих проблемах. К тому же, болтая, она не искала совета — она требовала сострадания и утешения. В общем, и здесь было напрасно искать помощи.

Ревность — вот что сжигало Диану изнутри. Она, как только могла, шпионила за Чарльзом. В ход шли подкуп и принуждение слуг, обыск его личного кабинета. Она искала, искала и искала следы связи Чарльза с Камиллой. И находила порой, только были ли это следы действительно любовной связи? Например, в один из дней Диана пробралась в личный кабинет Чарльза и стала нажимать на все кнопки на аппарате связи. На один из вызовов ответила Камилла. Диана взбесилась. Целую неделю она донимала Чарльза, устраивала ему сцены.

Диана не было безнадежной дурой: она понимала, что за все время так и не смогла стать той, кем была Камилла для Чарльза — другом.

Многие среди знакомых Чарльза и даже среди его родных впоследствии упрекали Чарльза: как-де ты мог не бросить эту Камиллу, имея у себя такую красавицу жену, перед красотой и обаянием которой была готова упасть на колени половина Англии?

Большое видится на расстоянии, говорил поэт. Да, внешне

Диана выигрывала у Камиллы безоговорочно. Но нужно было побыть рядом. Не день и не два. Камилла имела в своем характере то, что всегда безошибочно определяют мужчины, что манит их к таким женщинам: искреннюю готовность заботы. Она была не просто весела и жизнерадостна, не просто безупречна в своих манерах. Камилла умела быть другом. Умела выслушать, помочь словом, успокоить. Она была той женщиной, рядом с которой любой мужчина забывал о своем титуле, оставаясь прежде всего мужчиной, причем именно мужчиной, а не самцом.

Все годы супружества Чарльз пытался найти эти черты в Диане. Чарльз пытался найти в Диане друга, с которым можно было поделиться любой своей тревогой, рассказать об удачной охоте, поделиться мнением о последнем визите… Помните: в самом начале брака Чарльз изо всех сил пытался приобщить Диану к тем вопросам, которые были ему близки не просто как человеку, но как принцу, как королевской особе, как политическому деятелю. И все зря. Для Дианы было интересным только то, что касалось ее самой.

Понимала ли она, что ей нужно измениться самой, чтобы изменить отношение Чарльза? Конечно же, понимала. Но она упрямо ломала Чарльза под себя. Она требовала от него внимания и любви к себе такой, какая она есть.

Диана мечтала поквитаться с Камиллой. Хоть как-то, но поквитаться.

Если два года после рождения Гарри прошли еще более-менее спокойно, то наступивший 1986 год показал, что трещина между супругами достигла громадных размеров. Чарльз устал что-либо предпринимать. Поведение Дианы вместе с ним на публике было почти вызывающим: она стремилась привлечь внимание толпы и папарацци, она откровенно рисовалась — Чарльз уже понимал это. Не мог же человек, только что язвительно бросавший ему обвинения, в мгновение ока стать приветливым и радостным. А Диана так могла…

Жажда внимания к себе, стремление изо всех сил затмить принца рядом с собой руководили Дианой во всех их совместных визитах. Доходило до самых нелепых ситуаций.

В Канаде проходила международная выставка «Экспо-86». На нее с официальным визитом прибывают Чарльз и Диана. И вот во время посещения этой выставки Диана решила, что ей нужно упасть в обморок. И она падает.

Этот момент стал впоследствии самым цитируемым в СМИ.

Чарльз понял, насколько в данном случае Диана переиграла. Он знал прекрасно умение своей жены держаться на публике, Диана не была ничем истощена, то есть падать в обморок у нее не

было никаких ни внутренних, ни внешних причин. Ему, Чарльзу, было совершенно понятно, что этот обморок — очередная попытка Дианы максимально полно привлечь к себе внимание прессы.

Чарльзу надоело быть внимательным и заботливым — он резко выговорил Диане, что впредь таких фокусов с ее стороны терпеть не собирается.

Это только еще больше взбесило Диану.

По приезде домой Диана потребовала, чтобы ей устроили отдельную спальню. Вот это был, пожалуй, поворотный момент. С этого времени Чарльз и Диана начинают жизнь практически порознь: у них разные распорядки дня, они ездят каждый на своей машине.

Но Диана и в этих условиях не упускала момента устраивать сцены. День проходил спокойно. Вечером супруги возвращались домой, ужин, дом замирал, дети спали. Диана приходила в кабинет Чарльза и начинала, как говорят у русских, выяснять отношения. Это продолжалось бесконечно. Чарльз был изведен до той степени, что уже не мог сдерживать себя: хлопал дверьми, стараясь остаться в одиночестве, но Диана упрямо его преследовала.

Все в доме было напряжено. Исчезли смех и веселье. Слуги были тактично молчаливы и будто безучастны. К тому же они начали меняться с поражающей быстротой — Диана, вы помните, особенно не церемонилась со своим персоналом.

Диана только разогревала свою болезнь. Как причина — у нее опять начались приступы булимии. Опять она безудержно ела, а потом бежала в туалет и засовывала пальцы в рот, чтобы ее вырвало.

Ее личное состояние будет главным в этом промежутке времени. Ей уже не интересны вообще дела королевства и ее мужа. Очень показателен в этом плане летний отдых 1986 года Чарльза и Дианы на Майорке. Компанию им составила королевская чета — сам король Испании и его жена. Диана впоследствии напишет, что возненавидела этот отдых. И знаете, почему? Ей казалось, что королевская чета буквально влюблена в Чарльза. Что все внимание со стороны короля Испании и его жены было обращено на принца…

Диана стала ревновать своего мужа уже не к женщине — она ревнует его к королевской чете. Здесь явно проступает уже болезненное себялюбие Дианы: она до такой степени привыкла к обожанию толпы, что малейшие знаки внимания, которые были обращены на ее мужа, воспринимались ею как личное оскорбление.

Что остается в этой ситуации? Только посочувствовать Чарльзу.

Тот еще не один раз попытается уже реально спасти Диану от разрушения ее собственной личности, как ему казалось. Но он ошибался дважды. Во-первых, никакого разрушения личности Дианы не происходило. Просто Диана неистовствовала, видя, что ее мечты видеть всю Англию (вместе с королевским двором) у своих ног оказались напрасными. (Вот опять же: девушка, ну потерпи немного! Ты же будешь именно королевой!)

Во-вторых, все доктора, которых отыскивал Чарльз, с которыми просил пообщаться Диану, вскоре отмечали: Диана абсолютна глуха к советам современной медицины. Она (вы читали про это в предыдущей главе) с головой окунулась в оккультизм…

Главным для Дианы в ее жизни была не любовь Чарльза, не дети и тем более не ее королевский долг. Главным было — внимание толпы. Дешевая популярность. И максимальные ее страдания происходили именно по той причине, что этого внимания ей было мало. Диана жаждала поклонения у всех и везде. Возможно, мои слова вам всем покажутся чересчур категоричными. Что ж, вы помните веселую рыжую Ферджи, с которой Диана как будто подружилась, с которой «мило шалила» во дворце?

Помните, у Ферджи было очень простое правило: вести себя так, как хочется, и не думать о том, как толкуют твое поведение? С одной стороны, кто-то назовет это пренебрежением к окружающим. Но, если взглянуть внимательнее, Ферджи вела себя непосредственно и искренне. Ей было весело — она веселилась. Грустно — грустила. И вскоре все проникаются уважением к этой веселой рыжей «толстушке» (Ферджи была немного полновата). Ее некритическое отношение к собственной внешности позволило ей смело появляться на публике, участвовать в различного рода акциях. И о Ферджи заговорила пресса! Статьи о ней, ее фотографии появляются в газетах. И именно этот факт взбесил Диану. Увидев очередную фотографию «рыжей бестии» в газете, Диана зло выговорила своему личному секретарю: почему о Ферджи стали писать много и часто, почему она стала соперничать с ней, Дианой, в популярности? Но и это еще не все. Слуги знали (а что знали слуги, знала и Диана), что королеве нравилась веселая непосредственность Ферджи. Мало того, сам Чарльз не раз приводил Ферджи в пример Диане: почему бы ей не быть столь же искренней в своем поведении, стать хоть на чуточку менее мнительной, проще?

Это выводило Диану из себя. Мало того что ей — ей,

Диане! — ставили в пример поведение какой-то там Ферджи, так и в самом деле эта Ферджи уверенно набирала очки популярности, конечно же, забирая их у Дианы. Этого принцесса вынести не могла.

И из милой подружки Ферджи превращается в заклятого врага. Выброшен телефон с записанным номером Ферджи, она как бы исчезает из жизни Дианы.

Но вернемся к супругам. Диана и ее верные биографы главной причиной разрушения брака все так же упрямо называют Камиллу. Вот, дескать, она — и все тут. Вот он — пресловутый треугольник. Принц изменял, и это главное. Хотя принц ясно ответил, что жене не изменял до тех пор, пока видел, что брак еще можно сохранить.

Заметьте: столько внимания уделено в жизни Дианы Камилле и Чарльзу, что во всей этой истории Диана вырисовывается как безупречно чистая, ну почти девственная принцесса. Она горячо любит своего мужа. Она без ума от него и жаждет его любви. Для нее вообще не существует мужчин, кроме ее мужа.

Так ли это на самом деле? Так ли свята принцесса Диана, как ее малюют?

К фактам, друзья, к фактам!

Идет 1985 год. Прошел год после рождения Гарри. У Дианы намного поубавилось мыслей о детях — она опять занята собой. Как мы уже заметили, одной из страстей Дианы была жажда говорить, рассказывать о своих якобы бедах, причем нужно, чтобы ей сочувствовали, чтобы ее жалели. Слушателями были слуги, разные врачеватели. Но в окружении Дианы есть и иного рода люди: сильные, физически безупречные, прекрасно воспитанные и целиком от нее зависимые. Это личная охрана.

Среди охранников Диана выбирает для себя сержанта Барри Мэннеки. Он весел и жизнерадостен, отзывчив, у него превосходное чувство юмора. Уверенный в себе, сильный мужчина. Самец. И наша кошечка Диана кладет на него глаз.

Мало-помалу она начинает привлекать сержанта все ближе и ближе к себе. Их начинают замечать вместе настолько часто, что у начальника Барри, старшего телохранителя, возникают серьезные опасения. Он со всей тактичностью и строгостью предупреждает сержанта: роман с принцессой невозможен! Будь осторожнее! Если она затащит тебя в постель — твоей карьере конец.

Барри отшучивался. Дескать, у него с принцессой самые обычные дружеские отношения, все находится в рамках профессиональной этики.

Но он и сам не заметил, как влюбился в Диану. Диана впоследствии признавалась, что она искала любого повода, лишь

бы увидеться с Барри. В своем доме частенько она называла Барри своим парнем, и тут нужно было только гадать, что за смысл она вкладывала в эти слова. А однажды прислуга услышала, как Диана назвала Барри любовью всей своей жизни.

Вот так.

Но это слова. А как же дела? Легкое мимолетное увлечение, напомним еще раз, не было столь страшно караемо в среде аристократии. Но ограничилось ли все в отношении Дианы и Барри только милыми дружескими беседами?

Следует заметить, что буквальное преследование Дианой не на шутку встревожило самого Барри. Он понял, что попал в сети. Ладно бы, если бы сам просто влюбился в принцессу. Но тут ему грозила перспектива стать ее любовником. А это тяжелейшее дисциплинарное нарушение.

Об отношениях Дианы и Барри начали говорить вслух. Но Диану это ничуть не остановило. Сам Барри, сколько ни пытался, не мог противостоять ежечасному вниманию Дианы. Она буквально преследовала его в доме, выискивала, требовала к себе безо всякой на то причины. Он видел, что их отношения ставят под угрозу всю его жизнь, а не только карьеру: ведь Барри был женат, имел двоих детей. Но поделать ничего не мог.

И однажды… Ох уж это однажды… Оно врывается в любую нить повествования, неожиданно прерывая его или ставя жирную точку. Такая точка была поставлена в отношениях Дианы и Барри, когда их буквально застали в пикантном положении: в уединенной гостиной Барри оказался вместе с Дианой. Диана выглядела весьма встрепанной, пиджак Барри был снят и валялся рядом. Такое нарушение формы одежды могло произойти только по одной причине. И эта причина вслух не называлась.

Конечно же, Барри был уволен из рядов личных телохранителей королевского двора. Для него это был страшный удар. Что интересно, принцесса Диана, та самая, которая сама выбрасывала слуг, ничуть не заботясь об адекватности своего приговора, вдруг воспылала жаждой справедливости. Потом она назовет увольнение Барри следствием зависти, ревности, злобности всего королевского двора.

Ну да, нужно было всем сделать вид, что ничего не произошло. Подумаешь, принцесса покувыркалась со своим охранником. Что здесь страшного? Скучно бедняжке, развлеклась…

Барри начал службу в новом месте — в батальоне охраны дипломатического корпуса. Через два года происходит несчастный случай — в автомобиль, в котором ехал Барри и его сослуживец, выскочив на встречную полосу, врезается другой

автомобиль. Барри погиб.

Диана была уверена, что его убили, что все подстроено. Она не один раз будет повторять это убеждение, стараясь, что называется, «навести тень на плетень». Но в данном случае ее домыслы не имеют под собой никакого основания. Да, была автокатастрофа. Но в той машине, которая неожиданно выскочила на встречную полосу, сидела юная семнадцатилетняя девушка. Она просто не справилась с управлением. И погибла сама.

Что интересно: Диана признается, что Чарльз знал о Барри, о том, насколько далеко зашли отношения. Но Чарльз ничего не мог поделать — у него не было никаких доказательств до тех пор, пока парочка элементарно не попалась.

Заметьте: Чарльз не предпринял никаких действий. Можно только догадываться, что творилось у него в душе. Единственное, что он принял как нужное: предложение Дианы разделить спальню.

Барри в жизни Дианы — такой же факт, как сегодняшний восход солнца. И поэтому я спрошу: Камилла виновата? Чарльз виноват? Ведь их никогда и никто не заставал в таком месте и таком положении, что можно было бы делать однозначные выводы.

Но если бы только Барри!

Казалось бы: вот была искренняя влюбленность (как там сама Диана говорила — любовь всей моей жизни, да?), наступило расставание с любимым. Поплачь хоть, что ли. Погрусти. Напиши ему письмо. Позвони.

Угадайте, что делает Диана после того, как ее любовника выпроваживают из дворца?

Заводит себе нового любовника.

Идем по возрастающей — уже капитана.

Самое противное для меня в этой встрече с капитаном то, что Диана оценила его и через свою придворную даму пригласила на небольшой прием, чтобы познакомиться поближе без лишних глаз в то время, когда их с Барри еще не «застукали». Характерная черточка, согласитесь.

Капитан Хьюитт (так звали нового потенциального любовника Дианы) не блистал большим умом, его интеллектуальные способности были куда ниже, чем у телохранителя Барри. Но Диане это было только на руку: если Барри еще задумывался о том, к чему может привести роман с принцессой, и противился ему, то капитан Хьюитт не думал — он делал.

На том самом приеме Диана подошла к нему и сказала, что

очень хотела бы научиться верховой езде. Предлагаю вам самим оценить многозначительность такой просьбы. Особенно если она приукрашена обещающим и жадным взглядом.

Капитан Хьюитт начинает давать Диане уроки верховой езды. Часть этих уроков проходила перед зрителями, а какая-то часть была скрыта от глаз.

Страсть, с которой Диана бросилась в объятия Хьюитта, нисколько не испугала его — я уже сказал, что он не отличался высоким интеллектом. Он просто радовался удаче, как радовался бы здоровый самец, завладев чистопородной самкой. Впоследствии он вспоминал, как, неистово целуя его, Диана нашептывала о том, что вот такой мужчина, как он, — мечта ее жизни. Она бы все отдала, чтобы быть с ним всю оставшуюся жизнь.

Лично у меня эти воспоминания капитана вызвали нервозность. Черт возьми, так что нужно было Диане? Просто любящий мужчина, удовлетворявший ее в постели? Умение для нее самой «скакать на коне»? Или быть в центре внимания, быть окруженной почтением и любовью подданных, быть королевой? Где логика?

Все проще. Вопреки расхожему мнению, мужчины тоже любят ушами. Диана страстно шептала на ухо своему любовнику то, что он хотел слышать. А любила Диана по-своему. И капитан Хьюитт вскоре почувствует это на собственной шкуре.

Связь Дианы и капитана перестает быть тайной. О ней начинают говорить, но по правде, связь пока недоступна для газетчиков, не выходит за пределы дворца. И Чарльз… Чарльз понял еще тогда, с Барри, что с Дианой у него все покончено. Когда жена в своем родном доме наставляет тебе рога сначала с охранником, а теперь вот — с капитаном королевских войск, это уже последняя точка над i. Чарльз не стал устраивать сцен и разборок. Понял: все напрасно, все рухнуло.

А капитану Хьюитту реально снесло крышу — он вдруг понял, что стал любовником матери наследного принца. Наверняка он думал о том, что останется в фаворитах принцессы до самой смерти, и таким образом его карьера имеет блестящие перспективы. Пока он получал, получал много и почти даром: прекрасное тело молодой принцессы было в полном его распоряжении. А плата казалась для него пока совсем маленькой — он всего лишь должен был подчиняться. Ну, так принцессе и так принято подчиняться капитану королевских войск.

Но Хьюитт недооценил размер платы. Через некоторое время капитан понял, что Диана требует от него полного, беспрекословного подчинения. Не просто подчинения, даже

растворения в ней. Хьюитт обязан был являться к принцессе по первому ее зову, быть рядом там, где пожелает принцесса, радоваться тому, чему рада она, грустить о том, о чем грустит она. Диана медленно, но настойчиво вводила в сознание капитана, что его личной жизни больше не существует, что отныне вся его жизнь — полное растворение в жизни Дианы.

Вот какой любви жаждала Диана. И теперь вы прекрасно понимаете, что принц Чарльз, будущий король Англии, аристократ, преисполненный чувства долга, ни при каких обстоятельствах не мог дать ей такой любви. Променять Англию на женщину — это уже невозможно.

Роман Дианы и Хьюитта длился достаточно долго — целых три года капитан находился не просто под башмаком принцессы, но в полном ее распоряжении. В конце концов он вспомнил, что он — мужчина. Что этот роман с принцессой — пустышка, что им играются только до той поры, пока ему не найдется подходящая замена (а ведь был прав!). И Хьюитт в 1989 году просит свое командование, чтобы его отправили в составе полка в Германию.

Диана была в бешенстве, когда ее любовник сообщил с напускной грустью, что его переводят в Германию. Принцесса задействовала все свои связи, чтобы как-то изменить этот перевод. Она добилась личной аудиенции у генерал-майора Эйри. Она кричала и просила. Но генерал не стал потакать взбешенной любовнице.

Эта страничка в жизни Дианы достойна того, чтобы вы узнали продолжение. А продолжение было. Во-первых, Диана начинает слать своему любовнику письма. Весьма откровенного характера. Так длится почти полгода. Звонит ему. Пытается встретиться. Ее поведение понятно: у большого ребенка забрали игрушку. Не она выбросила, а именно забрали! Поэтому все усилия Дианы были направлены на то, чтобы игрушка вернулась на место.

Хьюитт, пусть и был недалеким малым, сориентировался достаточно быстро. Он понял, что сам не уйдет от Дианы. Нужно, чтобы Диана ушла от него. И он заводит любовницу. При этом постарался, чтобы Диане все передали в самых лучших красках. Капитан как в воду глядел: как только Диана услышала об измене своего любовника, в кусты полетел очередной телефон — теперь уже с номером Хьюитта.

Самое унизительное, что я нашел в истории жизни Дианы, — на ней стали зарабатывать. Пусть себе зарабатывали репортеры и папарацци — это их хлеб. Но на Диане и ее жизни, той жизни, которая была до поры до времени упрятана под маску добропорядочности, стали зарабатывать все кому не лень. На

своей интимной связи с принцессой решил заработать и Хьюитт. Он встречается с известной писательницей, рассказывает ей свою историю о подвигах в будуаре принцессы. И та буквально за месяц издает книгу под названием «Влюбленная принцесса». Это случилось в 1994 году.

Диана была в бешенстве. Направо и налево она кричала о низком поступке Хьюитта, о том, что напоказ выставлено глубоко личное, а это подло. В ее крике опять слышится фальшь — ведь она сама после развода будет раздавать интервью, зарабатывая на этом деньги, вынося на публику самое сокровенное, что было у них с Чарльзом, да еще представляя все в самом выгодном для себя свете. Она обвинит Чарльза и весь королевский двор в черствости, сухости, равнодушии, лживости — во всех смертных грехах. А тут, видите ли, обиделась на капитана, который решил погреть руки. Предприимчивый оказался капитан — за все годы слепого подчинения принцессе он наконец-то получил дивиденды.

Бешеной Диана от издания этой книги выглядела только внешне. Внутри же она лихорадочно искала выход. Она помнила, сколько и каких писем отправила Хьюитту! Если он заработал на воспоминаниях, то сколько же будут стоить оригиналы писем принцессы? Те самые оригиналы, пикантные моменты из которых жаждущая клубнички толпа будет смаковать с преогромным удовольствием…

Диана связывается с Хьюиттом и предлагает ему сделку: он передает ей оригиналы писем, а она платит ему деньги. Капитан подумал… У него в руках была курица, которая могла бы снести ему большое золотое яичко. Но был риск. Принцесса оставалась принцессой — у нее были свои люди во многих сферах. И кто знает, вдруг ей взбредет в голову элементарно «заказать» Хьюитта, когда тот рискнет опубликовать письма? Хьюитт еще раз подумал и передал Диане, что готов вернуть письма. За небольшое вознаграждение — он ведь столько времени хранил их. Свои труды капитан оценил в 250 тысяч фунтов. Диана согласилась.

Честно признаюсь, когда я нашел эту историю, Диана окончательно потеряла в моих глазах всякое уважение. Это просто гадко. Ты — принцесса, а тебя используют, как уличную девку, простые капитаны.

Но вернемся во дворец. Вот в кусты улетел очередной телефон. И это значит, что сердце принцессы Дианы свободно. Начался быстрый и продуманный поиск нового поклонника. Им становится уже старый знакомый Дианы, торговец машинами мистер Гилби. Раньше они встречались — еще до свадьбы Дианы.

Гилби пытался было приударить за юной красавицей, но тогда Диана предпочла Чарльза. И вот теперь Гилби снова возник на горизонте. О, его тщеславие было вполне удовлетворено. Но отношения развивались медленно — Гилби был достаточно умен, он был старше Дианы и понимал, что его вхождение в роли любовника в семью принца Чарльза может окончиться для него неприятностями. К тому же он был глубоко порядочным человеком. По этой причине Диана осталась ни с чем.

Тем временем Чарльз уже почти потерял всякую надежду. Один из его близких друзей, Оливер Хор, предложил свою помощь: он решил, что Диане нужно лишь глубже понять своего мужа, его натуру, его истовую преданность самой Англии. И когда Диана увидит, насколько разнится ее собственное мнение о муже с тем, кем он является на самом деле, она изменится. Вот такой был у Чарльза наивный друг. Кстати, умелый торговец. Его интерес — восточные произведения искусства.

Нетрудно догадаться теперь, после сержанта и капитана, к чему могли привести встречи Оливера Хора с Дианой. Взяв на себя роль просветителя и дипломата, Оливер в самое короткое время попал в сети. Диана тут же установила с Оливером самые что ни на есть доверительные отношения.

Но у Оливера была семья. Жена, имя которой была Дайана. Однако это ничуть не смутило, а наоборот, развеселило Диану: если любовник во сне назовет ее имя, жена подумает, что он назвал ее.

Но Оливеру было близко к пятидесяти. Его жизнь вовсе не была устлана розами — его путь к сегодняшнему благополучию был труден и долог. Он получил два высших образования, сейчас он консультировал самых богатых клиентов в вопросах приобретения предметов искусства Востока. У Оливера была собственная художественная галерея, но было и одно «но». В наследстве его жены был немалый нефтяной бизнес. И этот бизнес позволял Оливеру вести свою жизнь так, как он ее вел.

Для него любовная связь с Дианой могла окончиться полным крахом.

Но Диана была непреклонна. Раз подловив Оливера, она стала требовать от него того же, чего и от капитана Хьюитта — чтобы Оливер был полностью предан ей. Весь, без остатка. Это звучит смешно и нелепо, но Диана ревновала его к его собственной жене. Ее приводила в бешенство мысль, что ее любовник спит с еще одной женщиной. Пусть она и его собственная жена.

Вот так любила Диана.

Хочу вам рассказать об одном чуде природы. Не улыбайтесь,

так и есть — чудо настоящее и жуткое. Зоологам известен один интересный вид глубоководных рыб. Самка имеет большие размеры, самец же — существенно меньшие. Когда самец достигает половой зрелости и находит самку, он кусает ее за бок. И его челюсти неожиданно сводит. И так они плавают вместе. Поскольку есть он не может, то начинает питаться соками самки. Спустя некоторое время голова самца… срастается с телом самки. И сам он все врастает, все растворяется. До конца. Ученые выяснили, что не растворяются только детородные органы самца. Проходит немного времени — и вот уже от бывшего любовника-самца остался незаметный бугорок на теле самки. Глядишь, тут другой самец подплыл. Укусил самку — и прирос к ней. И уже не оторваться. Не оторваться, не спастись. И от этого самца остался только бугорок и его детородный орган. Ученые, когда вылавливали этих рыб, всегда удивлялись: почему только самки, где же самцы? А тут вон как оно оказалось. Это страшная на вид рыба, и название у нее подходящее — морской черт. Или по латыни Lophius piscatorius.

Это жуткая любовь, но в природе есть такое!

Когда я читал о том, какой любви хотела Диана от мужчин, я вспоминал морского черта. Полное растворение. Всего, без остатка.

Оливер Хор вскоре понял, что Диана явно намерена заставить его срастаться с ней. И решил прекратить отношения.

Но не тут-то было!

В эру мобильной связи нельзя убежать далеко — Диана засыпает Оливера звонками. Сделать двадцать звонков в день труда Диане не составляло. Бедный Оливер решился и стал отключать телефон. Но в век информации нельзя утаить свой домашний телефон.

Бедная жена Оливера Дайана! Представьте: в течение дня в вашем доме звонит телефон почти каждые полчаса в любое время суток. Да-да, и ночью тоже! Вы подходите, говорите «алло», слушаете томный вздох, явно женский, и трубка издает короткие гудки. И так без малого целый год!

А некоторые биографы еще пытаются всем доказать, что Диана — слабая, требующая всяческой поддержки во всех делах женщина. Да уж, слабее и не сыскать.

Но слушайте, что было дальше. Дайана Хор решает сама остановить зарвавшуюся принцессу. Она пишет заявление в полицию: дескать, мужу постоянно звонят и угрожают исламисты. Полиция принимает меры и… накрывает Диану. Стражи порядка легко устанавливают, что звонками терроризируют семью Хор из Кенсингтонского дворца — из дома принцессы.

И думаете, Диана испугалась? Как бы не так! Звонки продолжаются. Сыщики Скотленд-Ярда составляют карту звонков: звонят из телефонов-автоматов, расположенных рядом с дворцом, звонят из дома сестры Дианы, Сары. Как выяснили впоследствии, Диана специально надевала перчатки, чтобы не оставлять следов на телефонной трубке в автомате.

Вот это воля! Вот это стремление к цели!

Оливер Хор уже вместе со своей женой смог выстоять — они буквально отбились от обезумевшей буквально любовницы с помощью полиции. Сохранили семью и свою честь.

Но самое чудовищное, самое непостижимое лично для меня как мужчины в том, что вот эта «милая увлеченность» Дианы происходила в то время, когда уже начался бракоразводный процесс. В это время она в своих интервью говорит о том, что стремится сохранить семью и что по-прежнему… любит Чарльза!

И еще об одном моменте нужно бы написать. Когда Диана решила, что нужно разводиться, она, конечно, решила проконсультироваться с авторитетными людьми о том, как ей дальше устроить свою жизнь, как ей, главное, вести себя первое время, чтобы сохранить за собой репутацию, остаться всеобщей любимицей публики. И один историк, Пол Джонс, продиктовал для Дианы список того, чего она должна не делать в первую очередь. Первым шел пункт о полном прекращении общения с какими бы то ни было средствами массовой информации. А вторым пунктом был полный запрет всякого секса. Хоть на какое-то время. Прочитав этот пункт, Диана округлила глаза: как же ей прекратить это делать, если она к этому давно и прочно привыкла?

Ну, и еще один вам вопрос: так был ли все-таки треугольник в семье Чарльза? И сколько их было всех?

Крах

В 1989 году сестра Камиллы празднует свой юбилей — ей исполняется сорок лет. Как это принято, был прием. Конечно, был приглашен и Чарльз. Правила этикета требовали вписать в приглашение и Диану. И ее туда вписали, посчитав, что те же неписаные правила этикета сыграют свою роль, и Диана «заболеет». Сколько раз она вдруг заболевала в похожих ситуациях!

Но не тут-то было. На приеме будет, безусловно, сестра юбилярши — Камилла. И Диана решила, что пришло время рассчитаться. Чарльз был неприятно удивлен решением Дианы быть на юбилее — он понял, что Диана что-то задумала. Он выговаривал ей, но Диана осталась непреклонна.

Уже после обеда Диана заметила, что в стороне от всех разговаривают мужчины и с ними — Камилла. Среди мужчин Диана видит Чарльза.

И рвется в бой.

Она подошла к Камилле и заявила ей, что желает с ней говорить наедине о том, что, по ее мнению, мешает семейной жизни ее и Чарльза. Камилла не удивилась, не испугалась. Когда мужчины ушли, Диана заявила, что она обо всем знает, ей обо всем доносят, она все понимает и не надо держать ее за дуру.

Обратите внимание на эти слова, потому что сейчас будет что-то.

Разговор закончился без сцен — Камилла не допустила такой ситуации, в которой бы Диана впала в истерику. Диана ушла, нашла Чарльза и спросила, хочет ли он знать, о чем она говорила с Камиллой. Чарльзу ничего не оставалось, как сказать, что ему интересно.

И тут Диана выдала: она-де сказала Камилле, что любит Чарльза.

Это несравненно! Обратите внимание — это 1989 год. В это время Диана, встречаясь со своим любовником Хьюиттом, стонет в его объятиях и клянется, что отдала бы все, только бы быть с ним рядом…

Диана сама выбрала год для полного разрыва отношений с Чарльзом — в 1991 году ей исполнялось тридцать лет. Как все эксцентричные и эгоистичные личности, Диана любила круглые даты. И призналась одному своему другу, что именно в этот год она собирается стать свободной.

Но у нее не получилось.

Дело в том, что у другой королевской четы — той самой

рыжей Ферджи и младшего брата Чарльза Эндрю — наметился настоящий развод. И Диана решила использовать этот случай для себя: реально поучиться с тем, чтобы потом при своем разводе получить максимум возможного. Поучилась. И поняла, что, если она станет инициатором развода, ей не получить всех тех дивидендов, на которые она рассчитывала. Нужно, чтобы инициатива исходила от Чарльза. Сам делал предложение выходить за него замуж, вот сам пускай и предлагает развестись. Нужно только подтолкнуть его к этому…

Я уже упоминал о том, что Диана научилась использовать прессу в своих целях. И вот теперь, планируя отпраздновать свой юбилей, она поделилась планами с газетами. И Англия тут же узнала, что свой день рождения Диана отпразднует среди друзей в отеле, а вот принца Чарльза среди приглашенных не будет.

Чарльз ответил (через те же газеты, ведь от него же требовали объяснений), что Диане было предложено все. Но если она решила играть мученицу — это тоже ее право.

Вот такая семейная жизнь. Но для Дианы главным остается другое: она с нетерпением ждет результатов общественного мнения и вскоре визжит от восторга: публика признает ее самой популярной среди королевской семьи.

Это было то, чего добивалась Диана всегда, — быть самой популярной.

Пресса изо всех сил стремилась сделать из Дианы «грустную принцессу». Жалость — хорошее чувство для репортеров. Оно легко и дешево извлекается из душ потребителей печатного и телепродукта, достаточно прочно. На жалости делаются тиражи и собираются пожертвования. Грустная принцесса «очеловечит» газету любой степени мерзости. Грустная принцесса заставит себя жалеть.

И пресса старается. Опять во всех газетах печатаются снимки уже одинокой скучающей принцессы. И не где-нибудь — на фоне мавзолея Тадж-Махал. Напомню: этот мавзолей построил муж, император Шах-Джахан для своей жены, умершей при родах. Этот мавзолей уже давно во всем мире стал символом печали и любви.

И вот скучающая принцесса Диана на фоне Тадж-Махала. Образ создан. Диана удачно выбрала ракурс. Очень сомневаюсь, что это был один-единственный снимок. Наверняка Диана заказывала фотосессию и сама отбирала фото для печати. Но весь по-настоящему трагизм этой истории для принца Чарльза был в том, что в это время он находился в Индии вместе с Дианой. Ее фотографии стали полной неожиданностью для него. Это был очень серьезный, ловко рассчитанный удар.

В середине 1992 года — еще одна удача для папарацци, еще

одно, очередное унижение Чарльза. Он очень любил водное поло, хорошо играл. На одном из матчей присутствует и Диана, наблюдает за игрой, как будто и болеет за своего мужа. И вот Чарльз под восторженный рев болельщиков забивает победный гол! Уже выйдя из воды, он подошел к жене, ожидая, что та хотя бы ради приличия поздравит его с победой символическим поцелуем в щеку. Но Диана не делает ни единого движения вперед. Тогда Чарльз сам решает поцеловать жену в щеку.

Внимание всем папарацци — будьте готовы!

Чарльз тянется к щеке жены. Диана резко в последний момент отворачивает голову. И Чарльз нелепо тыкается жене в ухо.

Фотографы! Вы сняли? Какой шикарный момент!

Назавтра газеты выходят с этой фотографией Чарльза: он с некрасиво расставленными губами тянется к уху жены. О язвительных, полных издевок заголовках говорить не будем.

Это была хлесткая пощечина мужу.

В начале ноября 1992 года Чарльз и Диана отправляются с официальным визитом в Южную Корею. Многие в королевском доме надеялись, что этот долгий визит сможет как-то сблизить супругов. Но ничего хорошего не произошло, Диана сделала все, чтобы о них заговорили как о «самой мрачной паре». Диана вдруг сменила имидж — она не захотела блистать рядом с Чарльзом на публике, она не устраивала посещений больниц и приютов. Она была всегда рядом с Чарльзом — вся такая убитая и несчастная. Чарльз также был мрачен — не улыбаться же ему в такой ситуации…

А буквально через неделю после возвращения из Кореи Диана устраивает себе визит в Париж. И вот она — сияющая принцесса Диана! Толпы, ликование дианопоклонников, сотни работников прессы, тысячи фотографий.

Это уже было как самый настоящий вызов Чарльзу, да и всему королевскому дому. Ничем не обоснованный, подлый вызов. Попробуйте по-иному расценить такое поведение Дианы. Не получится. Потому что вы вместе со мной уже убедились: Диана не просто могла держать себя в руках, она, когда было нужно ей самой, пробуждала в себе невероятное устремление к цели, прикладывала огромные усилия — и добивалась.

Чарльз ощущал всю омерзительность такого положения дел. Он был настолько расстроен и даже растерян, что признавался одному из друзей: он боится будущего, боится очередной выходки Дианы, которая может нанести непоправимый вред репутации всей системы английской монархии. И ему в том числе как мужчине.

К тому же происходит то, чего никак не ожидал ни Чарльз, ни королевская семья, ни вся Англия. В строжайшей тайне от всех готовится к изданию книга о Диане. Сама принцесса принимает в ее подготовке непосредственное участие, хотя потом и полностью открещивается от этого. Книга изобиловала такими откровенностями, такими измышлениями и таким судорожным переворачиванием событий и их толкований с ног на голову, что читатели некоторое время пребывали в шоке. Это был не просто удар по репутации королевской семьи — это была тщательно подготовленная атака. Об этой книге мы позже поговорим отдельно. Пока же для всех во дворе и всей Англии было понятно: грязная клеветническая книга написана под руководством самой Дианы.

И Чарльз принимает решение.

В конце ноября 1992 года он приехал в апартаменты Дианы (к этому времени они стали жить в разных местах) и сказал, что такая жизнь в его видении не имеет смысла. Развод — единственно логичный выход из ситуации.

Диана была готова к этому предложению и восприняла его с деловитым спокойствием. Адвокаты уже были подысканы. Им передали документы, и начался бракоразводный процесс: нужно ведь было обсудить и прийти к соглашению по целому ряду самых обычных и не совсем вопросов. И это были вопросы не только общего воспитания детей и финансов. Вставал и такой щепетильный вопрос: кем останется Диана после развода? То, что она мать наследника престола, давало ей право на обращение к ней «Ваше королевское высочество».

Впрочем, надо всем этим Диана подумала уже раньше и разработала стратегию поведения. И потому, как только Чарльз ушел, в доме Дианы начался… настоящий праздник: Диана уселась за фортепиано и стала весело наигрывать, пританцовывая, преданная ей команда слуг веселилась, танцевала.

В декабре 1992 года в палате общин было официально объявлено о намерении принца и принцессы развестись. Это было очень тяжелым ударом для всей аристократии Англии, для палаты общин в частности. Все знали, что семейная жизнь Чарльза и Дианы не складывается, все закрывали глаза на эти обмены уколами в СМИ, но все надеялись, что раздельное проживание супругов через какое-то время приведет к «снижению волнения на море», все понемногу утрясется, Диана чуть повзрослеет еще, вспомнит о долге будущей королевы — и мир воцарится.

А тут — развод.

Диана, едва только адвокаты занялись им, тут же принялась за дело. Перво-наперво в ее апартаментах было уничтожено все, что напоминало о ее прежней жизни замужней принцессы: полный ремонт с переклейкой обоев и новым дизайном комнат.

Никогда Диана не была настолько поглощена делом, она походила на неиссякаемый источник сил и вдохновения. Она распоряжалась, отдавала приказы. И время от времени из нее вырывались слова восторга — Диана повторяла, повторяла, что принц согласился, согласился на развод…

После деловых и четких переговоров с Чарльзом Диана отбирает себе слуг. Тех, с кем она была дружна. И тех, скажем прямо, от кого отказался Чарльз, справедливо уличив последних в шпионстве в пользу Дианы. Эти слуги принесут впоследствии немало приятных минут Диане, выкладывая ей как на блюдечке массу интересных подробностей о жизни Чарльза. И все Диана использует с пользой для себя (как ей казалось).

Диана понимала, что после развода она теряет очень многое. Все драгоценности — они принадлежат английской короне. Апартаменты. Это было самым больным местом — Диана мечтала о своих собственных, перестроенных по ее вкусу. Вообще, вопрос жилья для Дианы — весьма болезненный вопрос. С одной стороны, она — дочь графа Спенсера, у отца — родовой замок да еще есть какие-никакие дома. На один из них Диана положила глаз.

Еще в начале 1992 года умер отец Дианы граф Джон Спенсер. И теперь владельцем всего имущества стал ее брат Чарльз. К нему и обратилась Диана с просьбой предоставить ей место для жилья. Чарльз Спенсер подумал и предложил Диане снять (за деньги, конечно, пусть и весьма небольшие) садовый дом в поместье Элторп. Диана была счастлива. Но спустя некоторое время вокруг Дианы закручивается такая пляска папарацци, что Чарльз Спенсер понимает: благодаря своей сестре отныне весь Элторп будет под прицелом фото— и видеокамер. И он передумал, предложив Диане дом за пределами поместья. Диана пришла в бешенство. Она написала брату такое письмо, в котором ничуть не постеснялась в выражениях. Благоразумия у Чарльза Спенсера хватило — он не стал читать письмо, отправил его обратно.

Спустя некоторое время уже сам Чарльз Спенсер побеспокоил сестру. Он напомнил, что та самая диадема, которая красовалась на голове Дианы в день ее свадьбы, — фамильная ценность и она должна вернуться в замок, поскольку Диана больше не собирается оставаться замужней женщиной. Чарльз Спенсер справедливо рассудил, что такую диадему должна носить замужняя женщина из рода Спенсеров. Например, его собственная жена.

Диадема для Дианы была символом ее собственного обаяния. Символом успеха. Символом ее царственности. Надо ли говорить, что в этой диадеме Диана любила выходить в свет, появляясь то в палате общин, то на встречах с дипломатами? Это была ее корона — и вот ее лишают этой короны. И кто? Родной брат, которого она не раз называла любимым братом. Как бы ни скрипела зубами Диана, она вынуждена была вернуть фамильную реликвию — Чарльз Спенсер всего лишь выполнял условия, по которым диадема могла находиться у той либо иной женщины, связанной с родом Спенсеров.

Это в России развод происходит за полгода максимум. В Англии, да еще среди аристократов, да еще в королевском дворе, развод может тянуться очень долгое время. Закончился 1992 год, незаметно пролетел и 1993-й. За ним и 1994-й. А дела все никак не были закончены, переговоры длились и длились. (Впрочем, скучать Диане не выпадало — вы же помните, в это время она занималась своими любовниками.) Подходил к концу 1995-й.

Вполне может быть, что и этот год не стал бы финишным. Но Диане не терпелось нанести удар. Уже не по Чарльзу — по всей королевской семье. Ее популярность заметно снизилась, она теряла своих поклонников, теряла прессу. Всем в Англии уже надоел вялотекущий процесс развода. Пресса устала без «горячего». Диана вовремя заметила этот остывший котел общественного мнения и решила устроить разогрев.

В телевизионной передаче «Панорама» она дает откровенное интервью.

По сути, это было не интервью — это была грязная сделка Дианы и известного в Англии телеведущего компании Би-би-си Башира. Сделка держалась в строжайшей тайне. Никто не знал о готовящейся передаче. Никто. Даже сам директор компании. Никто из слуг, даже личный секретарь Дианы Патрик Джефсон.

Подготовка шла более двух месяцев. Сама съемка интервью заняла три часа. Из этого можно сделать простой вывод: это была тщательно спланированная акция. Диана в ходе интервью отвечала на вопросы спокойно, уверенно, как многие потом заметили — заученно.

Вся стервозность Дианы открылась в этой телепередаче во всей ее глубине. И дело не только в том, о чем говорила Диана.

Во-первых, Диана распорядилась, чтобы о предстоящем интервью было сообщено 14 ноября — в день рождения ее пока еще супруга Чарльза. Во-вторых, само интервью было запланировано в эфире 20 ноября — это была сорок восьмая годовщина дня свадьбы самой королевы Елизаветы и принца

Эдинбургского.

И, в-третьих, когда анонсирование состоялось, Диана на все вопросы о предстоящей программе отвечала, что-де ничего там страшного нет, она просто опровергает всякие домыслы о ней, появившиеся в изобилии в последнее время в печати.

Англия замерла 20 ноября у своих телевизоров.

С экрана полилась грязь.

Диана как ни в чем не бывало рассказывала о своей булимии (в чем не признавалась долго врачам), как она то жрет что ни попадя из холодильника, то рыгает над унитазом. Она рассказывала о жизни с Чарльзом, выискивая и придумывая самые черные моменты, которые характеризовали бы ее мужа с самой худшей стороны. Она представила королевский двор как бездушный и бесчеловечный механизм. Она предостерегла Англию от такого короля, как принц Чарльз, — бездушный, дескать, страшный человек. Она говорила о себе как о сильной женщине, она заявляла, что будет бороться до последнего за… свой брак. Она называла себя (здесь — впервые) королевой людских сердец и заявила о том, что именно толпа на улице и есть самая настоящая Англия. И именно эта Англия ее больше всего волнует.

Англия вздрогнула.

Толпа ликовала.

Но Диана, рассчитывающая на успех абсолютно у всех, ошиблась. Масса людей, умеющих анализировать, увидели в этой передаче иное. Отзывы достаточно известных в Англии людей были не просто жестки — жестоки в своей откровенности. Многие говорили о прогрессирующей стадии паранойи у принцессы, о том, что Диана впервые предстала перед публикой в своем истинном состоянии психопатки, которая до самых краев наполнена ненавистью.

Подает в отставку личный секретарь принцессы Патрик Джефсон — он, как человек глубоко порядочный, не мог больше работать на Диану.

Мать Дианы Френсис пришла в ужас после увиденного. Даже на другой день она не смогла ответить дочери, сославшись на невозможность разговора. После она призналась, что впервые в жизни ей стало по-настоящему страшно и что впервые она увидела в дочери такого человека, которого не могла ни любить, ни поддерживать.

Одна из подруг Дианы, Роза Монктон, заявила ей, что в худшем обличье Диану уже не представить.

Бывшая в хороших отношениях с Дианой принцесса Маргарет порвала с ней, заявив Диане об этом письменно.

Но это аристократия. Пусть Диана и была расстроена поведением нескольких влиятельных людей, но втайне она считала, что одержала победу. Если бы не дети.

Ее сыновья категорически высказали матери свое неприятие. Старший сын Уильям, как мальчик, уже все понимающий, сказал, что в данном интервью мать выставила себя дурой, а их, детей, — дураками перед всей Англией. Что это подло — лить грязь на отца. Что это вдвойне подло — признаваться на всю страну в романе с каким-то капитаном, когда она еще считается замужней женщиной, и при этом заявлять, что хочет сохранить брак. Уильям объявил матери настоящий бойкот — он перестал с ней разговаривать.

Но Диана горевала мало. По Англии вновь покатилась волна дианомании — вновь Диана была на гребне, о ней писали, о ней говорили. Дешевая популярность уже воочию стала той целью, ради которой жила Диана. Она ликовала — долгие месяцы ее имя и обсуждение интервью в «Панораме» не сходили со страниц газет.

Оскорбление было нанесено не только Чарльзу, оскорблена была сама королева Елизавета. Напомню — интервью вышло в тот вечер, когда королевская чета в тесном кругу отмечала очередную годовщину своей свадьбы. Если раньше все терпели выходки Дианы, ее затяжные романы у всех на виду, то сейчас уже стало очевидным: терпению пришел конец. И королева Елизавета решила, что брак должен быть расторгнут. И расторгнут как можно быстрее — под угрозой оказывалась вся английская система извечных ценностей. Диана устами жены наследного принца проповедовала извращенную модель поведения женщины-матери и женщины-жены. Она не просто «выносила сор из избы» — она вынесла на публику грязное семейное белье.

Елизавета, как истинная леди, о своем решении ускорить процесс развода известила письменно и Диану. Чарльз также высказал Диане свою обеспокоенность тем, что произошло, назвав интервью Дианы своей личной и общенациональной трагедией. И предложил не тянуть больше с разводом.

Но не была бы Диана стервой, чтобы не использовать и эту по сути просьбу к ней. Она прекрасно понимала, что если сейчас откажется от развода, то, согласно законам страны, Чарльзу и его матери-королеве придется ждать два долгих года для окончательного развода. И Диана неожиданно перестает интересоваться разводными делами, демонстрируя всем своим поведением, что сейчас она — главный игрок и от нее зависит все.

Королеве надоела эта игра. В феврале 1996 года она вызвала Диану к себе в Букингемский дворец. И на этой встрече Диана вдруг заявила, что не желает развода, что она… любит Чарльза.

Я не знаю, история не сохранила нам того, как королева отнеслась к этим лживым словам. Королева была истинная леди — она умела скрывать свои чувства, какими бы они ни были. Но в ответ на слова Дианы она ответила прямо: лучшее решение в данной ситуации — развод.

Королева умела говорить. И говорить так, чтобы каждый понял, насколько те или иные слова имеют силу решения. Диана поняла, что играть с королевой, как с Чарльзом, у нее не получится. А если она будет упорствовать, это может обернуться для нее большими неприятностями в будущем — в том будущем, когда она станет действительно разведенной.

И Диана решила всерьез заняться тем, чтобы как можно больше получить от развода.

Не стану описывать здесь весь процесс подготовки и согласования документов. Остановимся на главном.

Королева была против того, чтобы после развода Диана именовалась «Ее королевское высочество». Ведь после развода Диана переставала быть членом королевской семьи. Но для самой Дианы лишение этого титула грозило впоследствии немалыми, как ей казалось, унижениями. Она вынуждена была впредь приседать в реверансе не только перед королевой, но и перед бывшим мужем. Диана показала Чарльзу, что этот вопрос является для нее чуть ли не главным в будущем. Кроме этого, она опять задействовала прессу, раздавая направо и налево небольшие интервью, и Англия погрузилась в спор: должен оставаться титул за принцессой или нет. Королевские адвокаты вели неравную борьбу: Диана ясно сказала, что отзовет свое заявление о разводе, если ее требования не будут удовлетворены. Королевский дом был в тихой панике.

И тут неожиданно Диана наносит один за другим несколько ударов с той стороны, с которой никакой атаки не предвиделось. Она выставляет финансовые требования!

Первое: 17 миллионов фунтов стерлингов единовременной выплаты. Второе: ежегодная сумма в несколько сот тысяч фунтов на содержание ее штата и дома. Третье: оставить за ней апартаменты в Кенсингтонском дворце.

Теперь стало ясно, чего добивалась Диана, — остаться при деньгах. Она даже замахнулась было на получение части прибыли от деятельности ее мужа, но ее адвокатам удалось убедить Диану в чрезмерной неразумной жадности.

Чарльз решил, что пора самому вмешаться и поговорить уже

по-деловому со своей почти бывшей женой. Он увидел, что за личиной открытой и готовой к состраданию Дианы стоит алчная стерва, способная отравить жизнь и ему, и сотням других людей. А главное, Диана дала понять, что может использовать детей.

Они встретились. Вроде нормально поговорили. Что интересно, в самом конце беседы Диана не преминула вставить словечки о том, что-де она по-прежнему любит Чарльза. Воистину криводушие этой женщины не знало границ. Потому что вслед за своим «признанием в любви» Диана выдвинула жесткое требование: или все условия будут выполнены, или она не согласна на развод.

Но согласиться со всеми требованиями Дианы для королевского двора было невозможным. И тут Диана показывает, чего же хотела с самого начала: она соглашается на отказ от титула «Ее королевское высочество». Но требует безоговорочного выполнения всех остальных пунктов договора.

Во дворце соглашаются.

В июле 1996 года в суде был составлен документ. Он гласил, что брак принца Чарльза и принцессы Дианы будет считаться расторгнутым через шесть недель. Таков закон.

28 августа 1996 года Диана приехала в суд, чтобы засвидетельствовать уже факт окончательного развода. Этот момент она постаралась максимально использовать для своего собственного пиара. Знала, что будут толпы журналистов, и оделась так, чтобы выглядеть как можно скромнее, но элегантно. И не забыла одну очень существенную деталь.

Помните, как отозвалась Диана об обручальном кольце, выбор которого предложила королева? Тогда Диана назвала его безвкусным. И вот теперь она надела это кольцо на руку. И держала руку открыто так, чтобы оно сияло на виду у всех. Безусловно, папарацци заметили эту руку с обручальным кольцом. Небольшой спектакль в самом конце супружеской жизни Диане удался.

Ее последний спектакль в роли жены принца.

Диана получила все, что требовала от мужа и королевы. И 17 миллионов, и апартаменты, и 400 тысяч фунтов ежегодно дополнительно. По всем параметрам это был шикарный расклад.

В своем письме одному другу, написанному в этот же день, Диана выразила сожаление, что все так получилось. Но виноватыми во всем она сделала мужа и королевскую семью: дескать, меня не понимали. И, понимая, что эти строки достигнут ушей Чарльза и многих из королевского окружения, добавила, что хотела бы всегда оставаться лучшим другом для Чарльза, ведь никто так не понимает его, как она.

Какая нелепость! Все 15 лет брака Чарльз тщетно искал в Диане друга, но находил только истеричную ревнивую личность. И вот теперь Диана вдруг решила, что она понимает Чарльза как никто лучше. Или она не врала? Может, она действительно понимала Чарльза?

Вполне даже может быть. Да, пожалуй, понимала. И добивалась от него любви. Но только не той любви, которую муж-принц дает своей жене-принцессе. Она желала, чтобы ее любили так, как любят самцы рыбы под названием «морской черт» — чтобы растворялись в ней без остатка.

И последний штрих для этого дня. Когда личный секретарь королевы Роберт Феллоуз напомнил ей утром о предстоящем дне и выразил сожаление, что свадьба, поразившая всю Англию своей красотой, закончилась таким трагичным финалом, Диана рассмеялась в ответ. Никто не понимал, что для Дианы это не финал. Она не постеснялась признаться, что для нее просто начинается новая глава в ее жизни.

Уж замуж невтерпеж

Бесстыжая ложь, с которой Диана не уставала твердить о якобы ее истинных намерениях сохранить семью, вернуть себе Чарльза, порой приводит меня в негодование. Но здесь я уже не обвиняю Диану — что толку ставить ей это в вину, если она сама — ложь и криводушие? Мое чувство негодования направлено в сторону Чарльза и королевского двора: сколько же можно было терпеть? Сколько можно было скрывать от публики любовные романы Дианы? Да, понимаю, монархия пыталась уберечь англичан от шокирующего поведения принцессы. Но ведь было же ясно видно, что она не успокоится! Что любовник следовал за любовником, и Диана становилась все более ненасытной. Но главное, что было видно без микроскопа: Диане требовался не мужчина, как самец самке. Иначе говоря, не получилось бы у Дианы «перебеситься», насытиться физической любовью и остепениться. Диана искала мужчин, чтобы безраздельно владеть ими.

Вспомните одну из предыдущих дат — 20 ноября 1995 года. Это день, в который с экрана телевизоров Диана обрушила вал помоев на дворец. Декабрь 1995-го — в разговоре с королевой она заявляет, что любит принца и не хочет развода.

Это уже не ложь, это реальный признак раздвоения личности, шизофрении, в чем заподозрили Диану некоторые люди после этого интервью. И ведь они были правы! Потому что еще в августе 1995 года Диана начала новую охоту за мужчиной. И эта охота ни для кого из ее близкого окружения не могла оставаться секретом. Хотя бы по той причине, что Диана как никогда неистово, как самая настоящая хищница, организовала эту охоту.

Об этом мужчине мы уже рассказывали в той части, где речь шла о способностях Дианы подчинить все свои усилия своим мыслям. Этот мужчина — доктор Хаснат Хан из Пакистана. Этот роман стоит того, чтобы вы знали о нем более подробно.

Зачастую лучшими подружками Дианы становились ее целители, медиумы и прочие экстрасенсы. Они получали от Дианы деньги взамен своего внимания и были довольны такой участью. Среди этих медиумов была и Уна Шэнли-Тоффоло. Она была замужем, и вот ее мужу, которому было уже за семьдесят, сделали операцию на сердце. Неожиданно возникли осложнения. Уна была очень расстроена, поделилась с Дианой. Та решила, что проявить еще раз сострадание (а такой факт не останется незамеченным папарацци) очень даже к месту, и навестила больного.

Больной находился в Королевской больнице. Диана пришла туда, присела в палате больного, стала о чем-то разговаривать с Уной.

В это время в палату зашли доктора и ассистенты.

На одного из них Диана направила свой взгляд. Этот молодой человек в халате (Хаснату было тридцать шесть) выделялся своей уверенностью, которая была заметна не только в его движениях, но в лице и глазах. Диана толкнула Уну, и та представила ее старшему ординатору Хаснату Хану. Хаснат ответил всего лишь вежливым кивком — Диана не произвела на него ровно никакого впечатления. Он заговорил с Уной о больном, о его состоянии, спрашивал разрешения на повторную операцию. Уна, расстроившись больше прежнего, дала согласие. Когда Хаснат вышел, Диана… стала высказывать Уне свое впечатление об этом докторе: он показался ей великолепным экземпляром! Вот такое проявление сострадания…

Но Диана была и уязвлена — она заметила, что Хаснат не обратил на нее никакого внимания.

На следующий день Диана летит в больницу. Она то сидит в палате больного, то гуляет по коридорам. Наконец, момент выбран: Хаснат один заходит в лифт, Диана устремляется в кабину. Но Хаснат лишь кивком поздоровался и опустил глаза вниз.

Диана пошла в наступление: она спросила, не собирается ли мужчина в присутствии дамы постоянно рассматривать свою обувь? Хаснату ничего не оставалось делать, как поднять глаза на принцессу. Но в это время лифт остановился.

Еще восемнадцать дней — целых восемнадцать дней Диана «навещает» больного мужа Уны. И именно в это время она у себя дома яростно набрасывается на литературу о кардиологии. Она должна понравиться Хаснату! Она должна уметь свободно разговаривать с ним на темы, которые его по-настоящему волнуют.

Хаснат не был, конечно же, бесчувственным бревном — он в скором времени уже мог спокойно разговаривать с Дианой, проникся уважением к тому, насколько она для своего положения принцессы знает кардиологию. Потом Диана попросила его разрешения присутствовать при настоящей операции. Хаснат сказал, что для этого не нужно его личного разрешения: порядок таков, что присутствовать при операции может любой, кто не боится видеть кровь и разрезанное человеческое тело.

Диана решила, что не боится.

Вы сейчас ожидаете, что дальше Диана пришла, увидела и упала в обморок? О нет. Диана не падала в обморок.

Вот, казалось бы — вся Диана нацелена на завоевание Хасната, его внимания. И все в поведении и действиях должно быть подчинено этой цели. Ну, обыкновенная женщина, может быть, так и делала бы. Но это была Диана.

Она выбрала подходящую операцию — Хаснат собирался оперировать мальчишку семи лет из Африки, которого доставили в Англию по линии благотворительной организации. Потом Диана через своих людей оповещает один из телеканалов, что собирается присутствовать на операции кардиолога. Машина пиара была запущена. После операции Диана сделала ужасно участливые, «полные сострадания» глаза и сказала, что ужаснулась от вида закупоренных артерий.

Англия была в легком шоке. Дианоманы ликовали: их богиня понимает, что такое артерия и как она бывает закупорена. Когда Диану спросили, зачем ей вообще понадобилось смотреть на такую операцию, та выдала подготовленный ответ. Вы его наверняка угадаете: Диана сказала, что эта операция бедного мальчика помогла ей понять ее собственное предназначение в этой жизни. И что она, как будущая королева, должна все видеть своими глазами, чтобы иметь самое полное представление о предмете любого разговора.

Вот так вот. И рыбку Диана поймала, и ног не замочила. Ее постоянные визиты в больницу в надежде завоевать Хасната были преподнесены публике как еще одна серия из цикла «сострадание принцессы Дианы».

И Хаснат не устоял. Перед ним была Диана совсем не та, которая была замужем за принцем. Перед ним была слабая, хрупкая, беззащитная, так жаждущая поддержки и помощи женщина. Жаждущая ласки. Утешения. Любви.

Сильный мужчина всегда с симпатией относится к слабым женщинам. А Хаснат был сильный, в смысле — здоровый. Полноватый, если не толстый, нормальное такое брюшко. Очень любил Хаснат плотно поесть, покурить. Еще очень нетребователен к своему внешнему виду. Ему было главное одно: удобно и практично. Поэтому джинсы, дома — шорты, свободные рубашки. В его двухкомнатной квартире был больше бардак, чем порядок: масса книг и журналов во всех уголках, никаких излишеств.

По признаниям слуг, Хаснат стал наведываться в апартаменты принцессы практически каждую неделю. Не все слуги знали это, но остальным догадаться было нетрудно. Впрочем, с этим своим любовником Диана не особенно и таилась — машина развода ведь уже была давно запущена, адвокаты делали свое дело — почему бы и не провести свое время с пользой? Тем более в отношении Хасната у Дианы были далеко

идущие планы.

Диана побывала и в квартире своего любовника. Ее ничуть не смутило холостяцкое жилье Хасната. Она даже мыла пол, пыталась включить пылесос и прибраться. А однажды гордо заявила своей подруге (тоже из медиумов), что приготовила для своего любовника спагетти — сунула в микроволновку готовый набор для разогрева.

Вся Диана была подчинена своей новой цели — завладеть Хаснатом. Она летит в Пакистан, там встречается с семьей любовника. Она меняет свои наряды. Заменен репертуар музыки в домашней коллекции — в доме звучат восточные мелодии.

Тот факт, что сам Хаснат принадлежал к людям ислама, а она была христианкой, ничуть не останавливал Диану. Наоборот — это только разогревало ее кровь. Вспомним: Диана увлекалась эзотерикой, астрологией, всей прочей псевдонаучной ерундой. Ислам для нее был непонятен и таинственен. И потому она с рвением окунулась в его изучение. Она стала искать знакомых среди выходцев из Пакистана, чтобы подружиться с ними. И нашла. Это был Имран Хан, очень влиятельная фигура в своей стране. На его деньги, кстати, был построен онкологический центр в Пакистане. Диана принимала участие в его открытии. Приехав в 1996 году в Пакистан, она остановилась именно у Имрана Хана. И это было расценено в Англии и Пакистане уже как весьма неприятное событие. Дело в том, что Имран решил создать свою партию в борьбе за власть в Пакистане. И тот факт, что принцесса Диана не приняла приглашения Беназир Бхутто, действующего премьер-министра Пакистана, остановиться у нее, а проводила время в кругу Имрана Хана, не на шутку встревожил политиков обеих стран. Диана не понимала, что своим вольным поведением вмешивается в серьезную политику, что ее, по сути, используют в политической игре как фигуру на шахматной доске.

Когда отношения Дианы и Хасната дошли до определенной точки, Диана решила, что пора выходить за него замуж. Но при этом так, чтобы он не знал. Вы улыбаетесь, но это факт! Диана дала задание своему близкому другу, дворецкому Полу Баррелу, выяснить, можно ли заключить брачный союз между протестанткой и исповедующим ислам быстрым и тайным образом. Ответ для Дианы был неутешительным: такой брак нельзя было совершить без ведома властей. Диана пришла в бешенство. Она потребовала найти кого-нибудь, кто смог бы каким-то образом сделать ее и Хасната мужем и женой тайно и быстро. Насколько тайно, последовал вопрос. Настолько, чтобы даже Хаснат не знал об этом…

Но, говорил Христос, нет того тайного, что не стало бы

явным. Спустя очень короткое время Хаснат обо всем узнал. Всегда спокойный, излучающий добро и уравновешенность, Хаснат крайне возмутился. Он не понимал, как она, такая хрупкая, такая утонченная, такая нежная, могла так беспардонно с ним поступить? Как она могла строить такие планы, не спрашивая, не советуясь с ним?

Но чего тут греха таить, Диана очень быстро успокоила Хасната — как опытная в любовных утехах женщина умеет успокаивать мужчин.

Диана не была слепой и видела, что в жизни Хасната есть то, что занимает пока куда больше места в его сердце и голове, чем она сама, — его дело. Хаснат был настоящим хирургом, он был предан своей работе в самом глубоком понимании этого слова. Диана поняла, что ей пора встать на это место.

В общем, история начала повторяться. Помните сержанта и капитана? Вначале постель, вначале «я твоя навеки», а затем: «ты — мой». Весь и до конца. И Диана понемногу начинает прибирать к себе Хасната. Развод с Чарльзом уже был очевиден. Шел октябрь 1996 года — в это время Диана готовила свое скандальное интервью на «Панораме». И одновременно готовила себе место потеплее. Она встретилась на приеме с одним известнейшим южноафриканским доктором, кардиологом, Кристианом Барнардом. И тут же попросила его найти для Хасната Хана место работы в одной из клиник Южно-Африканской Республики. Кристиан был огорошен. Безусловно, он знал Хасната как одного из перспективнейших молодых кардиологов. Безусловно, заиметь такого врача его стране — это удача. Но чего вдруг Хаснат поедет в Африку, если его все ждут не дождутся на родине? А Диана объяснила все очень просто. Она без ума от Хасната, хочет с ним жить и родить пару-вторую девочек.

Барнард, который был, конечно, в курсе личных дел принцессы и знал о предстоящем разводе, принял все как уже согласованный план Хасната и Дианы. И стал действительно хлопотать в поисках подходящего места. Он несколько раз прилетал в Англию именно по этим вопросам. И однажды он без ведома принцессы встретился с самим Хаснатом.

Хаснат был не то чтобы смущен — он был растерян. Мужчина, взрослый и самостоятельный, вдруг понял, что с ним поступают, как с личной собственностью. Но он не показал вида, разговаривал с Барнардом так, чтобы тот понял только его колебания в отношении переезда в ЮАР.

Между тем пресса уже подняла новую волну — в ней оказался и Хаснат. Поскольку он был крайне не публичный человек, его это очень расстраивало. До такой степени, что он вынужден был

отказаться от поездки в Австралию, в Сидней, где открывался кардиологический центр имени его учителя и наставника Виктора Чанга. Ведь Диана заявила о своем непременном участии в открытии этого центра и благотворительном обеде по сбору средств для него. Поехать вместе с Дианой означало для Хасната попасть под прицел вездесущих СМИ. Я уже писал, что Диана в Сиднее блестяще сыграла свою роль сострадательной поп-дивы: австралийцы пожертвовали огромную сумму. И принцесса с восторгом демонстрировала потом этот факт перед своим любовником, подчеркивая: это все ради тебя…

Но Хаснат начал чувствовать, что объятия Дианы становятся для него объятиями удава — с каждым днем кольца стягивались, Диана буквально по кусочку отрезала у него его свободу. Меньше внимания всем — больше внимания ей. И даже семья Хасната стала предметом ревности Дианы. Если Хаснат, оставаясь с ней наедине, вдруг принимал звонок с родины и разговаривал больше нескольких минут, Диана просто оглушительно включала музыку и принималась танцевать восточные танцы перед ним.

Несколько раз Диана пыталась подарить Хаснату мобильный телефон, чтобы быть с ним всегда на связи, однако кардиолог вежливо, но твердо отказывался. Пейджер, который был у Хасната и по которому можно было передать ему сообщение, когда он был занят в больнице, Диане не нравился. В скором времени вся больница испытала на себе стремление Дианы к полному контролю над своим возлюбленным. Вдруг раздавался звонок непонятно откуда, какой-то врач то из Германии, то из Франции просил срочно передать доктору Хаснату Хану, чтобы тот с ним непременно связался, поскольку он через самое короткое время улетает. Неизвестный «доктор» не оставлял своих контактов — Хаснат понимал, и все в больнице понимали, кто прячется за этими звонками. Это было нелепо, по-детски глупо. Это могло бы веселить своей непосредственностью, если бы было раз или два. Но не два-три раза в неделю. И постоянно.

Хаснат уставал от этого напора. Он реально стал задыхаться. Он понял, что он потеряет, если их встречи будут продолжаться, — свободу. И он тем более понимал, что его ожидает, если Диана станет его женой: Хаснат терял себя, свою самую настоящую любовь — кардиологию, работу. Невозможно было остаться врачом, всегда находясь под давлением двух, не знающих силы своего давления, машин. С одной стороны — Диана, с ее требованием полного растворения своих интересов в ней. С другой стороны — пресса и телевидение, которые начали бы за ним настоящую охоту, когда самая незначительная операция становилась бы объектом пристального внимания.

И Хаснат робко предложил Диане расстаться. Намекнул. Сказал, что его кардиология для него дороже всего на свете. Диана горячо убеждала Хасната, что и для нее его работа — святое занятие. А сама тем временем лихорадочно искала новые пути наступления. И в мае 1997 года она решает лететь в Пакистан, к семье Хасната, говорить с его родственниками прямо и добиваться определенного ответа. В общем, Диана решила лететь сватать Хасната за себя. Больше всего она рассчитывала на то, что ей удастся покорить сердце матери Хасната.

Опять за помощью она обращается к Имрану Хану — у того есть свой самолет. Кроме этого, жена Имрана Хана — подруга Дианы, Джемайма Голдсмит, англичанка. Диана решает, что сопровождать ее в поездке в Пакистан должна именно Джемайма.

Нужно сказать несколько слов о самой Джемайме и ее браке с Имраном. Выйдя замуж за мусульманина, Джемайма, попав на его родину, мгновенно ощутила перемену отношений мужа к ней. Изменилось все: правила, нормы поведения. Она, как демократичная англичанка, с ужасом вдруг увидела, что должна подчиняться законам ислама, среди которых была и обязанность следовать на улице не рядом с мужем, а в шаге за ним. Брак стал настоящим испытанием для Джемаймы. И в ее семье понимали, что ничего хорошего из увлечения Востоком не получится. В итоге так и вышло — Джемайма ушла от мужа в 2004 году. Эта картина жизни Джемаймы и Имрана должна была бы насторожить Диану, она должна бы подумать над тем, что ее, в принципе, ожидают те же условия. Тем более что семья Хасната — из рода пуштунов, а там с особым почтением относятся к традициям и нормам ислама. Но наверняка Диана полагала, что она сможет перевернуть исламский мир. Ей же удалось наделать много шума в королевском дворе. Опыт есть — можно испробовать свои силы в попытках преобразить ислам. Во всяком случае, Диана не высказывала ни тени беспокойства своим возможным будущим, если она станет женой Хасната. Наоборот, она жаждала этого будущего. Впрочем, если мы приглядимся, то увидим, что Диана не собиралась жить в Пакистане: она подыскивала место для Хасната то в ЮАР, то в Сиднее.

Итак, Диана говорит Джемайме, что ждет от нее услуги в сопровождении ее в Пакистан. Но в это время отец Джемаймы находится в больнице в самом критическом состоянии. Она не может лететь. Но это же Диана… Она настаивает, она требует, она обижается и угрожает. В конце концов, родственники Джемаймы отпускают ее, но ставят условие: в любой момент самолет Имрана должен быть готов в обратный путь. Диана машет рукой: конечно.

Диана вылетает в Пакистан, в Лахор. Там она находит двух сестер Хасната, и на машине все едут в городок, на их родину. Были предприняты все меры к тому, чтобы приезд принцессы остался незамеченным для прессы.

Встреча состоялась. На ней присутствовали не только родители Хасната, но и все его ближайшие родственники — более десяти человек. И тут-то Диана поняла, что и восточный наряд на ней, и показное преклонение перед нормами и традициями ислама, и ее знание восточной культуры оказались совершенно бесполезны. Во время встречи говорили о многом, говорили много. Но и отец Хасната, и его мать, которые направляли беседу в нужное русло, всячески избегали разговора на тему возможного союза Хасната и Дианы.

Диана была уязвлена и растеряна. Она ничего не получила от этой встречи. Втайне она надеялась, что произвела самое приятное впечатление на мать Хасната — на это она рассчитывала больше всего. И что спустя несколько часов мать будет говорить с Хаснатом о ней как о возможной невесте…

Но весь юмор этой встречи был в том, что она была бесполезна с самого начала. Родители Хасната сами искали ему невесту. И поскольку они были пуштуны, то твердо придерживались своих правил: невеста Хасната должна быть равная жениху по социальному и материальному статусу. И непременно — правоверная мусульманка. И непременно из Пакистана.

Но, думаю, если бы Диана и знала об этих требованиях родителей Хасната, это ничуть бы ее не остановило…

Диана раздумывает над своими дальнейшими планами, все глубже и глубже затаскивая Хасната в сеть своего внимания. Кто знает, когда бы наступил разрыв и как бы он наступил, если бы не пресса.

Я уже писал о том, что на Диане многие стали зарабатывать, как на уличной девке. Помните ту самую женщину-медиума, Симону, с которой Диана решила рассчитаться не деньгами, а подержанным проигрывателем? Много воды утекло с тех пор, Симона как будто и забыла о том унизительном положении, и даже числилась среди подруг принцессы. А своим подругам Диана рассказывала очень многое.

И вот в прессе появляется скандальный материал — это происходит через месяц после поездки Дианы в Пакистан, в конце июня. В этом материале сообщается о том, что Диана встретилась с родственниками Хасната, встреча была очень теплой и домашней. А после этой встречи Диана и Хаснат в неизвестном месте тайно обручились.

Диана неистовствовала. Заплатив автору статьи нужную сумму, она узнала, что информация о ее поездке в Пакистан стала известна благодаря той самой Симоне. И что Симона получила кругленькую сумму в двадцать тысяч фунтов. Диана гневно выбросила очередной телефон, в котором был записан номер Симоны.

Но что бы ни делала после этой публикации Диана, публикация уже сделала свое дело: Хаснат понял, что значит для него быть рядом с принцессой. Ему, даже как кардиохирургу, нужна была максимально спокойная обстановка вокруг себя и своего имени. Извините, идти на операцию после таких вот грязных публикаций разве возможно? Но и как человеку, увлеченному наукой и медициной, становиться публичной личностью? Это означало бы поставить крест на своем занятии. Хаснат все больше понимал, что его роль как мужа Дианы сведется в конечном счете к роли спутника принцессы в ее бесконечных поездках по странам, участии в различного рода благотворительных мероприятиях. Он должен был бы стать тенью Дианы днем и верным рабом-невольником ночью.

Проходит месяц после публикации той статьи о якобы свершившемся обручении. Хаснат решается на неприятный для него, но последний и решительный разговор. Он требует от Дианы расставания. Он требует полного расставания: так, чтобы Диана забыла о его существовании и оставила в покое.

Диана сама поняла, что ей не удержать этого мягкого внешне, но твердого и решительного внутри мужчину. Она поняла, что ее преследование кардиолога против его воли может обернуться для нее пятном на репутации — Хаснат прямо сказал, что он вынужден будет защищаться, если Диана вздумает удерживать его силой.

И Диана сдалась. Она оставила Хасната в покое.

Но дорогие мои читатели! Не нужно только думать, что в голове Дианы щелкнуло какое-то там благоразумие или она прониклась искренним уважением к желанию Хасната посвятить себя медицине. Все гораздо проще — на горизонте замаячила новая фигура. Заманчивая и привлекательная для Дианы. Мало того, она уже прощупала, что называется, почву и нашла ее весьма устойчивой для своих дальнейших приключений.

Этой фигурой был восточный мужчина. Этой фигурой был Доди аль-Файед.

Следите за цифрами: разрыв отношений Дианы и Хасната происходит в самом конце июля 1997 года. А еще 11 июля 1997 года Диана отправляется с детьми в имение Сен-Тропе по приглашению его владельца, миллиардера аль-Файеда. И там

Диана знакомится с сыном аль-Файеда, Доди.

Мгновенная оценка изменившейся обстановки — и вот уже Хаснат получает вожделенную свободу. Ему найдена замена.

Последняя страсть. От принца к наркоману

Эта последняя страница в жизни Дианы, поэтому стоит рассказать об участниках этой драмы более детально.

Мохаммед аль-Файед — один из известнейших людей в Англии в 80–90-е годы минувшего столетия. Сам он родом из Египта, сын простого учителя. Начальный капитал появился у него после женитьбы. После развода с женой, умело использовав полученные дивиденды, стал активно заниматься вложением денег в выгодные проекты. И вскоре преуспел. Уже в 1971 году у него был собственный «Роллс-Ройс» с шофером. Он перебрался в Лондон, где приобрел себе апартаменты. Купил также замок, виллу в Сен-Тропе. А позже самой обсуждаемой новостью в финансовых кругах стала покупка им известнейшего отеля в Париже «Ритц». Немного позже весь Лондон обсуждал еще одно приобретение аль-Файеда — он купил самый известный в Лондоне универмаг «Харродс». Финансовые дела его шли как нельзя лучше. И это не осталось незамеченным в мире богатых людей. Сам султан Брунея, один из богатейших людей планеты, приглашает к себе аль-Файеда в роли финансового советника: сколько и во что вложить, где купить, что продать.

Богатство всегда дает власть и влияние. Это было в избытке у аль-Файеда. А также новые знакомства с сильными мира сего. К 80-м годам у Мохаммеда аль-Файеда была устойчивая финансовая империя, несмотря на то что вокруг нее не один раз вспыхивали разные скандалы, связанные с нечестной игрой, коррупцией, закулисными играми влиятельных людей. Секрет этой устойчивости был в большей степени в том, что среди влиятельных друзей аль-Файеда были и такие крупные политические фигуры, как отец принцессы Дианы граф Спенсер и его вторая жена Рейн.

Граф Спенсер не прочь был, например, отдохнуть в отеле «Ритц» с неплохой для него скидкой. Рейн была частой и уже уважаемой, особой гостьей в универмаге «Харродс», а вскоре вообще становится управляющим филиала универмага. С легкой руки графа Спенсера среди друзей аль-Файеда появляются новые и новые аристократы. Аль-Файед умел привлечь новых друзей обслуживанием и скидками в своем универмаге, всегда у него был для своих друзей забронирован номер в известнейшем французском отеле. Что тут говорить — всегда выигрывает тот, кто играет на слабостях людей.

Диана не единожды встречалась с самим аль-Файедом. Как ловкий и искушенный в людских пристрастиях, аль-Файед, например, всегда посещал матчи водного поло, где играл принц Чарльз. Там он и встречался с Дианой. После смерти отца, графа Спенсера, Диана все чаще начала самостоятельно наведываться в универмаг «Харродс», где ей уделялось особое внимание со стороны самого аль-Файеда. В начале 90-х годов отношения миллиардера и принцессы Дианы можно было оценить как очень дружеские.

Сам аль-Файед любил в разговорах вспомнить о том, что ему якобы сам граф Спенсер поручил в случае его смерти проявить заботу о дочерях и сыне. Но лично мне кажется, что у хитрого миллиардера были свои планы относительно Дианы. Он был прекрасно осведомлен обо всех перипетиях семейной жизни Чарльза и Дианы. И как истинный финансовый хищник, выжидал своего часа, ловко готовя сеть. Будем помнить о том, что самое надежное прикрытие финансового успеха — политическое. Таким образом, у миллиардера были все основания рассчитывать на дружбу с королевским двором. Граф Спенсер умер, ему нужно было найти замену. И аль-Файед расчетливо остановил свой выбор на Диане.

После развода Диана становится практически завсегдатаем универмага, где ее всегда ждал аль-Файед, готовый предложить чай, дружескую беседу. Еще и раньше этот египтянин предлагал Диане различного типа развлечения за свой счет: то погостить у него в замке, то слетать на курорт, но Диана отказывалась — у нее в то время были другие мужчины, да и сам аль-Файед не очень-то в силу своего возраста привлекал ее как мужчина.

В июне 1997 года миллиардер решает действовать более решительно — он прекрасно знает о том, что последний роман Дианы и кардиохирурга из Пакистана Хасната зашел в тупик и вот-вот закончится ничем. Нельзя было медлить, пока Диана не высмотрела себе другого самца. Аль-Файед предлагает Диане и ее детям шикарный отдых на вилле в Сен-Тропе.

Это предложение миллиардера слышали другие. И Диане тут же посоветовали: не принимать предложения. Все вокруг прекрасно понимали истинные цели аль-Файеда, понимали, что, став гостьей этого богатого египтянина с не самой лучшей репутацией в Лондоне, Диана рискует омрачить и свою собственную репутацию. Но с другой стороны, рассуждала сама Диана, чем плохо отдохнуть с детьми в чудном месте: прекрасное море, пляжи, отсутствие лишних глаз…

Да, кстати, лишние глаза аль-Файед очень не любил. Его дом в Лондоне охранялся ничуть не хуже секретного государственного

учреждения. Все, что происходило в доме, было тщательно скрыто от любых случайных свидетелей. А против неслучайных, если таковые находились, всегда стоял на страже отряд из тридцати специалистов своего дела. В этом отряде были бывшие военные полицейские, бывшие парашютисты-десантники из полка особого назначения. Сам аль-Файед требовал от своего окружения — будь то слуги, охрана или жена, родственники — беспрекословного подчинения в своем доме. Ничто не должно было обсуждаться. И никогда. Его слово было законом, даже если оно было глупостью для профессионалов, скажем, для тех же охранников.

Закрытость от общества всегда рождает в этом обществе домыслы и предположения. В принципе, люди правы: если ты прячешь, значит, у тебя есть что прятать. Значит, не все так чисто.

Именно поэтому чересчур близкие отношения с этим миллиардером в Англии такой женщины, как мать наследника престола, могли быть истолкованы только отрицательно. Повторюсь: все понимали, чего в действительности хочет аль-Файед от принцессы.

Вы пока не догадываетесь? Минутку терпения.

Да, Диана приняла предложение аль-Файеда. Понимала ли она, что делает? Уверен — понимала. И не только понимала, но сознательно шла на это. Ведь роман с Хаснатом был близок к развязке. А она, вспомните, так привыкла к мужчинам…

В середине июля 1997 года Диана с детьми сначала на вертолете прямо из универмага улетает в аэропорт, оттуда на личном самолете миллиардера — в Сен-Тропе.

Для Дианы и ее сыновей было уже все приготовлено. Для них — отдельный бассейн. Хотите покататься по морю — вот вам в ваше распоряжение катер с капитаном, вот настоящий парусник. Хотите более шикарного и легкого плавания? Тогда для вас яхта. Каких-то шестьдесят метров длины…

Пока Диана и ее сыновья приходили в себя от поразивших их роскошеств, аль-Файед звонит своему старшему сыну Эмаду в Париж. И требует от него немедленно лететь в Сен-Тропе.

Ну вот, теперь и вам стала понятна вся игра аль-Файеда: все, что он делал, преследовало одну-единственную цель: он непременно хотел свести вместе Диану и своего старшего сына, которого в обществе звали просто Доди. Именно об этом и думали друзья Дианы, когда услышали о приглашении в Сен-Тропе. Для всех было ясным, как божий день, что туда непременно прибудет Доди. Думаю, об этом знала и Диана. А что Доди? Мужчина средних лет. Вполне себе нормальной внешности. Известен как мужчина-затейник, сменивший немало женщин на своем пути. Был женат. Неудачно. О нем еще говорили как о

кинопродюсере, впрочем, не особенно успешном. Чем плохая пара для скучающей Дианы?

Но это далеко не все о Доди.

Ему было сорок два года, а он вел самый что ни на есть паразитический образ жизни. Он жил на деньги отца, не скрывал этого и не тяготился этим. Это устраивало и самого аль-Файеда — он не желал, чтобы сын выходил из его тени. Он не мог допустить, чтобы сын хоть в чем-то превзошел отца. Поэтому Доди ничем не занимался — он просто прогуливал свою жизнь. У него действительно была масса романов, в его «послужном списке» были известные поп-звезды и топ-модели.

Но при этом Доди был известен своими нервными вспышками, импульсивностью, резкостью в ситуациях, которые требовали больше рассудительности, чем обычно. И это еще не все. Доди в последние годы подружился с кокаином. Наркотик вошел в жизнь безвольного сына миллиардера блеском фантастических видений, и без них Доди уже не мог.

Многие сходятся на том, что аль-Файед решил: если уж дальше ничего не выгорит, так хотя бы вылечить сына. Он решил предложить Доди наркотик в королевской упаковке — саму принцессу Диану, мать наследного принца. Тут от одного имени, которое было на устах всех англичан, голова закружится. А уж какие фантастические картинки возникнут в голове, если только предположить… только предположить, что эта женщина окажется в твоей постели?

Но Доди принял приказ отца с некоторым замешательством. Дело в том, что в это время у него была женщина — американская топ-модель Келли Фишер. И с ней у него дела шли как будто даже в более-менее серьезном русле. Во всяком случае, со стороны Келли на Доди были свои планы. Поэтому, когда ее возлюбленный сообщил ей о приказе отца немедленно вылетать в Сен-Тропе, Келли ставит ему условие: она полетит вместе с ним. Полетела. Доди не мог ничего поделать.

Но Келли нельзя было показывать Диане. Поэтому между Доди и Келли существовал своеобразный договор: женщина прячется от лишних глаз на двухмачтовом судне, куда после заката солнца будет прибывать Доди. А днем… Что ж, если отец требует от сына развлекать скучающую принцессу Диану — так тому и быть.

В общем, Доди не прогадал. Диана понравилась ему, тут врать не нужно. Тридцатишестилетняя женщина, имеющая прекрасные формы тела, привлекательное лицо, на котором жаждущим блеском предательски блестели глаза — разве может быть день с такой женщиной скучным? А погасить свою фантазию

и насытить страсть — была «ночная Келли».

Доди по-настоящему увлекся Дианой. У него был богатейший опыт в ухаживаниях за женщинами, и он не преминул им воспользоваться. Он знал одно золотое правило мужчин: уметь слушать, когда это надо. А Диана в первые дни с Доди буквально страдала словоизвержением, она рассказывала и рассказывала: о себе, своей жизни, о поездках в разные страны.

Второе правило, которое использовал Доди: дети. Если женщина, за которой вы ухаживаете, мать, значит, вам необходимо понравиться ее детям. Для сыновей Дианы Доди придумывал всевозможные забавы, не скупясь на деньги.

Стоит заметить, что Диана впервые встретила мужчину, полностью свободного от кого— или чего-либо. Если до этого ее любовники или были женаты и имели детей, или (как Хаснат) были влюблены в свое занятие, то Доди был птицей ну совершенно свободного полета. Его ничто и нигде не могло держать. Ах да, Келли… Ничего, после Сен-Тропе она получила полную отставку.

В общем, когда время отдыха принцессы Дианы и ее детей подошло к концу, Диана знала, что Доди уже вошел в ее жизнь. Ей был нужен именно такой мужчина: Доди видел в ней принцессу. Он преклонялся перед ней.

Этого не было раньше. Хаснат, как я уже говорил, видел в ней слабую, робкую женщину. Капитан Хьюитт — горячую партнершу в сексе. Кто-то усматривал в ней свой небольшой, но почетный трофей.

А вот Доди буквально стелился у ее ног. Он был готов на все и сразу.

Именно такой любовник был нужен Диане. Этого не было надобности приручать или переделывать — он уже был тем, кем должен быть.

Диана улетала из Сен-Тропе с грустью, но она дала понять Доди, что ничего не закончилось, что все только начинается. И он понял ее. Утром, после первой же ночи в своих апартаментах, Диана получает с почтой подарки: множество роз, фрукты. Золотые часики стоимостью под 10 тысяч фунтов.

Такие подарки насторожили ее друзей, когда она о них рассказала. Это было очень похоже на то, что Диану просто покупают. Женщина-аристократка должна была понимать, что, приняв эти дары, она должна будет заплатить за них — это были всем понятные правила игры.

Но Диане нравилось это! Она после развода с Чарльзом вдруг поняла, как это здорово: жить в роскоши, ни о чем не заботясь, получая удовольствие от каждого дня!

А Доди умел удивлять и удивлял. Через день он позвонил Диане и пригласил ее на ужин. Диана охотно согласилась и спросила, в каком ресторане это будет. На что Доди, как ни в чем не бывало, ответил, что это будет в Париже, ресторан он еще не выбрал…

О, именно такого ухаживания жаждала Диана.

На следующий день она и Доди тайно вылетают из Лондона. Конечно же, они останавливаются в отеле «Ритц» — этот отель ведь принадлежит отцу Доди, аль-Файеду. Диана наслаждается изысками имперского номера. Вряд ли она знает, что сутки пребывания в нем для любого другого человека стоят около шести тысяч фунтов стерлингов.

Этот день был сумасшедшим по количеству впечатлений. Музеи, исторические места, катание на катере по ночной Сене. Наконец, апартаменты Доди, из окон которых были видны Елисейские Поля.

Такая жизнь нравилась Диане.

И когда несколько дней спустя Доди опять предлагает Диане вместе отдохнуть, она ни на минуту не задумывается. И вот уже небольшой круиз по Средиземному морю. Конечно, на яхте аль-Файеда. Здесь Диане служили все: от Доди и капитана до матроса и кока. Принцесса была окружена поистине царским вниманием, словно не женщина была на яхте, а самая настоящая богиня. Только этого хватило бы Диане, чтобы назвать этот круиз настоящим раем. Но какой же рай без бриллиантов? И вот уже Диана получает настоящий бриллиантовый браслет.

А потом начинается самая настоящая сказка: яхта останавливается в бухте княжества Монако. Доди и Диана сходят на берег и целый день бродят по многочисленным ювелирным лавкам и магазинчикам. Диана выбирает — Доди платит. Еще, еще, еще…

За такие райские дни должны же быть не менее райскими и ночи, правда? Все было. Была сказка для буквально обезумевшей от вседозволенности и собственного величия принцессы.

А в это время где-то совсем недалеко за этой эйфорией Дианы внимательно наблюдал отец Доди — Мохаммед аль-Файед. Все, что тратилось сейчас, — тратилось из его кармана. Более того, все, что происходило, происходило по его сценарию. Диана жила в раю, была уверена, что этот рай создали исключительно для нее в силу того, что ее обожают. Она так и не поняла, что стала опять фигурой на шахматной доске. Причем на этот раз игра началась очень серьезная. Ставки для аль-Файеда были очень высоки. Вспомним — он сын простого учителя. Да, у него есть деньги. Много денег. Он влиятелен. Но у него не было

того, что делало бы его полностью самодостаточным в своих собственных глазах: у него не было титула. Он не был аристократом. И этот факт тяжелее всего выносил аль-Файед. Он чувствовал то легкое пренебрежение, с которым к нему относились в высшем свете. Поэтому сближение его сына с матерью наследного принца, с принцессой Дианой, было чрезвычайно важно для его воспаленного самолюбия.

Диана, закрутив страстный роман с Доди, понимала, что ее выбор на этот раз не будет одобрен английским обществом. Во всяком случае, не всеми. И поэтому она решила, что чем хуже — тем лучше. Пусть в прессу просачиваются не робкие слухи — пусть однажды мир взорвет сенсационная фотография, откровенная, такая, чтобы у одних вызвать шок, у других сострадание, у третьих — зависть.

Да, зависть. Пусть Диана и отпустила свою прежнюю любовь — Хасната, она не простила ему того, что он предпочел свою работу ей. Диана была преисполнена желания хоть как-то наказать неуступчивого кардиохирурга, уязвить его, заставить сожалеть о своем решении расстаться. Доди, как казалось Диане, этот «мальчик из Голливуда», восточный мачо, подходил, ей казалось, как нельзя лучше.

Диана знала, что все время находится под прицелом папарацци. Она выбрала для своей цели место, приглядев там и возможность для папарацци спрятаться на таком расстоянии, чтобы они со своими длиннофокусными телеобъективами смогли сделать снимки нужного ей ракурса.

Потом был выбран день. Ничего не подозревающий Доди получил возможность несколько часов наслаждаться наедине обществом принцессы — дети были заняты в другом месте новой игрой.

На пляже оставались только Доди и Диана. Диана надела ярко-красный купальник, весьма откровенный — она знала, насколько фотогенично ее тело и лицо.

В какой-то момент она приблизилась к Доди, обняла его за шею. Потом ее руки стали ласкать грудь загорелого самца, скользнули ниже. Она подняла свое лицо навстречу Доди…

Папарацци, засевшие в кустах неподалеку, были вне себя от счастья: такие снимки обещали им неслыханные деньги.

Уже на следующий день практически все крупные СМИ, а за ними и газеты победнее напечатали эти фотографии. Вернее, одну, которая больше всех была наполнена скрытой томной страстью. Она получила очень краткое, но ясное название: «Поцелуй».

Факт нового романа Дианы с сыном египетского

миллиардера с не самой чистой репутацией в обществе стал известен всему миру. И этот мир, вернее, та его часть, которая живо интересовалась жизнью принцессы, раскололась на две части. Одни с негодованием комментировали откровенно эротический снимок, увидев в нем пошлый вызов обществу, скатывание Дианы по наклонной в ту пропасть, из которой не будет больше выхода. Они настаивали на том, что наконец-то Диана открыла свою истинную сущность: женщина, жаждущая великолепия, славы и мужских ласк, пустышка по натуре, способная забыть о своем собственном происхождении, о титулах, о своих детях из-за блеска золота и бриллиантов, из-за развлечений и богатства.

Другие же попытались робко защищать своего кумира: мол, а что такого произошло? Диана — женщина свободного демократического общества, она имеет полное право на личную жизнь. Тем более она сейчас — свободная, она в разводе. А Доди аль-Файед — такой же член общества, как и сама Диана, как любой из нас. Подумаешь, говорят о нем разное. Пусть говорят. Обо всех нас говорят разное. Главное: в демократическом обществе, свободном от расовых, религиозных и всяких прочих предрассудков, каждый имеет право на свою личную жизнь по его усмотрению.

Вот, и демократия пригодилась…

Но для самой Дианы все разговоры вокруг нее, какие бы они ни были, были важны только в том ракурсе, что они вообще были. О ней говорили — и это было главным. А еще Диана внимательно следила за реакцией Хасната. Не будем забывать о ее возможностях заводить дружеские знакомства со слугами и обслуживающим персоналом. В отношениях с Хаснатом у Дианы также были «глаза и уши» в его больнице. Диана ждала, что ей расскажут о горьком сожалении Хасната, о вспышке настоящей ревности.

Но она ошиблась. Ее неумение видеть в людях их настоящее, а не показное, наносное сказалось и на этот раз. И на этот раз она переоценила саму себя в глазах другого мужчины.

Да, Хаснат среагировал, когда увидел на первой странице таблоидов этот откровенно-пошловатый «Поцелуй».

Как у настоящего мужчины, как просто у человека чести, этот снимок вызвал у него совершенно адекватную реакцию: Хаснат испытал отвращение.

Диана окончательно пала в его глазах.

Мы то, что о нас пишут. Диана и папарацци

Две тысячи фунтов всего за одну фотографию принцессы Дианы, снятой в тот момент, когда она выходит из магазина, столько получал фотограф-счастливчик.

Десять тысяч фунтов получал тот охотник, который предоставлял снимок принцессы в купальнике.

Теперь сами попробуйте угадать, сколько могли получить два папарацци, снявшие тот самый «Поцелуй», который к тому же был ими продан во все ведущие медиаагентства.

Диана стала той, на ком делали деньги как охотники-одиночки, как крупные профессионалы, так и целые издательские дома.

Но почему так получилось? Каким образом Диана стала той, на ком зарабатывали?

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Наиболее важным было то, что Англия перед свадьбой Дианы пережила сильнейший экономический кризис. Люди устали от скучных и неприятных новостей. Людям хотелось видеть что-то светлое и прекрасное, видеть счастливый конец в этой рутине. Англия напоминала унылое болото, серое и тихое. Без красок и без пения птиц. Все, что могло растормошить общество, тут же попадало на страницы газет. Ведь они тоже испытывали кризис: падали тиражи, уменьшалась прибыль, многие издания испытывали серьезные финансовые затруднения.

Уже поэтому свадьба Дианы и принца Чарльза стала не просто событием, а событием долгожданным, как Новый год для маленьких детей.

Англия наконец-то увидела праздник, и центром этого праздника стала принцесса Диана: красивая, обаятельная, с открытым счастливым лицом, излучающим тепло и любовь.

Пресса любила принцессу Диану. Эта женщина была на редкость фотогенична. Кроме того, Диана, что называется, чувствовала камеру и свет: она умела так повернуть лицо, изменить осанку, что всегда попадала в самый лучший ракурс. Кстати сказать, это качество бывает как врожденным, так и приобретенным: звезды кино, например, этому учатся долго и упорно, топ-моделям преподают многочисленные утомительные уроки: как стать, как повернуть голову, где должен быть падающий свет, и так далее.

А вот Диана имела врожденное умение показывать себя

публике. Исключительное.

Она сама очень скоро заметила это, еще в юности. Ведь ее отец, граф Спенсер, немало своего времени посвятил фотографированию детей, в его доме была богатейшая коллекция фотографий.

Когда я раньше говорил, что Диана не читала газет, сказал не все. Вернее, я имел в виду, что Диана никогда не интересовалась главными политическими и экономическими новостями. А вот что касается светской хроники, всяких сплетен и скандальных историй — это было для Дианы самым ожидаемым и увлекательным чтением. Она следила за этой колонкой во всех крупных газетах еще со времени своей юности и отчаянно мечтала о том времени, когда станут писать о ней. И не в какой-то там колонке, а на главной странице.

И еще кое-что поняла Диана в то время из той колонки. Когда-то один видный английский политик (не в имени сейчас дело) сказал, что человек в современном информационном обществе всего лишь то, что о нем пишут в газетах. Эта мысль прочно засела в голове молодой девушки: неважно, кто ты есть на самом деле для себя и твоих близких. Важно, как тебя подают в прессе.

Вы уже поняли, что Диана никогда не мечтала о чем-то беспредметно. Если она ставила перед собой цель — она шла к этой цели с напористостью и быстротой легкого танка, сминая на своем пути все препятствия, давя своих и чужих. Так было и с мечтой о колонке светской хроники.

Первое, что сделала Диана, — сама шагнула навстречу репортерам.

Англия — демократичная страна. Настолько демократичная, что понимание частной жизни имеет довольно условную границу. Скажем, если вы сняли кого-то в его постели, проникнув незаконно в квартиру, это — грубейшее нарушение закона и вам грозят неприятности. Но если вы сняли встающую с постели принцессу Диану через раскрытое окно, забравшись на дерево, которое стоит не в саду дома, а на улице, вы ничего незаконного не сделали. Вы же не виноваты, что принцесса имеет привычку раскрывать настежь окно и стоять у него несколько секунд в самой непринужденной позе и в достаточно интимном белье.

Таких охотников-репортеров хотя и побаивались, уважали мало. Они имели свое собственное негласное сообщество, в котором делили сферы интересов, где действовали свои неписаные правила. И это сообщество открыто называли «крысиной стаей». Были в крысиной стае свои лидеры, весьма известные личности. Один из таких — Джеймс Уитакер.

Именно его выбрала Диана для того, чтобы попасть на страницы газет.

Это имя запомнилось ей тем, что старшая сестра Дианы, Сара, дала ему небольшое интервью, после которого ее жизнь изменилась. Если вы вспомните, в самом начале знакомства Дианы и принца Чарльза Сара фигурировала у нас как друг принца. Возможно, дело бы приняло и иной оборот, не вмешайся предводитель «крысиной стаи» Уитакер в судьбу Сары. Когда отношения Сары Спенсер и Чарльза достигли того уровня, за которым обычно начинают говорить о возможном союзе, этот самый Уитакер поймал, что называется, Сару на очень простом вопросе. Он спросил, не мечтает ли она выйти замуж за принца? Сара была не в самом подходящем для интервью настроении. И наговорила много. В частности, она сказала, что пока не любит Чарльза, а если не любит — замуж не пойдет. И что ее характер на редкость не совпадает с характером принца, да и вообще, ей тяжело себя представить с таким темпераментом будущей королевой…

Интервью, которое не замедлило появиться в газетах, стало естественной причиной прекращения отношений Чарльза и Сары. Да, она сожалела. Но она и в самом деле была такой: импульсивной, резкой в словах и поступках, но всегда искренней.

И вот спустя некоторое время на свадьбе своей старшей сестры Джейн тогда еще просто Диана находит этого самого репортера — Уитакера. И в лоб спрашивает его: знает ли он, кто перед ним стоит?

Это был не вызов, нет. Это было приглашение к сотрудничеству. Диана дала понять репортеру, что она собирается стать в центр светской жизни. И если Уитакер поддержит ее на первых порах, то ему будут предоставлены определенные дивиденды в дальнейшем.

Но одновременно это было и приглашением на игру под названием: «Сними меня». Диана буквально подзуживала репортера. Такой профессионал, как Уитакер, не мог не принять предложение и не оценить перспектив.

Тем более что вскоре в обществе заговорили о новой дружбе Чарльза — уже с Дианой.

Газеты требовали от своих корреспондентов всего, что связано с Дианой: фактов ее жизни, от проказ пеленочного возраста до размеров туфель. Гонорары за каждый эксклюзивный и интересный материал были огромными. Все потому, что население Англии начало пробуждаться от серого сна: в стране назревала интересная свадьба, невеста наследного принца казалась просто душечкой на снимках. Публика требовала от

газет новых и новых снимков и фактов. Газета, разместившая у себя на первой странице удачный снимок или раскопавшая какое-либо интересное, значимое событие из прошлой жизни Дианы, раскупалась в считаные часы. Тиражи росли, росли доходы, росли гонорары за добытые снимки.

Уитакер, получив от Дианы, как ему казалось, эксклюзивные права на ее преследование, начинает играть в ту самую игру «Сними меня». Конечно, действует он не один, а в паре. Первый снимок, сделанный этой парой, вскоре появляется на первой странице газеты «The Sun». Диана была снята в аэропорту. В то время, когда Уитакер пристал к ней с малозначительным вопросом, второй репортер сфотографировал Диану. Диана получилась на снимке невинно-смущенной, нежной и беззащитной. То, что было нужно, чтобы назвать эту фотографию «Леди Ди — новая подружка Чарльза».

Успех фотографии и всей газеты был потрясающий. Это невинное лицо, глубокий смущенный взгляд пленили англичан.

«Люди представляют собой лишь то, что о них пишут в газетах».

Так в жизнь англичан вошла Диана — в образе невинной, скромной, светлой девушки. Красивой и привлекательной.

Успех газеты «The Sun» вынудил все остальные редакции послать своих репортеров на охоту.

Диана испытывала чувство настоящей эйфории — она стала главной в колонке светских новостей. Да что колонка — ведущие издания страны отводили ей первые страницы!

В истории фотоснимков с Дианой был один такой, который буквально взорвал всю страну. Да, взрывов будет впереди еще великое множество, но этот был первый, и редакция газеты два раза допечатывала свой тираж, который в общей сложности был увеличен в три раза. История умалчивает о том, какой гонорар получил фотокорреспондент за этот снимок, но имя его вошло вместе с газетой в историю. Это Джон Миниган и газета «Standard».

Это был 1980 год. В то время Диана работала няней в частном детском саду, она еще далеко не невеста Чарльза. Журналист Джон был очень любезен с хозяйкой сада, очень просил: он не станет снимать Диану без разрешения, если та не согласится.

Диана, конечно же, согласилась. Она взяла с собой двоих детей, держа их за руки. Вот такой снимок должен был быть в итоге: Диана с аурой материнской заботы.

Этот снимок стали позже рассматривать как отправную точку в новой жизни Дианы. Именно он наделал столько споров в

вопросах отношения ее и журналистов. Суть вопроса: знала ли Диана, что может получиться на снимке?

Вопрос к читательницам, женщинам. Вот на вас надето светлое платье из неплотной ткани, а вы стоите так перед фотоаппаратом, что солнце остается позади вас. Вопрос: знаете ли вы, что ваше платье будет просвечиваться солнечными лучами, будто оно прозрачное? Странный вопрос, правда? Все это знают, ничего удивительного. И если мужчина с фотоаппаратом нацелился на вас, вы же понимаете, что ваши ноги под просвечивающейся тканью будут видны миллионам?

Репортер Джон не был дураком, чтобы не знать об этих элементарных вещах. И Диана вовсе не выглядит дурочкой. Вот так и получилось…

Хотя Диана впоследствии утверждала, что день был пасмурный, солнца не было, а вот в самый последний момент перед спуском затвора фотоаппарата солнышко выглянуло за спиной Дианы. И просветило ее платье…

Ладно, не будем гадать. Пусть это была и случайность, чего уж там. В «послужном списке» нашей Дианы столько всяких «случайностей», что от одного действительного факта он ничуть не обеднеет.

В общем, назавтра на первой полосе газеты «Standard» появилась фотография Дианы: она стоит с детьми. А платье ее настолько прозрачно, что ноги ее видны во всей своей красоте…

Впервые Диана была представлена публике немножечко в другом свете — в свете пока еще целомудренной сексуальности. Диана была женщиной на этом снимке, женщиной красивой. Сам снимок был наполнен нежной чувственностью. Неудивительно, что тираж газеты вырос в три раза.

Да, Диана показала перед принцем Чарльзом свое полное расстройство. Она выглядела перед ним смущенной и виноватой. Чарльз же повел себя как настоящий мужчина. Он сказал, что догадывался о красоте ног Дианы, но ошибся в своих выводах об их истинной привлекательности.

После этих слов Чарльза я готов спорить: этот снимок был сделан специально для него. Диана все это время была перед ним как веселая и жизнерадостная девушка, а фотография показала ее чувственную сторону. Что и говорить, снимок был на редкость удачным, эстетичным, он только сблизил сильнее Диану и Чарльза, в их отношениях возникла настоящая чувственность, которой так добивалась тогда Диана.

Эстетика фотографий Дианы была настолько высокой, что сами репортеры буквально влюбились в Диану как в образ будущей принцессы. Это легко понять: если каждый сделанный

тобой кадр приносит настоящее наслаждение от полученного результата, ты будешь боготворить объект съемки. Так получилось и с Дианой. Репортеры один перед другим стремились сделать снимки Дианы лучше предыдущих, раскрыть новые качества и штришки в лице и фигуре, показать наиболее полно обаяние будущей принцессы.

В какой-то мере и репортеры виноваты в том, что свадьба состоялась — по сути, они не просто сформировали общественное мнение, они настолько прочно вбили в мозги обывателей, что именно Диана достойна, как никто другой, быть женой наследного принца, что сомнений ни у кого не оставалось. Иной исход связи принца и Дианы никто даже не рассматривал.

Особенность отношения репортеров и Дианы была и в том, что Диана сама стремилась попасть в фокус объективов. Она любила, когда о ней писали, она любила свои фотографии, она читала все до последней строчки о себе. Рано утром, уже будучи замужем за принцем, она требовала к завтраку все газеты, где хотя бы словом было упоминание о ней. Но вместе с тем Диана не слепо «шла под объектив». О нет, если на различного рода приемах она всегда была готова к съемкам, то во всех остальных случаях она играла с репортерами, щекоча их самолюбие и профессиональную гордость. Игра в «Сними меня» никогда не прекращалась. Диана искусно убегала от объективов в нужное ей время. Иными словами, она стала настоящей трофейной дичью для охотников, если съемки касались не официально-протокольных мероприятий или различных визитов.

И здесь был свой резон. Поймите и вы репортеров: сделать несколько удачных снимков женщины, всегда готовой к съемке, на каком-либо званом ужине — это не профессионализм. А вот поймать принцессу Диану где-то за городом, да еще в купальнике, да еще в какой-либо необычной позе… Да просто на улице хотя бы.

Для репортера это был не просто в разы увеличенный гонорар. Удачный снимок принцессы в необычном месте, раскрывающий в новом свете какую-либо сторону ее личной жизни, приносил настоящее удовольствие от собственного профессионализма и удачи. Третье: мгновенно росли тиражи газет. Вот так получилось, что Диана продавала газеты. Никто другой в Англии не мог так увеличить тираж газеты и ее продажу, как Диана.

И поэтому фотограф, доставивший новый снимок, становился работником № 1 в редакции. Практически все издания выделили из своих штатов специальных репортеров, которые должны были охотиться (вот здесь — практически в полном смысле этого

слова) только за одной женщиной — за Дианой.

И Диана поняла, что играть с прессой на равных по ее правилам не всегда получится. Что газеты и журналы — это могущественные империи, которые в погоне за своими финансовыми успехами готовы переступить через любые принципы и нормы, дважды продать и трижды купить. Но тем не менее она не прекратила игру, хотя и понимала, что не единожды она проиграет.

Причина была в том, что сама Диана уже не могла без прессы — она ей дала то, чего она истово желала: славу, известность, популярность. Не сама Диана, а именно пресса подняла первую волну дианомании. Потом, когда будет следовать естественный откат, Диана станет прикладывать максимум усилий, чтобы следующий прилив был еще сильнее.

В скором времени Диана знала практически всех ведущих журналистов известных газет, она знала, как может о ней написать тот или иной, какой снимок ожидать. Это стало чем-то сродни настоящей наркомании — Диана впитывала в себя утренние заметки о самой себе, как порцию наркотика, она заряжалась ими на весь день. И самым мрачным был день, когда в газетах вместо Дианы фигурировала некая другая личность — Диана воспринимала это как собственное поражение.

Пресса сделала Диану. И позже, когда Диана поняла, что ей не переиграть королевский двор, что не стать той королевой, какой она должна быть в видении английской монархии, принцесса Диана сделала ставку на прессу как на своего союзника в борьбе с собственным мужем в частности и с королевским домом вообще. Вы об этом уже прочли — то самое место, где Диана подготовила и дала шокирующее интервью «Панораме».

Пока плоды отношений с прессой были для Дианы больше сладкими, чем горькими, хотя она и вынуждена была вести себя более осмотрительно в отдельных случаях.

Сумасбродность принцессы Дианы нередко приводила слуг во дворце в растерянность. Зная все протокольные вещи, Диана, вопреки всем правилам и нормам, могла иной раз поступать, мягко говоря, глупо. Если вы помните, я уже писал: члены королевской семьи никогда сами не рассчитывались в магазинах, они не совершали покупки в одиночестве, без слуг, когда находились в обычных условиях.

И вот вдруг Диане захотелось конфет. Она пошла в знакомый магазинчик. И за ней последовала уже целая толпа репортеров, которые были настолько навязчивы, что не на шутку рассердили Диану. А сердиться на глазах у фотографов — себе дороже.

И Диана была крайне расстроена.

Видя всю эту весьма нездоровую возню репортеров вокруг Дианы, встревожилась и сама королева. Правда, она искренне думала, что навязчивое внимание прессы к Диане переносится ею самой весьма болезненно. И поэтому решила немного остудить пыл журналистов, напомнив им о моральных принципах и элементарной человечности. В декабре 1981 года все редакторы печатных изданий Англии были приглашены в Букингемский дворец вместе с известнейшими журналистами. Здесь им было зачитано послание королевы, в котором она выразила свое беспокойство излишним вниманием СМИ к персоне Дианы.

А затем поступило приглашение на фуршет. В общем, проявленное внимание королевы к прессе нельзя было не оценить. Мало того, в самый разгар фуршета, когда акулы пера общались друг с другом с фужерами вина в руках, в зале появилась сама королева! И обошла всех, с каждым поздоровалась, для каждого нашла нужное слово. Это было высшим проявлением внимания и уважения к прессе со стороны королевы.

Мне думается, газетчики и телевизионщики оценили этот поистине королевский шаг.

Но сама Диана восприняла этот брифинг журналистов и последующий фуршет с королевой как личную угрозу ее популярности. А если и вправду пресса станет менее навязчива? Если и вправду утихнет волна, где на гребне Диана? Что тогда?

И на сцену выходит тот самый Уитакер, получивший от принцессы карт-бланш.

Февраль 1982 года. Принцесса Диана беременна, она на пятом месяце. Это время — один из самых счастливых периодов в жизни семьи Дианы и Чарльза. Они отправились (безусловно, со строжайшим сохранением тайны) отдыхать на Багамы. Море, золотой песок, ласковое солнце, верный муж рядом и ощущение будущего материнства — что еще нужно женщине для счастья? Возможно, другой бы этого хватило. Но Диана была немало встревожена тем, что ее имя постепенно уходило из газет. О ней меньше стали говорить…

И вот уже каким-то непостижимым образом на Багамских островах оказывается тот самый Уитакер со своим напарником. Они знают место и время. Откуда? Догадайтесь сами. Они вооружены самым сильным телеобъективом.

Проходит день и ночь, наступает утро.

И вот оно — на первой странице крупнейшей газеты «Deily Star» появилась сенсационная фотография: принцесса Диана в розовом, очень смело открытом купальнике с животом

пятимесячной беременности.

Ну как было прессе не любить Диану, если на фото она выходила просто великолепно, а одна — вот эта одна фотография — значила многократно увеличенную прибыль для газеты и баснословные гонорары для репортеров?

Честно говоря, я сам люблю беременных женщин. К ним у меня одно чувство: глубочайшего почтения. Я любуюсь беременными женщинами — каждая из них становится краше во время вынашивания ребенка. Ее лицо освещает неуловимый свет материнства, такой теплый, такой всепроникающий. Беременная женщина — это свято. А молодая красивая беременная женщина — это мадонна.

Англичане увидели живую мадонну, любимую ими принцессу. Их мадонна носила будущего короля Англии. Это не просто красивая фотография — это историческая фотография. Были факты, когда над этим снимком сентиментальные обыватели смахивали слезу умиления.

Да уж что говорить? Ради той волны бешеного обожания, которая всколыхнулась от одной фотографии репортера, Диане можно было и пожертвовать своим глубоко интимным и частным. Результат-то был ошеломляющим.

Но для королевы такая фотография стала фактом далеко не приятным. Она понимала, что происходит разрушение чего-то незыблемого в монархии. Что королевская семья превращается чуть ли не в публичный двор. И королева выступила с резким официальным заявлением, где прямо указала на бестактность, поругание общепринятых стандартов для газетчиков, наглое вторжение в частную жизнь.

Газетчики поутихли. Немного. Мне кажется, многие понимали, что так, как они делают, нормы человеческого общежития делать не велят. Но велик был соблазн. На Диане делались тиражи и гонорары, на Диане зарабатывались деньги и строились карьеры. И, как я уже писал, репортеры любили Диану как объект съемок. Она получалась всегда.

Они не могли оставить в покое Диану сейчас — когда вся страна жаждала больше фотографий, больше подробностей из жизни беременной принцессы. И королева поняла, что нужно уступить волне.

Беременная Диана и сведения о ее самочувствии стали в газетах Англии чем-то сродни прогнозу погоды — Англия уже не могла без этих новостей, обыватели требовали самых точных подробностей. И это продолжалось до самого рождения первенца, из которого пресса сделала поистине национальный праздник. Страну накрыло очередной волной — волной ликования.

Потом… Потом произошел тот самый инцидент на играх, о котором вы читали: когда Диана вначале заявила, что не поедет, а потом поехала, и ее прибытие произошло после того, как было объявлено о прибытии королевы. Когда она на людях стала ссориться с Чарльзом.

Этот факт был мгновенно замечен прессой. И он был не просто оценен. Некоторые умные редакторы изданий усмотрели в этом конфликте Чарльза и Дианы всю возможную правду об их отношениях, которая до этого тщательно скрывалась. И поняли, что пора сменить акценты.

Если до этого пресса рисовала Диану и Чарльза как одну из самых счастливых пар, если жизнь Дианы преподносилась как идиллическая, то теперь репортеры вначале отдельных, а потом и всех изданий начали создавать образ новой принцессы Дианы: Дианы-страдалицы, Дианы-мученицы.

И Диана охотно помогала им в этой работе. Она в многочисленных интервью позволяла себе вставить два-три предложения о своей будто бы несчастной доле. Она делилась с друзьями своими переживаниями, а те — с прессой.

Первая статья о том, что принцесса не так счастлива в замужестве, как это казалось раньше, была равна по эффекту взорвавшейся в Букингемском дворце бомбе. Англия всколыхнулась, замерла. А потом утерла слезы сострадания.

Диана рассчитала все верно. Она понимала, что рано или поздно она, счастливая, красивая и успешная, может всем надоесть. Ведь к таким счастливым и успешным можно испытывать только два сильных чувства: радость и зависть. Но радоваться человек устает. А зависть может родить и ненависть. Вместе с тем несчастный человек вызывает сострадание, жалость. Английский обыватель смог увидеть в принцессе такого же человека, как и он сам: где-то счастливого, где-то несчастного. Произошло то, что в фильмах про супергероев называют очеловечиванием образа. Все вдруг увидели, что Диана — такая же, как миллионы английских женщин: она порой ссорится с мужем, муж ее часто не понимает, у нее есть проблемы в отношениях со свекровью. Она стала всем понятнее — и от того еще более близка.

Но только то, что просачивалось в газеты в виде небольших интервью, воспоминаний, коротких откровений, не могло удовлетворить Диану.

Идет 1990 год. Обратите внимание на эту дату — Диана еще жена Чарльза, еще ни о каком разводе не говорят вслух ни муж, ни жена, еще есть надежда на то, что Диана, насытившись очередным любовником, перебесится, одумается.

Никто и в дурных мыслях не мог допустить того, что сотворит Диана с помощью прессы.

Небольшая английская больница Святого Фомы вошла в историю Англии как место, с которого началась книга. Эта книга изменит в корне судьбу Дианы и судьбу всей королевской семьи.

В этой больнице работал близкий друг Дианы, врач Джеймс Колтхерст. Их знакомство уходит в историю еще девичества Дианы, когда они сблизились на горнолыжном курорте. Диана была весьма откровенна с Джеймсом, рассказывала ему о своих планах выйти замуж за принца, делилась сомнениями, спрашивала совета. Знакомство продолжилось, переросло в дружбу. После благотворительной передачи уже принцессой Дианой больнице Святого Фомы нового оборудования она стала часто наведываться к Джеймсу. С ним она была очень откровенна. Этому способствовал тот факт, что и сам врач Джеймс отличался независимым характером, имел собственный взгляд на многие вещи и не очень-то восторгался английской монархией. Он видел в Диане жертву. То, что и нужно было Диане для поддержания отношений с ним.

Эта дружба не осталась незамеченной журналистом Эндрю Мортоном. Две-три беседы с доктором убедили его в том, что Джеймс не только весьма осведомлен о жизни Дианы, но и имеет свое совсем не совпадающее с официальной точкой зрения суждение о самой Диане, ее семейной жизни.

Эндрю прикладывает максимум усилий для того, чтобы подружиться с Джеймсом. И это получилось: двух мужчин все чаще стали видеть вместе то на спортивной площадке, то в кафе. Они нашли общие интересные темы для обсуждений.

Диана узнала об этой дружбе Джеймса с журналистом. И первым делом навела об Эндрю Мортоне все необходимые справки. Оказалось, что Мортон — очень скрытный и очень хитрый журналист. Он не гнался за маленькими дешевыми сенсациями, у него был свой подход в освещении событий. Но одновременно Мортон был волком-одиночкой, он не очень-то и дорожил таким понятием, как журналистская солидарность. Его личный успех был для него всегда на первом месте. Ходили слухи, что Мортон собирается написать книгу о принцессе Диане, собирает материал. И что его дружба с Джеймсом, как с близким другом Дианы, должна помочь ему в этом деле.

Диана внимательно прочла все, что писал о ней Мортон в газетах, и убедилась, что этот журналист копает очень глубоко, использует неожиданные ходы и при этом почти всегда стоит на стороне принцессы.

Это было главным для Дианы. Она приняла решение: пусть

Мортон пишет книгу. Но напишет он с ее слов.

Первое, что хотела увидеть в будущей книге о себе Диана, так это унижение Камиллы. Эта женщина практически не упоминалась в обществе в связи с семьей Чарльза. А Диана хотела сделать ее главной виновницей своего несчастья, источником зла и ненависти к ней, принцессе. Далее Диана решила выложить на бумагу руками Мортона массу фактов из своей жизни. Например, о том, как она упала беременная с лестницы, а принц Чарльз, этот черствый человек, ее бросил и уехал на охоту — я писал об этом. И еще массу подобных не фактов, но собственного их видения через уязвленное самолюбие. Душа Дианы требовала мести. Это первое. Второе: Диана хотела быть опять на гребне волны. Она хотела убедить Англию в том, что она — святая, а все в королевском доме Виндзоров только и жаждали ее крови. И Диану грела мысль о том, что о ней опять возопиют все средства массовой информации.

Чуть отвлекусь. Диана не раз в своих воспоминаниях, интервью говорила о том, что в их браке было не двое, а трое. То есть, кроме нее и Чарльза, был кто-то третий. Первый раз на место этого третьего она поставила друга Чарльза, философа, того самого, который пытался научить Диану принимать жизнь такой, как она есть, и который после сделал вывод, что настоящая беда Дианы в ее параноидальном стремлении заглядывать в замочные скважины. Во второй раз Диана говорит о третьем в их браке с Чарльзом и называет уже Камиллу.

Позволю и я себе сделать вывод о том, что действительно в браке Чарльза и Дианы незримо и зримо всегда присутствовал третий. И этим третьим была пресса. Ее Диана привела с собой еще со времен девичества, впустила на свой лежак на Багамских островах, когда отдыхала на пятом месяце беременности с Чарльзом, ее, прессу, Диана всегда пестовала, ей подыгрывала, ей открывалась…

Итак, Диана приняла решение о написании книги руками Мортона. Но… она не хотела, чтобы другие знали о том, что именно она диктовала страницы. Нет! Она хотела остаться вне подозрений. Пусть будет все совсем откровенно, но зачем же сжигать мосты между собой и королевской семьей? Ведь это элементарное предательство мужа, королевы… Нет, Диана должна остаться незамеченной.

И выход был найден. Без третьего здесь нельзя было обойтись, и им стал доктор Джеймс. Это было связующее звено между Дианой и Эндрю Мортоном.

Первая встреча Джеймса и принцессы состоялась в Кенсингтонском дворце, в апартаментах королевы.

Эта встреча длилась несколько часов. Работал диктофон, Диана говорила и говорила, без остановки, эмоционально, перескакивая с одного на другое, путаясь, сбиваясь — но говорила и говорила. Почти сорок тысяч слов. Это как если бы вам прочли за раз большую часть этой книги!

Эндрю Мортон был в восторге, получив первую запись. Он развернул весьма бурную деятельность. Решил, что одних воспоминаний принцессы будет мало — уж очень субъективно, бездоказательно звучали ее многочисленные обвинения в адрес многих людей и королевского двора. Нужно было поискать некоторых нужных свидетелей, которые бы хоть как-то придали словам Дианы больше объективности. Мортон посоветовался с Дианой (опять же через Джеймса) и получил список людей, у которых он мог бы получить информацию по тем или иным темам. Мортон обратился даже к брату Дианы — Чарльзу, но тот сказал, что может говорить в данном случае только о том периоде жизни Дианы, когда в ней не было принца Чарльза — то есть до замужества. Не сидела сложа руки и сама Диана. Чтобы придать вес и правдивость книге, она обратилась к своему отцу и попросила у него разрешения использовать для определенных целей семейную коллекцию фотографий.

Интересно, что Диана запретила Мортону что-либо спрашивать о своей жизни у своих сестер — Джейн и Сары. Причина проста: она не верила им. Она не верила и своей матери, и Мортон, как ни уговаривал Диану, не получил разрешения что-либо спрашивать у Френсис. Дело даже не в том, что Диана не верила им — сестрам и матери. Она понимала, что мать, гораздо поумневшая после своего второго развода, могла заподозрить что-то неладное. И вмешаться. Вмешаться, увидев в таких расспросах некую угрозу, могли и сестры. Тогда участие Дианы в этом секретном проекте неминуемо бы открылось. А этого допускать было нельзя.

Участие Дианы в создании этой книги не ограничилось только записями на диктофон. Когда весь текст был записан, Диана лично вычитала рукопись и даже внесла в нее кое-какие правки. С момента начала работы до прочтения последней главы прошло всего полгода.

Книга была готова.

Было решено, что, кроме издания самой книги, вначале несколько отдельных глав будет напечатано в одном из популярнейших еженедельников «The Sunday Times». Вот что интересно: и редактор выбранного издательства, и редактор еженедельника, когда познакомились с материалом, отказались сразу его печатать — они требовали хоть какой-то проверки

фактов. В такой степени материал казался им чудовищно лживым, придуманным, оскорбительным для принца Чарльза, королевы и многих других известных аристократов. А уж сама Камилла была в книге исчадием зла.

Эндрю Мортону пришлось убеждать недоверчивых редакторов, приводя в качестве доказательства известные фамилии, которые сотрудничали с ним в процессе работы над книгой. В конце концов, и сама Диана была вынуждена приехать к директору издательства и показать ему пачку писем от Камиллы, украденных ею у Чарльза. Правда, она не показала их содержимое.

После некоторых колебаний книгу приняли к изданию. Газета также согласилась на печать.

Планировалось, что перед выходом книги в газете будет опубликовано несколько глав. Это уже проверенная годами практика. Первые главы вызовут нужный эффект, разогреют интерес толпы до нужного уровня, после чего изданный тираж книги будет раскуплен в считаные дни. Кстати, замечу здесь же, что газета заплатила за предоставленные ей главы 250 тысяч фунтов стерлингов. Вот о таких деньгах шла речь, когда заходил разговор о принцессе и «жареных» фактах из ее жизни.

Все было подготовлено и тщательно спланировано, согласована дата печати первых глав книги в газете и выход самой книги.

И здесь принцессу и всю ее команду поджидала неожиданность. Факт сам по себе не очень значительный, но он раскрывает нам Диану в другом свете — как стерву, способную предать любого и всякого, кто мешает ей в ее планах. Вы думаете, я излишне категоричен?

Тогда читайте и делайте выводы сами.

Задуманная книга уже печаталась, первые упаковки отправлялись на склад, были набраны и сверстаны газетные полосы, согласованы даты. И тут Мортон узнает, что из печати буквально через три дня должна выйти книга малоизвестной писательницы о Диане! Должно быть, эта писательница решила сделать себе имя, втайне собрала факты и подготовила книгу. Книгу, подкупив нужных людей, нашли и прочли. Ничего особенного в ней не было.

Но для Мортона и Дианы, для издательства, которое готовило книгу Дианы, этот факт был чрезвычайно неприятным. Ведь эта книга неизвестной им конкурентки могла «выстрелить», то есть наделать шума, о ней могли заговорить. И тогда печатанье в газете первых глав книги Дианы могло остаться малозаметным. Ведь всегда больше внимания уделяется первому, а не второму.

Книга, подготовленная Дианой и Мортоном, должна была быть первым заметным явлением в жизни английского общества, иначе бы весь проект прогорел как финансово для газеты и издательства, так и в психологическом плане для самой Дианы.

Нужно было искать выход.

И Диана его нашла.

Человеческое общество устроено таким образом, что какая-то одна скандальная новость способна затмить собой все остальные новости вместе взятые. Например, если бы англичане прочли о начале войны где-то в Ираке на одной странице газеты, а на другой было бы сообщено о том, что принцесса Диана влепила на приеме пощечину своему мужу — никто бы не стал говорить о войне. Все бы обсуждали поступок принцессы. Поэтому для Дианы важно было найти нечто такое из жизни королевской семьи, что своим скандальным значением овладело бы целиком вниманием читателя. До такой степени, что все иные события показались бы мелочью третьего порядка, и уж тем более незамеченным стал бы выход книги малоизвестной писательницы.

Такая новость была. Помните ту самую веселую Ферджи, которая одно время была дружна с Дианой? Она была замужем за младшим братом принца Чарльза. Увы, их брак не сложился, Ферджи была, что называется, поймана с поличным — ее фотография на отдыхе с любовником однажды увенчала страницы газет. Дело шло к разводу. Но пока все держалось в строжайшей тайне. Пресса ничего не писала о возможном разводе — королевский двор умел хранить тайны семейной жизни своих членов.

И вот наступил день, когда из печати вышла та самая небольшая книга о жизни принцессы Дианы некоей Колин Кэмбелл. И в тот же самый день на страницах авторитетного издания «Daily Mail» на самом видном месте появляется оглушительная информация о том, что младший брат принца Чарльза разводится со своей женой.

Как и ожидалось, английские обыватели пропустили мимо внимания выход книги Кэмбелл. Вся Англия обсуждала новость и пыталась найти ответы на те вопросы, которые ставил перед публикой журналист: останется ли за Ферджи титул? С кем останутся дети? На что будет жить Ферджи?

Нужно ли вам говорить, что автором этой сенсационной новости был Эндрю Мортон?

Королевский двор был в панике: откуда могла произойти утечка информации? Королева подозревала, что виновница — сама Ферджи. Хотя бедная женщина искренне в слезах

доказывала всем, что не имела никаких встреч с журналистами, на нее пал весь гнев королевы и ее бывшего мужа. От Ферджи тут же отвернулись многие ее друзья. Потому что такой поступок был крайне некрасив, непорядочен.

Все в королевском дворе прекрасно понимали, что человек, передавший информацию о предстоящем разводе, должен был знать: такого предательства ему никогда не простят. Значит, на такой шаг мог решиться только тот, кто собирался порвать с королевской семьей. И поэтому винили Ферджи. Но разве только Ферджи уходила из семьи? А разве Диана не готовилась «стать свободной»?

Не стану томить читателей: уже после смерти принцессы Эндрю Мортон признался, что информацию о разводе ему предоставила лично Диана. Вместе они составили план статьи, обговорили дату и время выхода, выбрали газету для печати. Нет здесь никакой тайны — именно Диана предала интересы семьи, именно Диана ради собственной выгоды показала, что способна перешагнуть через любые мыслимые и немыслимые этические нормы.

И пришел тот день…

Обычное воскресное утро, завтрак. Принц Чарльз, как всегда, просматривает газеты. Он открывает одну, другую. «The Sunday Times». Внезапно глаза его вспыхивают, хотя лицо остается спокойным внешне. Слуги замечают заголовок: «Из-за невнимания Чарльза Диана уже пять раз пыталась свести счеты с жизнью». Пока Чарльз читал статью, Диана в это время, что-то весело сболтнув, убралась из-за стола. Чарльз прочел, сложил газету. Потом он прогулялся по парку и только после этого поднялся к Диане. Состоялся короткий разговор. Что мог сказать Чарльз жене? Диана умалчивала об этом, ну а принц вообще никогда не стремился рассказать что-то из своей личной жизни. Если бы я был на месте принца, я бы, пожалуй, сказал только три-четыре слова. И одно из них обязательно было бы «сука».

Печать первых глав книги Мортона вызвала настоящий шквал из негодования, проклятий, обвинений, обрушившийся на Букингемский дворец. Накрыло всех — даже королеву. Ведь и ее Диана представила в книге как сухую, равнодушную, бесчувственную женщину. Соскучившийся обыватель получил вожделенную порцию адреналина, глотал новые строки о «жизни Дианы» и негодовал, жалел, сочувствовал и требовал отмщения.

Аппарат королевы был в растерянности. Перво-наперво попытались выяснить, принимала ли участие в создании книги сама Диана. На что она ответила твердым «нет». Тогда было составлено заявление для прессы, в котором указывалось, что

книга Эндрю Мортона — плод вымысла автора, что принцесса Диана никакого участия в книге не принимала, интервью не давала, не откровенничала с журналистом.

И тут произошла первая странность: Диана без внятного объяснения не стала ставить подпись под этим заявлением. Это вызвало растерянность и первые подозрения в королевской семье.

Королевский аппарат задействовал многие средства массовой информации, которые выступали ранее всегда на стороне монархии. Те пытались сбить волну ненависти к монархии, в которой захлебывалась Англия. Опять и опять эти газеты твердили о том, что принцесса ничего не знала о подготовке книги, что книга — грязное домысливание автором самых безобидных фактов.

И тут происходит совершенно неожиданное, шокирующее для всех, кто стоял на стороне королевы. Диана посещает свою подругу. Ну, казалось бы, что здесь такого. Но дело в том, что в этой книге воспоминания этой подруги занимают весьма значительное место. И подруга выступила вовсе не на стороне монархии. В газетах (не без помощи знакомого нам Уитакера) появляются снимки Дианы и этой подруги, весьма мило беседующих у дома.

Только дураку остается еще искать ответ на вопрос: знала Диана о подготовке книги или нет?

Для королевского аппарата, столько сил и средств положившего на то, чтобы убедить всех в непричастности принцессы к изданию книги, это был не просто удар в спину. Это было предательство всех вместе и каждого в отдельности. Несколько человек, в том числе и личный секретарь королевы, подали в отставку. Но королева не приняла ее, сказав, что они сделали все возможное и невозможное, чтобы сохранить имидж королевской семьи и спасти ее лицо. Они проиграли, но это не их вина.

После публикаций фотографии ее с подругой Диана поняла, что ее раскрыли. В тот же вечер она получила письмо от премьер-министра страны, в котором он ясно дал понять, чтобы Диана больше не рассчитывала ни на его помощь, ни на его участие.

Диана мечтала о том, что с выходом книги вся Англия будет сочувствовать ей, станет на ее сторону. Но, как оказалось, среди англичан было немало и тех, кто не собирался довольствоваться разглядыванием грязного семейного белья. Оказалось, были и те, кто расценил поступок Дианы как подлое предательство интересов не только королевской семьи, не только семьи своей, но самого понятия «семья». Поначалу негодование обывателей не знало границ, но мало-помалу стали утихать безрассудные

страсти, люди уже более спокойно обдумывали случившееся, примеряя его на себя и думая о завтрашнем дне. И Диана начала стремительно терять баллы — люди понимали, что их просто попытались использовать в своей жажде мщения. Это что касается простых граждан Англии. Если же говорить об аристократии, то Диана почти всюду начала встречать холодную враждебность. Ее бабушка, еще живая, Рут Фермой, назвала все произошедшее самым отвратительным событием в своей жизни — даже хуже, чем развод дочери. Ее отношения с Дианой были прекращены. И она вскоре умрет, так и не приняв у себя внучку. Рут Фермой была женщиной чести.

Интересно, что и редактор «The Sunday Times», в которой печатались первые главы книги о Диане, понял, что его, образно говоря, использовали. И пусть он получил неплохие деньги за счет взметнувшихся вверх цифр тиражей, кому приятно осознавать, что ты — пешка в чужой грязной игре? Тем более его газета потеряла авторитет в глазах читателей, к ней стали относиться как к корзине для грязного белья. Поэтому редактор организовал целый цикл статей о жизни Дианы и отношениях в ее семье, но теперь уже слово предоставлялось друзьям Чарльза.

И портрет принцессы Дианы начал покрываться такими штришками, которые ей были ох как не нужны. Англичане вдруг увидели, что на многие и многие события в семейной жизни Дианы можно посмотреть и под другим углом.

У Дианы был выход, выход честный и прямой: признаться. Заявить во всеуслышание, что в какой-то период своей теперешней жизни, будучи в состоянии эмоционального расстройства, она многое рассказала Эндрю Мортону. О чем сегодня сожалеет. Очень и очень сожалеет.

Но Диана поступила иначе, уже в свойственной ей стервозной манере. Во-первых, она начала разрывать все связи с теми своими друзьями, воспоминания которых были в книге. Дескать, эти подлые изменники меня предали. Во-вторых, гнев Дианы обрушился на самого Эндрю Мортона: Диана обвинила его в собирании слухов, во второсортности всего написанного, убожестве литературного языка. Она назвала книгу Мортона о себе лживой, факты — придуманными, извращенными. И подвела итог: вокруг нее полно предателей, которые решили использовать ее имя и ее частную жизнь для личного обогащения.

Но принцессе уже мало кто верил. Вернее, ей не верил никто из ее близкого окружения: слуг и секретарей.

После такого потрясения брак Чарльза и Дианы был уже немыслим. Чарльз не собирался превращаться в российскую поп-звезду, которой тем лучше, чем больше грязного белья вывешено

на публике его супругой. Он понял, что Диана никогда не будет ему верной женой, ей никогда не стать и королевой в полном понимании этого слова. Она была обыкновенной стервой, у которой в красивой головке были лишь мысли о деньгах, роскоши, славе и всеобщем обожании. И принц Чарльз честно предложил Диане развестись.

Казалось бы, Диана выиграла. Но она и проиграла. Королевская семья убедилась, что Диана была причастна к изданию книги. Впрочем, для Дианы, которая все равно уже вынашивала план развода, это было не главным. Главным было то, что Диана предстала перед Англией в уже третьем своем облачении.

Первое было: прекрасная, счастливая, обаятельная принцесса.

Второе: несчастная в браке, стойкая, полная сострадания и нуждающаяся в утешении.

И вот третье: все, что и второе, но уже с добавкой: она сама стерва и немало в чем виновата.

Прозвучавшее официальное заявление о разводе имело еще одно немаловажное последствие в жизни Дианы — оно развязало руки папарацци. Если до этого они охотились за Дианой и преследовали ее, хотя бы слегка сдерживаемые просьбами королевы и гневом принца, то сейчас Диана буквально лишилась этого иммунитета. А поскольку в самой принцессе обнаружились черты стервозности, то и простора для папарацци стало несравненно больше. Сейчас Диану можно было преподносить публике уже не в двух, а в трех ракурсах. А развенчивание старого доброго образа всегда связано со скандальностью, значит — с интересом у публики и повышенными тиражами.

И «крысиная стая» обрушилась на Диану во всей своей силе, наглости и настойчивости. Диана уже и шага не могла ступить по улице, чтобы за ней не следили. Диану провоцировали, желая заполучить на фотографиях ее эмоциональность: гнев, растерянность, страх, злость — что угодно, чтобы это знакомое миллионам лицо было снято в ином, неожиданном ракурсе. Другой раз папарацци, объединившись, скандировали перед Дианой: «Стерва!», выкрикивали непристойные вопросы, обвинения, пошлости.

Диана не один раз срывалась. Наиболее известен в этот период случай преследования ее репортерами, когда она с детьми отправилась в кинотеатр на просмотр фильма «Парк Юрского периода». Диана, разгневанная, показав, на что она способна, если разозлится, набросилась на репортеров. Если бы такую Диану увидел Чарльз или слуги, они бы ничуть не удивились — им было не привыкать, ведь Диана большее время суток

пребывала именно такой в своих апартаментах. Но видавшие виды репортеры были шокированы той яростью, с которой Диана начала обвинять их в том, что они испортили ей жизнь. Назавтра газеты вышли не только с фотографиями взбешенной Дианы, но и с карикатурами, где Диану изобразили в виде тираннозавра Рекса, преследующего бедных папарацци.

Однако, дорогие мои читатели! Вы будете удивлены, но Диана все равно не могла уже жить, не видя своего имени в прессе. Ее преследовали, за ней охотились — а она сама прямо провоцировала скандальные истории вокруг себя. Она понимала, что пресса душит ее — и все равно шла в эту клетку. Она не могла жить без газетных статей о себе, без слухов о себе и своих фотографий, как наркоман без своей ежедневной дозы.

Думаете, я преувеличиваю? Смотрите: гимнастический зал в Лондоне, очень популярный, многолюдный. Диана вдруг решает заниматься там фитнесом. Естественно, только она и тренер. Вроде ничего удивительного в этом нет. Но позвольте: для таких особ, как она, есть иные залы, в которых охрана работает скрупулезно, хозяева которых проверены годами, где исключены любые возможные неприятные сюрпризы. Диана выбирает именно простой зал, публичный. Где директором работает человек с не самой лучшей репутацией. И стоит ли удивляться, что вскоре в том зале, где занимается Диана, появляется скрытая камера?

Владелец фитнес-зала получает весьма пикантные снимки принцессы Дианы, когда она занимается на разных тренажерах. Он продает фотографии прессе за 250 тысяч фунтов стерлингов (какая-то стабильная такса у них там — четверть миллиона). На Диане опять неплохо заработали. Снимки опубликованы, Диана вновь оказывается в центре внимания очередного скандала.

Однако в этом случае Диана решила, что шуму можно сделать еще больше, и подала в суд на газеты. В интервью она утверждала, что этим самым хочет в будущем оградить простых англичан от подобных посягательств на их частную жизнь.

Да только владелец спортивного зала был не из дураков. Он подыскал хороших адвокатов, которые заявили на суде о том, что сама Диана нарушила законодательство, обнародовав факты из своей личной жизни в той нашумевшей книге: ведь она рассказала о частной жизни принца Чарльза!

Для суда это было бы чересчур громкое дело: пришлось бы ради выявления истины приглашать на заседания самых известных в Англии людей. В дело была втянута сама королевская семья. Нужно было искать какой-то иной выход. В итоге пленки у владельца спортивного зала были выкуплены на сумму, в три раза большую той, которую он получил за фотографии. И на этом

поставили точку. Никаких санкций к газетам. Владелец оказался в тройном выигрыше.

Очень странное дело, не правда ли? Так чего добилась Диана?

Очередного роста популярности, вот чего. Она опять была на первых страницах газет, уже как защитница частной жизни простых англичан.

Была бы эта история простой историей, если бы не одно обстоятельство. Личный телохранитель Дианы Кен Уорф позже признался, что съемка Дианы в фитнес-зале была очередным спектаклем, режиссером которого являлась сама Диана. От самого начала и до самого конца в этом деле она исполняла роль бравого руководителя и главного героя. И выиграла — не в деньгах ведь дело…

После этой, как ей казалось, триумфальной своей операции Диана решила, что может легко управлять прессой в нужные для нее моменты. Пусть ее иногда пощипывают, но руководить будет она. И позже состоялась ее самая скандальная акция в прессе — вышло то самое интервью в «Панораме», о котором я уже рассказывал.

Такая самонадеянность дорого ей стоила: личный секретарь Дианы Патрик Джефсон, проработавший с Дианой восемь последних лет, подал в отставку. Он объяснял свое решение тем, что Диана окончательно потеряла голову от своей самоуверенности, что ее заигрывание с прессой выходит за рамки обыкновенной разумности. Что все это низко и бесчестно. И что все его попытки повлиять на происходящее ни к чему не приводят. Диана стала невосприимчивой к голосу рассудка.

Диана рассталась с Патриком, как с любым другим своим сотрудником — как со слугой-дворником, скажем: выбросила телефон, потребовала убрать все, что напоминало бы о нем, и даже сделать косметический ремонт в его бывшем кабинете.

Патрика Джефсона все, кто знал об истинной жизни принцессы, называли тормозами Дианы. Он не один и не два раза уберегал Диану от опрометчивых поступков, отводил от нее тучи неприятностей, устраивал дела и гасил конфликты. С уходом этого работника безрассудность Дианы уже ничто не могло остановить.

Умереть, убегая…

Думаю, я не зря столько времени уделил отношениям Дианы с прессой. Теперь, надеюсь, образ принцессы стал более объемным. И сейчас, когда мы начнем внимательнейшим образом смотреть на последние дни жизни Дианы, на саму автомобильную катастрофу, многие места будут понятны вам, читателям, без дополнительных объяснений.

Кем и чем была Диана в 1997 году?

По сути, женщиной, вокруг которой одна за другой случались скандальные истории. И только своими историями она была интересна прессе и публике. Ее последняя шокирующая связь с сыном египетского миллиардера аль-Файеда стала достоянием уже порядком уставшей от личной жизни принцессы Англии. Опять волна обсуждений и споров в прессе: может или не может позволить себе такую связь мать наследного принца? И главное: а что будет для всей Англии значить тот факт, если вдруг принцесса Диана, как уже разведенная женщина, выйдет замуж за Доди аль-Файеда?

Нужно признать, что если этот вопрос обсуждался обывателями на уровне любопытства, то для Англии как государства он был головной болью. Нюанс заключался в том, что хотя принцесса и не получила при разводе титул «Ее королевское высочество», тем не менее она считалась членом королевской семьи.

И вот теперь, заимей она такого мужа, как Доди, королевская семья оказалась бы в весьма щекотливом положении: признавать и Доди членом королевской семьи? Но этого мало: сближение королевской семьи с имеющим не самую лучшую репутацию египтянином аль-Файедом вовсе не входило в перспективные планы. Это уже, извините, политика.

Кем еще была Диана после развода с мужем?

Женщиной, сумевшей порвать практически все свои бывшие дружеские связи. Причем во многих случаях инициатива разрыва шла от самих друзей, не могущих больше терпеть выходки Дианы.

Диана вконец разругалась с матерью, обвинив ее в том, что она неправильно высказалась в одном интервью. Диана не однажды и раньше, а теперь уже куда увереннее говорила, что ненавидит мать.

Диана порвала отношения с сестрами Джейн и Сарой. Отношения с братом Чарльзом были также безнадежно испорчены.

Та самая целительница Симона, ставшая одной из самых

близких подруг, была выброшена из памяти и из сердца.

Диана разорвала отношения с известным модельером Джанни Версаче.

Прекратилась дружба между ней и Элтоном Джоном, самым известным британским рок-певцом, композитором, настоящим кумиром миллионов. А ведь один из своих синглов Элтон Джон ранее посвятил Диане. И этот сингл вошел в историю как самый продаваемый, он был занесен в Книгу рекордов Гиннесса.

В число виновных в ее судьбе и ставших врагами попадает тот самый журналист Мартин Башир, который сделал то злополучное интервью на «Панораме». Диана обвинит его, как и журналиста Эндрю Мортона, автора книги о ней, в том, что он испортил ей жизнь.

И еще — большая часть из ее собственного персонала была нещадно изгнана. Неважно, что некоторые работники отдали службе у Дианы по 8–10 лет. Она выгоняла, иной раз даже не заплатив жалованья.

Весьма показательна в этом плане история с увольнением горничной Сильвии Макдермотт, которая, что называется, верой и правдой прослужила у Дианы 10 лет. Когда Сильвия обратилась к Диане за расчетом, та выставила ее за дверь. Но Сильвия не сдалась. Она обратилась в суд.

Что было противопоставить бедной женщине той своре обученных адвокатов, которых наняла Диана? В этой ситуации, позволю себе отступление, я отказываюсь понимать Диану даже как стерву. Стерва ты — но ты же и женщина! Неужто так тяжело было заплатить горничной заработанное ею? Это уже даже не сволочность, это идиотская упертость: а вот не заплачу, и все тут!

Так вот, против Сильвии эти адвокаты выставили претензии, дескать, ее работа выполнялась из рук вон плохо, она не убирала как следует. Горничная готова была предоставить свидетелей, что ни разу за все время Диана не сделала ей замечаний по поводу уборки. А что касается уборки в спальне…

И тут адвокаты резко попросили перерыва. И попытались выяснить, что хотела сказать Сильвия по поводу уборки в спальне? Правду, ответила Сильвия. Она не могла в последнее время убирать в спальне, потому что там присутствовал любовник Дианы Хаснат. И Сильвии было запрещено входить в спальню ее хозяйки в любое время.

Дело приняло такой оборот, что в суд могли пригласить Хасната для подтверждения слов Сильвии. А Хаснат после истории со снимками принцессы Дианы в объятиях Доди аль-Файеда сказал бы безусловную правду. Это Диана понимала. И предложила Сильвии сумму, настолько превышающую требуемую

через суд, что не соглашаться было бы смешно. Как говорила сама Сильвия позже, такую сумму нереально выиграть даже в лотерею.

Это еще одно доказательство того, что жизнь Дианы состояла из тех частей и кусочков, которые в определенные моменты кто-то мог продать или купить. Когда тебе есть что скрывать — другим есть что у тебя выведать. И либо продать обществу, либо вернуть за деньги тебе. Ложь принцессы Дианы была столь объемлющей, что все ее личное оказалось запутанным в этой лжи. И потяни за одну веревочку — непременно придешь к узелку, от которого потянутся новые скрытые ниточки…

Кем еще стала принцесса Диана?

Ранее (вам это наверняка известно, поэтому я не стал акцентировать на этом внимание) Диана якобы вела большую общественную работу. Она заключалась в том, что Диана числилась в учредителях или советах самых разных общественных организаций. Их было более ста, больших и маленьких. Имя Дианы в различных фондах придавало им вес и значение, выступления Дианы там и тут давали ожидаемые результаты, скажем, в сборе пожертвований и так далее. Так вот, после развода с Чарльзом Диана перестала участвовать в деятельности практически всех этих организаций. Из ста осталось только шесть, с которыми Диана еще поддерживала связь. Остальные были вынуждены либо принять отказ Дианы, либо сами отказаться от ее услуг: Диана стала настолько непредсказуемой в своем общественном поведении, что рассчитывать на нее в деятельности было опасно. И одной из причин этого была отставка личного секретаря Патрика Джефсона, который ранее не просто курировал эти вопросы, но и руководил ими.

Тут я должен остановиться и услышать ваше негодование: как же так, ведь Диана создала один из самых известных фондов, деятельность которого была направлена против применения противопехотных мин! Это движение уже после смерти Дианы получило Нобелевскую премию мира. Оно само — лучшее, что смогла сделать за свою жизнь Диана, это ее лебединая песня в буквальном смысле. Как же о нем умолчать?

А я не умалчиваю. Единственное, я хочу вот что спросить: а кто был инициатором этого движения на самом деле? Кто подтолкнул Диану к мысли о том, что сейчас самое время обратить внимание на эту проблему, поскольку она насколько человечна, настолько же и политична: тему противопехотных мин использовали в своей предвыборной деятельности политики Англии.

Симона. Тот самый медиум, та самая подруга Дианы, которая

вскоре попадет в опалу. Мне сейчас думается, что «вывод» Симоны из друзей произошел еще и по причине создания этого самого фонда: Диана ни с кем не хотела делить лавры.

Так вот, именно Симона побывала однажды в поездке в Боснии. Она привезла с собой сотни фотографий — женщин, детей, стариков, которые пострадали от противопехотных мин. Фотографии были страшными. И она, Симона, сказала принцессе, что сейчас, в тот момент, когда Диана буквально выброшена своими действиями за борт общественной жизни, деятельность, направленная на запрещение противопехотных мин, — единственная ниша, в которой сохранилась живительная влага для принцессы.

Диана послушалась совета Симоны. Но при создании этого фонда она будет утверждать, что к этому ее подвигли ее личное истинное сострадание и ее же личный опыт общения с пострадавшими от противопехотных мин.

Да, фонд имел успех, и было сделано немало. Но повторюсь здесь: если уж и рассматривать заслугу принцессы без учета Симоны, то она состояла в том, что принцесса выступила как катализатор общественного мнения. Во многих странах общество реально созрело для того, чтобы прийти к запрету этого варварского оружия.

Для Дианы же сам фонд и деятельность в нем действительно стали живительными источниками. Пресса до этого гонялась за ней как за обыкновенной самкой — все, что попадало на страницы газет, касалось только частной жизни принцессы: новые любовники, новые места отдыха, новые скандальные истории. Диана понимала, что в таком образе она станет вскоре ненавистна всему миру, что она неудержимо катится вниз в своей популярности, а сама популярность давно обрела краски секса и скандалов. И поэтому новая миссия — миссия человеколюбия, миссия защиты — была на редкость удачной и обернута совсем не в бутафорскую одежку. Фонд поддержали в десятках стран, главное — он получил поддержку Международной организации Красного Креста и Красного Полумесяца. Стоит заметить, что еще до создания фонда Диана порвала всякие связи с этой организацией, и там пошли на сотрудничество с Дианой только по той причине, что цели фонда имели исключительно большое значение в видении Красного Креста.

Знакомясь с деятельностью фонда, я часто ловил себя на мысли: могло ли так статься, что, проживи Диана еще пять-шесть лет, она бы стала другой? Ведь ей теперь приходилось лично посещать страны типа Анголы, бывшей Югославии, реально видеть людские беды, рядом с которыми ее собственные

несчастья выглядели глупыми переживаниями. Неужто она бы не изменилась?

Нет, отвечаю я сам себе. И причиной для такого «нет» стали видеофильмы о посещении Дианой Москвы летом 1995 года. Принцесса Диана подарила тогда медицинское оборудование больнице, посетила школу. Как всегда в таких случаях, визиты затягивались. Вместо запланированных 20 минут Диана пробыла в больнице в два раза больше, а в школе вообще два часа. Конечно, москвичи рвались узреть эту принцессу, ставшую уже легендарной личностью даже в России. И, конечно же, был сделан «прогиб» перед этой персоной: в посольстве Великобритании Диане была вручена Международная Леонардо-премия. Учредили ее в Москве в 1992 году. И решили вручать тем людям, деятельность которых направлена на сохранение и развитие спорта, гуманитарных наук, искусства… Замечу, кстати, что такую премию получил и бывший мэр Москвы Юрий Лужков. И еще: премия не имеет денежного эквивалента.

Так вот… Я смотрел видео. Нет, не то, где с детьми. То, где со взрослыми, где Диана посещает Кремль.

И я видел полностью лишенное эмоций, одетое лицо. Именно одетое в нужную маску лицо. Не улыбка — застывшая гримаса. Здесь не было детей, здесь не нужно было проявлять какое-то внимание и сострадание. Здесь нужно было отбыть время.

Уверен, любовь англичан к Диане в Англии была чем-то сродни любви советских тогда еще людей к жене Михаила Горбачева Раисе. Это был практически тот же подход: народ вдруг посчитал своей номенклатурную жену. Она вышла к людям, улыбнулась им — и вот стала любимой и популярной.

Меня удивили англичане тем, что восхищались отдельными фотографиями, на которых Диана была с настолько явной для меня запрограммированной улыбкой, настолько отрежиссированным взглядом, что виделась кукла. А вот поди ж ты — англичане любили.

Найдите в Сети и посмотрите на фотографии, где улыбается Диана. Там хоть с линейкой подходи — настолько улыбка везде и всюду одинакова. Выученная, заученная, ненастоящая. Поставленная, одним словом, как «ставят» улыбку начинающим поп-звездам и топ-моделям. Я был свидетелем того, как учили улыбаться, и как потом улыбалась девочка 10 лет, певица. Как только на нее наводили объектив фотоаппарата, улыбка буквально прыгала на ее губы, и те растягивались, обнажая ряд зубов. А само лицо, глаза оставались безучастными…

Но наверняка англичане были так счастливы от этой улыбки потому, что редко, очень редко видели улыбающихся монарших

особ. Такова английская традиция: королева и принцессы — не поп-звезды, им не пристало улыбаться безо всякой причины.

На видео в Москве в лице, походке, всем облике Дианы я увидел женщину, которая уверена в каждом своем шаге, уверена в себе. От нее исходит некое охранное поле, она ведет себя так, как будто говорит всем: я знаю, что я делаю, я делаю это лучше всех, и не стойте у меня на пути. И поэтому я уверен, что Диана не стала бы другой. Не тот возраст, увы. Дитя давно лежит вдоль лавки, а не поперек.

Итак, в 1997 году деятельность Дианы в различных фондах практически прекратилась, общественная активность наблюдалась только в новом фонде — за запрещение противопехотных мин. Но будем говорить серьезно, во все времена общественная деятельность для Дианы являлась лишь фоном. То есть той созданной сценой, на которой она реализовывала свои амбициозные планы по достижению своей популярности в обществе.

Главное, что было для Дианы во все времена, — она сама, ее личная жизнь. Такая жизнь, о которой она мечтала еще до замужества. Вспомните, как однажды, приглашенная на пикник, она счастливо раскинула руки и сказала, что вот такая жизнь ей по нраву. Такая: когда все вокруг служит для удовлетворения твоих самых больших и малых желаний.

Сейчас именно такой период и наступил — миллиардер Мохаммед аль-Файед через своего сына Доди создавал для Дианы поистине королевские условия. Диана проводила свое время с Доди аль-Файедом, ни на минуту не задумываясь о жизненных, практических вещах и вопросах. Она желала — и все получала. Она была ограждена от любых забот и хлопот. Главное — она не думала о деньгах, не задумывалась, откуда берутся деньги на такое ее существование, как и чем создаются условия. Она понимала, что сейчас находится в роли содержанки. А в глазах многих тысяч англичан, открыто через прессу высказывающих свое мнение, Диана стала просто очередной дорогой наложницей сына миллиардера.

Но Диану это не волновало. После публикации в прессе тех самых, по сути, эротических фотографий с Доди она уже ничуть не прятала свои отношения с сыном миллиардера. Это был вызов обществу, но у Дианы нашлось много защитников. Демократия — такая демократия. Имеет право — это главное. Вот и пользуется, если имеет.

Позже в прессе очень активно обсуждался вопрос: собиралась ли Диана замуж за Доди аль-Файеда? Насколько много было голосов «за», настолько много и «против». Как доказательство

того, что Диана не собиралась менять свой статус разведенной принцессы, приводят тот факт, что Диана ни с кем из своих близких оставшихся друзей не говорила о будущем замужестве. И даже сын Уильям рассказывал прессе, что его мать Диана не собиралась выходить второй раз замуж. Во всяком случае, она с ним об этом не говорила.

Лично для меня такие аргументы не могут быть приняты во внимание. Вспомните историю с Хаснатом. Первый раз Диана попыталась женить его на себе втайне не только от всех, но и от него самого. Вначале дворецкий Пол убедил Диану, что такое в принципе невозможно, что ни один священник не благословит тайно брак протестантки и мусульманина. Потом Диана, опять же втайне от Хасната и всех остальных, вылетает для встречи с семьей любовника и пытается там получить разрешение на брак. Разве же это не доказательство того, что в свои планы Диана посвящала самый минимум особо доверенных людей? Что касается Доди аль-Файеда, то Диане не нужно было и предпринимать хоть каких-то похожих действий: одно ее согласие, полученное Доди, например, в интимной беседе, решало все. Так что тот факт, что Диана ни с кем не разговаривала о своем будущем замужестве, вовсе не говорит о том, что она этого не хотела или к этому не готовилась.

Во всяком случае, Диана практически все свое свободное время проводила в компании с Доди аль-Файедом. Они сменили немало мест отдыха. На собственном самолете аль-Файеда-отца Доди и Диана летали завтракать в одну страну, обедать — в другую, купаться в море — в третью.

И за ними неотступно следовала «крысиная стая».

Папарацци, как я уже писал, после развода Дианы с мужем приобрели практически полную свободу действий. Если раньше они стремились следовать за принцессой втайне от нее, то сейчас погоня за лучшими фотографиями стала открытой и дурно пахнущей работой. Все газеты Англии — от серьезных еженедельников до жалких желтых таблоидов — считали за необходимое помещать в каждый номер новую фотографию Дианы и новый факт из ее жизни. Была Диана в этом ресторане и сморщилась, отпив вино из бокала, — отличная фотография! Диана наклонилась и что-то шепчет в ухо Доди, а за ее спиной стоят ее сыновья — это уже сногсшибательный снимок. Все годилось для обывателя, все шло в меню информационного завтрака. И поэтому неотступно, открыто, бесцеремонно и нагло за Дианой и Доди следовали на автомобилях, мотоциклах репортеры. Единственное место, где Диана и Доди были уверены, что их не сфотографируют, — это самолет аль-Файеда в воздухе и

дом аль-Файеда с его надежнейшей охраной. Но Доди и Диану караулили в аэропортах, на улице, при выходе из ресторанов и кафе, из гостиниц и отелей.

Вот такой и в такой обстановке вокруг себя Диана подошла к последним дням своей жизни.

Итак, 30 августа Доди и Диана на самолете аль-Файеда прибывают в аэропорт Ля-Бурже во Франции. Только пара выходит из самолета, раздаются первые щелчки фотоаппаратов — папарацци уже тут.

Не будем гадать, каким образом папарацци узнавали о маршрутах Доди и Дианы. Новые снимки — это деньги. Значит, купить любого из прислуги Доди или Дианы не являлось проблемой. Представьте себе, что простая горничная (не Севилья, а новая например) получает предложение от газеты: за приличную сумму в какой-то день позвонить и сообщить, куда направляется ее хозяйка. Если бы газета была одна, горничная, наверное, сохранила бы свое честное имя. А если газет десятки? А если еще в придачу горничная знает, что в любом случае вскоре будет вышвырнута Дианой, как и многие другие слуги? Я не могу согласиться с тем, что Диану стали продавать. Нет, просто она сама поставила себя в такие условия, когда на ней стало возможным заработать. И люди зарабатывали, как могли, как им предлагали.

Так вот, Диана и Доди сошли с трапа, уселись в подогнанную машину. Папарацци на мотоциклах и автомобилях двинулись за ними.

Это была настоящая гонка с преследованием. Скорость была превышена во много раз. Но личный водитель аль-Файеда Филипп Дорно был профессионалом. Он смог оторваться и сохранить контроль над своей машиной.

Позже он рассказывал, что принцесса Диана была очень довольна его работой. Она просто была в восторге. Свидетели этой поездки отметят, насколько она была возбуждена, но не зла, нет. Адреналин чуть ли не выступал капельками пота на ее лице. А вот Доди был очень нервным. Похоже, его бесили эти неотвязчивые репортеры. Интересно, что и сам Филипп Дорно, и личная охрана Доди аль-Файеда (которая всегда была при нем) воспринимали эти гонки с папарацци как рискованную, но весьма интересную игру.

Диана, согласитесь со мной, так и не поняла, что с прессой нельзя играться, навязывая ей свои правила. Она была уверена, что это она дергает за ниточки, но не понимала, что зачастую она больше играет роль куклы, нежели кто другой рядом с ней.

Доди аль-Файед многое взял от своего отца. Главное же то,

что он был точно так же властолюбив и считал свое слово истиной в последней инстанции. Своим охранникам и водителю он часто отдавал такие приказы, которые противоречили логике безопасности. Доди вмешивался в профессиональную работу охранников и зачастую допускал такие вольности, которые разумный человек допускать не должен.

Еще один охранник аль-Файедов, проработавший у них более десяти лет, Анри Поль, роль которого в гибели Дианы самая очевидная, позволял себе выпивку, будучи за рулем.

Но вернемся к Диане и Доди. Сумев оторваться от папарацци по пути из аэропорта, они поехали не в отель «Ритц», как было запланировано раньше, а на виллу в Булонский лес. Вскоре на виллу приехал другой автомобиль, на котором привезли кое-какие вещи, приехала прислуга. Это была машина высокого класса. За рулем сидел Анри Поль, что немало удивило других сотрудников службы безопасности миллиардера — не с его мастерством водителя было водить автомобили подобного класса. Мало того, Анри Поль был крайне возбужден. От него пахло спиртным.

Диана и Доди осматривали практически пустую виллу. Зачем они приехали сюда? Здесь, в частности, кроется и ответ на вопрос, собиралась ли Диана замуж за Доди. Так вот, эта вилла когда-то принадлежала королю Эдуарду, который в свое время отрекся от английского престола из-за перипетий в личной жизни. Это было когда-то имущество, принадлежавшее королевской семье! И вот теперь вилла была у аль-Файеда. Все имущество с виллы он выставил на аукцион. А саму виллу решил отреставрировать. И подарить Диане и Доди. Вот вам и ответ. Таким образом, пара осматривала свое будущее жилье.

Как я уже написал, осмотр этой виллы расходился с предварительным планом посещения Доди и Дианы Парижа. Позже вы увидите, что вся поездка пары в Париж и план ее были составлены отцом Доди. И именно он потребовал от службы безопасности максимально оградить Доди и Диану от папарацци в этот приезд. Доди и Диану не должны были сфотографировать вместе. Почему?

Ответ, мне кажется, очевиден. Досужие репортеры наверняка бы задали главный вопрос: чего ради Доди и Диана прилетали в Париж? Просто убегать от вспышек фотоаппаратов? Посидеть в апартаментах Доди? Пообедать в ресторане? Нет, это слишком просто и очевидно. А вот неожиданный поворот на виллу в Булонском лесу дает ясный ответ: приезд Доди и Дианы был связан непосредственно с будущей реставрацией виллы. И это значит, будущее Дианы и Доди было предопределено

Мохаммедом аль-Файедом: он готовил свадьбу. И ему было очень важно укрыть эту поездку своего сына и будущей невестки как можно большей полосой тумана. Главное, чего добивался аль-Файед, — чтобы в прессу не просочились слухи о его личной подготовке виллы к реставрации и причастности Дианы к этой вилле.

На тот осмотр виллы в Булонском лесу ушло чуть более получаса. Диана, как отметят потом охранники, была не особенно впечатлена. Может быть, она чувствовала себя уставшей.

Затем Диана и Доди сели в свой «Мерседес» и поехали в отель «Ритц». За их автомобилем, как того требовали правила службы безопасности, поехал другой, за рулем которого сидел выпивший Анри Поль. Было около половины пятого дня.

Одно только это изменение заранее запланированного маршрута не на шутку заставило нервничать работников службы безопасности аль-Файеда. Ведь в их главную обязанность входило не только обеспечение безопасности Доди и Дианы, но и ограждение их от назойливых папарацци. Как правило, такая работа требует тщательно выверенных действий всех сотрудников, предельной четкости исполнения составленного плана действий. Меняя же, как ему захочется, маршрут поездки, Доди разрушал всю предварительную работу сотрудников, заставляя их лихорадочно составлять новые планы по обеспечению безопасности. Следует отметить, что с появлением в его жизни Дианы работа сотрудников безопасности стала для них крайне напряженной и нервной. И многие из них стали задумываться об уходе.

Так было и в тот день, 30 августа 1997 года. Доди и Диана приехали в отель «Ритц». Диана потребовала отдыха. Не шутка — еще утром она нежилась на пляже в Сен-Тропе, перелет, гонка с папарацци… Она устала и нервничала. Но немного времени отдыха — и она уже звонит своей подруге в Лондон и заявляет, что безмерно счастлива. Было от чего: пока она отдыхала, Доди заказал для нее у известного ювелира бриллиантовое кольцо. Не обручальное ли?

Было семь часов вечера. Отдохнувшая и повеселевшая Диана отправилась с Доди в его апартаменты. За ними следовал автомобиль с охраной и — неотступные репортеры. Правда, работники службы безопасности провели упредительную беседу с папарацци, убедительно попросив последних не лезть под колеса автомобиля Дианы и Доди. Все пока обходилось.

Но следовало учесть то, что первые газеты с фотографиями этой самой известной на тот день в Париже пары уже вышли. И остаться другим газетам без фотографий значило потерять

тиражи. Поэтому количество репортеров непосредственно перед апартаментами Доди возросло в разы. Если бы в данной ситуации Диана не стала играть роль убегающей кошки, все могло бы быть иначе. Но она упрямо решила, что может управлять прессой, и наотрез отказалась дать возможность репортерам сфотографировать ее с Доди.

Тут сделаем маленькое замечание: уже не только сама Диана принимала решение, как ей вести себя с репортерами — за ее спиной стоял миллиардер Мохаммед аль-Файед. И она была вынуждена, как содержанка, считаться с его требованиями.

Целая толпа папарацци ожидала, когда остановится автомобиль с Доди и Дианой у апартаментов. Охранникам Доди пришлось буквально отталкивать папарацци, которые напирали со всех сторон. Диана, пригнув голову, вместе с Доди скрылась в апартаментах. Папарацци остались на улице, возмущенные тем, что им не дают работать.

В апартаментах Диана и Доди пробыли почти до десяти часов вечера. Потом вышли. По плану они направлялись сейчас в ресторан. В какой конкретно — охранники не знали. И только уже на пути в машину Доди сказал название ресторана.

Папарацци не могли упустить этот момент — от них требовали фотографий. И опять Диана почти бегом спешит к машине, отдельно от Доди аль-Файеда. Она опять играется.

Это поведение для меня совершенно непонятно. Ведь всему миру уже известно, что вы вместе, что вы любовники. Выйдите же спокойно, пусть вас снимут эти ребята — у них ведь такая работа, у них задания редакций. В чем их вина? Неужели Мохаммед аль-Файед думал, что сможет обвести вокруг пальца целую армию репортеров, живя в центре Европы?

Автомобиль Доди и Дианы начинает двигаться, и за ним устремляются папарацци. Наученные дорожными пробками, большинство из них использует мотоциклы — весьма выгодный вид транспорта в городе. Один рулит, второй, сзади, снимает. Вся улица ожила в один момент. Репортеры прижимались к машине, обгоняли ее, выезжая на тротуар, распугивая редких пешеходов. Та еще была картина…

В другой машине тем временем охранники пытаются связаться со службой безопасности ресторана, в который сказал ехать Доди. Все уже почти договорено… Но тут Доди неожиданно меняет свое решение — они будут ужинать в ресторане отеля «Ритц».

А репортеры следуют неотступно. Личные охранники аль-Файеда не успели связаться со службой безопасности отеля. И специальная площадка для автомобиля Доди и Дианы

подготовлена не была. Диана опять, наклонив голову, под прикрытием охранников бежит из машины внутрь здания, затем туда направляется Доди. Они ни за что не хотят, чтобы их сняли вместе! Ну что за дурацкое поведение! Ведь очевидно же, что это только провоцировало репортеров на отчаянные действия, на нарушение всяких этических норм.

Доди опять изменил свое решение — он заказал ужин в тот самый номер, Имперский, который был забронирован за Дианой. Он (или отец за его спиной) посчитал, что в ресторане им все равно не дадут спокойно поужинать.

Для охранников наступило два часа отдыха. Если ужин в номере, думали они, то и на ночь пара останется в нем. Зачем же куда-то еще переезжать?

Но у Доди аль-Файеда были свои планы. К охранникам внизу в отеле неожиданно приходит тот самый охранник, Анри Поль, и излагает им предстоящий план, который он только что получил от Доди аль-Файеда. План таков: Доди и Диана выходят из отеля через другой выход, садятся в машину Анри Поля, которая будет подана дополнительно. В это время сами охранники стоят у главного входа, нервно поглядывают на часы и иными действиями демонстрируют, что готовы встретить Диану и Доди, которые вот-вот спустятся вниз. Это отвлечет папарацци, в то время как автомобиль Анри Поля со звездной парой спокойно покатит в апартаменты Доди.

Охранники были не просто в недоумении — услышанное повергло их в шок. По должностной инструкции им категорически запрещалось оставлять охраняемые персоны! Они не могли оставить без своего присмотра на улице Диану и Доди, за это не просто увольняют, за это лишают лицензии. Это называется должностным преступлением. Мало того, передвижение по городу Доди и Дианы в автомобиле было возможно только при наличии другого автомобиля, который бы сопровождал первый.

Охранники тут же попытались связаться со штаб-квартирой в Лондоне и доложить о том, что их вынуждают нарушать инструкцию в нескольких пунктах. Как им поступать?

Но Анри Поль не дал сделать этих звонков. Он авторитетно заявил, что этот план одобрен лично Мохаммедом аль-Файедом — отцом Доди.

Таким образом, стало предельно ясно, что вовсе не Доди «командовал парадом». Вся жизнь этой «сладкой парочки» не только всегда находилась под неусыпным взором старшего аль-Файеда, но и вся она была расписана под его диктовку. Аль-Файед принимал решения: где отдыхать паре, какой подарок

покупать Диане, в каком ресторане ужинать и где, простите, заниматься сексом. Диане только казалось, что она — центр, но она была не центром, а только находилась в центре внимания миллиардера. Он умел так ловко дергать за ниточки, что у принцессы создавалось впечатление, будто она по своему желанию поднимает руки…

Когда охранники в холле застыли в нерешительности, появился Доди и сказал, что им необходимо выполнять тот план, который изложил Анри. Старший охранник принялся спорить, доказывая, что так поступать — безрассудно. Но единственное, в чем он сумел убедить Доди — так это то, что в машину с Дианой и Доди сядет еще один телохранитель.

Вообще, роль Анри Поля в этой истории настораживает больше всего. Он не имел звания старшего в личной службе безопасности аль-Файеда, не уполномочен был общаться с прессой, он всего лишь возглавлял охрану отеля. Но тут вдруг он стал выходить к репортерам, говорить им о том, что через сколько минут появятся Диана и Доди. Делал это несколько раз. Его игра, а это была, несомненно, игра, была настолько неуклюжа, что репортеры без труда ее раскусили. Часть из них засела вблизи всех возможных выходов из отеля.

Наступила полночь. Прошло еще четверть часа, Диана и Доди вышли из номера и спустились к одному из задних выходов из отеля. В 00.19 к этому выходу служащий отеля подогнал «Мерседес», новый автомобиль, незнакомый репортерам. Те насторожились. В это время Анри Поль выбежал навстречу автомобилю, забрал ключи у служащего, распахнул двери. Папарацци все поняли.

Доди аль-Файед, Диана и один из охранников быстро вышли из отеля и уселись в машину. Как и требовала инструкция, охранник сел рядом с водителем, Анри Полем. Позже будет доказано, что никто из севших в машину не пристегнулся ремнем безопасности.

Папарацци заводили свои мотоциклы и автомобили. Анри Поль, возбужденный и предстоящей гонкой, и спиртным, крикнул им, подзуживая, что пусть и не пытаются догнать. Этот выкрик был глупой шалостью с огнем.

Ровно в 0 час 20 минут ночи автомобиль с Доди и Дианой рванул от отеля «Ритц».

В это время к главному входу, пытаясь одурачить репортеров, были поданы два автомобиля, на которых приехали сюда Диана, Доди и охранники службы безопасности. Они постояли минуту, потом отъехали, в надежде, что папарацци последуют за ними. Но эта неуклюжая попытка провести профессиональных журналистов

была провальной: никто даже взглядом не повел им вслед. Все репортеры уже знали, что в нарушение всех инструкций охраны Диана и Доди уехали в одной машине, без автомобиля сопровождения.

Замечу, что уже только этот факт, опубликованный назавтра в газетах, мог стать сенсацией. Если к нему еще и снимок одиночного автомобиля с Доди и Дианой внутри… И папарацци рванулись в надежде такой снимок заполучить.

Сейчас я уверен, что Доди аль-Файед получил от своего отца грозное указание: репортеры не должны снять Доди и Диану вместе. И тем более в автомобиле. Но если это могло быть выполнено в тех автомобилях, которые сейчас напрасно пытались дурачить репортеров, то в этом «Мерседесе», в котором ехали любовники, этого гарантировать было нельзя. Потому что в тех автомобилях были тонированные стекла. В этом — нет.

Анри Поль понимал это. Попасть в апартаменты Доди аль-Файеда можно было двумя путями: коротким и длинным. Короткий путь лежал по одной из оживленных улиц, со многими перекрестками, а значит, и светофорами. На светофорах для папарацци существовала возможность проявить свое мастерство и сделать вожделенные снимки. Анри Поль решил ехать длинной дорогой — без перекрестков. Здесь можно было развить большую скорость и оторваться.

Эта дорога шла по набережной Сены. На одном участке она ныряла в тоннель. Доди сделал выбор и свернул на набережную Сены.

Репортеры на мотоциклах и автомобилях неслись за ним.

Охранники Доди и Дианы на двух других автомобилях пытались догнать машину Анри Поля, понимая, что им во что бы то ни стало надо находиться рядом с охраняемыми персонами. Тем более в такой ситуации, когда папарацци буквально атаковали «Мерседес».

Скорость, с которой автомобилям разрешено ехать по улицам Парижа, — 50 км/ч. Анри Поль выжал в первые же секунды все 100 км/ч из своего автомобиля. Ехать с такой скоростью по городским улицам, пусть и в ночное время, было не просто нарушением правил дорожного движения — это было очень опасно. Поэтому-то, подъезжая к тоннелю, который проходил под площадью Альма, Анри Поль ликовал — он далеко позади себя оставил преследователей.

Ему бы сбросить скорость…

Потому что въезд в тоннель под площадью был достаточно опасным. Как и сам тоннель. Его проложили в 1956 году. За последние 15 лет его существования в нем произошло 34 аварии,

большие и малые. Погибли 8 человек, еще столько же получили различные тяжелые травмы. Особенность тоннеля была в том, что дорога уходила вниз, на ней имелся небольшой бугорок у самого въезда. А дальше следовал достаточно крутой поворот.

Вместо того, чтобы сбросить скорость, Анри Поль добавил газу. Позже выяснится, что скорость автомобиля подскочила до 150 км/ч. Одновременно с «Мерседесом» с боковой дороги в тоннель въезжал еще один автомобиль, «Фиат», на небольшой скорости. Столкновение с ним было почти неминуемым. Чтобы избежать этого, Анри Поль резко повернул влево. Но все же зацепил «Фиат». В этот самый момент автомобиль Анри Поля подбросило на том самом бугорке. Будь его скорость меньше — все бы обошлось, но сейчас «Мерседес» буквально взлетел. Когда он встал на свои колеса, Анри Поль уже не мог управлять им.

«Мерседес» занесло вправо, и на всей скорости он врезался в колонну. От колонны — в стену.

Переда автомобиля практически не стало.

Это случилось в 00.23. Через три минуты после того, как автомобиль отъехал от отеля «Ритц».

Первым на место катастрофы подъехал на мотоцикле репортер Ромуальд Рэт.

Водитель-охранник Анри Поль был мертв. Шейные позвонки были сломаны, разорвана аорта. Рулевая колонка переломала ребра. Сломаны были кости таза и ног. Как позже покажет вскрытие, в крови Анри Поля содержался алкоголь, в три раза превышающий допустимую во Франции норму для водителей. Кроме этого, в крови обнаружатся транквилизаторы и антидепрессанты.

И этому человеку Мохаммед аль-Файед доверил безопасность и жизнь своего сына и потенциальной невестки. Охранники потом вспомнят, что, еще ожидая Доди и Диану в баре отеля, они видели Анри Поля со стаканом какой-то желтоватой жидкости. Он отшутился, дескать, сок, но это был алкогольный коктейль.

У охранника рядом с водителем лица не было — было плоское кровавое месиво.

Репортер Рэт лихорадочно стал вызывать полицию и «Скорую помощь», еще боясь открыть задние двери автомобиля.

Но открыл.

Тело Доди аль-Файеда было изуродовано таким образом, что сомнений не оставалось — он мертв. Его позвоночник был переломан так, что разорвало спинной мозг. Обе ноги были переломаны сразу в нескольких местах.

Рэт боялся опустить глаза — на полу лежала принцесса Диана. Непостижимым образом ее голова оказалась зажатой

между спинками передних сидений и неестественно вывернута. Так же вывернута была и ее правая рука — она, очевидно, была сломана. Пол был усеян жемчужинами из ожерелья Дианы. Самым невероятным было то, что коврик с пола оказался не под, а над Дианой — она словно была укрыта им.

Рэт заметил, что грудь Дианы всколыхнулась, он взял ее за руку, стал нащупывать пульс. В этот момент Диана издала стон.

Тем временем, в туннель въезжали другие репортеры. Последовали вспышки многочисленных камер — каждый делал свою работу. Можно осуждать, негодовать, проклинать этих бесчеловечных папарацци, но такова их жизнь — снимать, забыв о своих человеческих чувствах.

Тем не менее среди репортеров нашлись те, которые пытались воззвать к состраданию и этике. Завязалась словесная перепалка и небольшая потасовка.

Останавливается автомобиль, который следовал из противоположной стороны тоннеля. В нем находится врач Фредерик Майлье. Он остановился, увидев страшную аварию, бросился к машине, даже не спрашивая, кто в ней. Быстро осмотрел всех пострадавших, обратил внимание на женщину — внешние повреждения были не очень заметны, кроме сломанной руки, кровотечений тоже не было. Врач взял из своего автомобиля кислородную маску и приложил к лицу Дианы — он заметил, что дышала она с трудом. Кислород подействовал. Диана открыла глаза и заговорила по-английски. Репортеры тут же перевели — принцесса говорила, что ей очень больно.

Через семь минут, в 00.30, подоспели полицейские. Еще через три минуты — специализированная группа пожарных. Диане сменили кислородную маску и укрыли специальным изотермическим одеялом. Она опять открыла глаза, и старший группы пожарных явственно услышал, как принцесса спросила, что случилось. Она еще выдохнула что-то вроде «боже мой». И замолчала.

Во Франции, действуя строго по правилам разработанной системы спасения в катастрофах всех типов, пострадавшего не станут вытаскивать из автомобиля или другого транспортного средства до приезда реанимационной группы, если ему, пострадавшему, ничего больше не угрожает. Поэтому никаких действий в отношении Дианы до приезда реаниматоров не предпринималось. Это может показаться странным, это может быть осуждаемо, но это очень правильно. Только врач может понять тяжесть травмы и решить, как извлечь человека из покореженного авто. Если, например, у человека сломан позвоночник, а он еще жив и кто-то начнет его поднимать — это

может закончиться разрывом спинного мозга и смертью пострадавшего. Все, что можно было сделать до приезда специальной группы врачей, было сделано.

В 00.40 реанимационный автомобиль остановился около покореженного «Мерседеса». К этому времени в тоннель прибыла помощник государственного прокурора, которая распорядилась оградить место аварии.

Диане попытались поставить капельницу прямо в салоне автомобиля, но она вдруг стала отбиваться от прикосновений, размахивать уцелевшей левой рукой.

Пока достать Диану из автомобиля было невозможно. Ей измерили давление, стабилизировали дыхание. Пожарные отчаянно, с помощью инструментов, пытались освободить доступ к Диане. Наконец, когда стрелки часов показывали час ночи, Диану смогли достать из автомобиля. Когда ее положили на носилки, сердцебиение внезапно остановилось. Включили аппарат искусственной вентиляции легких, делали искусственный массаж сердца. Сердце забилось, но еще четверть часа были очень напряженные — состояние не было стабильным.

В половине второго ночи, после наступившего стабильного состояния, давление у принцессы стало резко падать. Врачи сделали нужный укол, но все указывало на тяжелое внутреннее кровотечение. Нужно было срочно оперировать Диану в стационарных условиях. Между тем любое сотрясение тела могло привести к непредвиденному исходу. Но реанимационный автомобиль все же повез Диану в больницу, медленно, стараясь избежать малейших толчков. В дороге давление принцессы стало опять резко падать, потребовались остановка автомобиля и еще один укол.

У больницы автомобиль с Дианой уже ожидали. Носилки взялись нести министр внутренних дел Франции и его помощник. Здесь же был посол Англии.

Сделали рентгеновский снимок. Он подтвердил худшие опасения — обширное внутреннее кровотечение в груди. Кровь, вытекая, тут же сворачивалась, обволакивая сердце и легкие, не давая им работать. Врачи сделали дренаж — стали выводить кровь наружу, одновременно делая вливание крови.

Но в 2.10 сердце Дианы остановилось. Экстренно была вскрыта грудная клетка, найден источник кровотечения. Оказалось, что от удара сердце Дианы сместилось со своего места. Это был страшный признак. Очищая грудную клетку от крови, делали прямой массаж сердца. Обнаружился разрыв вены на легком. Кровотечение остановили полностью, но сердце самостоятельно работать не хотело. Не помог и последний способ

— дефибриллятор.

Прошло два часа реанимационных действий. Сердце остановилось ровно в 4 часа утра.

Врачи констатировали смерть принцессы Дианы.

Какой бы ни была жизнь человека, смерть всегда вызывает боль и сострадание. Я знаю, кем была Диана и какой она была. И мне все равно ее жаль. Потому что смерть уравнивает всех. Поэтому я описываю последние минуты жизни и саму смерть Дианы так подробно. Мне хочется, чтобы и у вас дрогнуло сердце. Не будем мстительны. Не будем циничны. Кто знает…

Мохаммед аль-Файед утром забрал своего сына из морга — мусульманский обычай требовал похоронить тело до заката солнца. Принцессой Дианой он особо не интересовался.

А в Париж из Англии спешили дворецкий Пол Баррелл, последний, кто оставался с принцессой Дианой, и еще слуги. В Париже Полу позвонил из Англии принц Чарльз и сообщил, что вылетает вместе с сестрами Дианы Джейн и Сарой. И попросил держаться.

Принц Чарльз узнал о катастрофе в тоннеле через час после произошедшего в своем поместье в Балморале. Его постоянно держали в курсе всего происходящего. О смерти своей бывшей жены принцессы Дианы он узнал через минуты после констатации ее врачами. Принц не ложился, он вышел из дома и до самого утра ходил в одиночестве по парку. Смерть Дианы не просто потрясла его — слуги вспомнят, что таким потерянным они принца никогда не видели. Чарльз ходил в одиночестве. О чем он думал? Это нам неизвестно. Принц Чарльз не выставлял своих переживаний на всеобщее обозрение.

Наступило утро, было уже больше семи часов. Принц знал, что ему нужно идти к детям — Уильяму и Гарри. И сказать им, что их матери больше нет в живых. Это были самые страшные минуты для него как для отца. Дети были безутешны.

Потом… Потом принцу Чарльзу предстояло решить вопрос похорон.

Да, вот так получилось: для принца Чарльза Диана стала никем, простой женщиной, бывшей женой. Но он видел в ней другое — мать своих детей. И он решил, что Диана должна быть похоронена со всеми королевскими почестями. Этот вопрос долго обсуждался с королевой и ее мужем. У Дианы после развода, насколько мы помним, не сохранилось титула «Ее королевское высочество», но принц Чарльз настаивал на том, что Диана — мать наследника. Чарльз хотел отдать все последние почести некогда любимой им женщине истинно по-королевски.

И королева согласилась.

Это значит, что тело Дианы из Парижа привезут не обычным коммерческим рейсом, а на самолете королевских ВВС. Потом гроб с телом будет доставлен в королевскую часовню. И, безусловно, на всем пути тело принцессы Дианы будет в сопровождении королевских гвардейцев. Королева предложила также похоронить Диану на кладбище Виндзоров — на своем семейном.

Англичане восприняли весть о смерти принцессы как о смерти кого-то близкого. Это неудивительно: столько лет вся личная жизнь принцессы проходила у них на глазах. Какая она ни была, эта жизнь, но она вызывала живой отклик, споры, пересуды. Смерть принцессы вылилась в национальное горе — тысячи людей шли к Кенсингтонскому дворцу, несли свечи, фотографии, цветы. 31 августа в Лондон ехали и ехали люди — каждый час в город прибывало до шести тысяч человек.

Вечером военный самолет доставил тело принцессы в Лондон. На военном аэродроме его встречали принц Чарльз, сестры Дианы, дворецкий Пол Баррелл.

Траурная процессия проследовала в центр города, на своем пути встречая замершие автомобили. В некоторых местах в городе улицы были устланы цветами.

У английской монархии, просуществовавшей сотни лет, на все случаи был свой распорядок. Даже на похороны. Но на этот раз королева уступила желаниям англичан и проявила свое сострадание целым рядом нарушений всех традиций.

Никогда, даже во время смерти монарха, над королевским дворцом не приспускался флаг — ведь если умирал один король, у него был наследник. Но в эти дни флаг над Букингемским дворцом был приспущен.

Никогда еще раньше королева Англии не выступала по телевидению с обращением к нации по случаю чьей-либо смерти. На этот раз она выступила. Она прервала свой отпуск. Отменила визиты.

И еще королева сделала то, что делала лишь тогда, когда перед ней были главы иных государств, — королева склонила голову перед гробом с телом принцессы Дианы.

Казалось, Диане простили все и простили все сразу.

В часовню, где стоял какое-то время гроб с принцессой, принц Чарльз принес букет белых лилий — любимых цветов принцессы. Какое-то время он находился один возле гроба. Впоследствии, когда его спросят об этих минутах, принц скажет, что он не видел Дианы той, которой она была после смерти. Он видел в гробу ту, с какой когда-то встретился и какой сделал предложение: юную и

неунывающую, озорную, полную энергии и веселья.

Из часовни гроб с телом принцессы был перевезен в бывшие (да, уже бывшие!) апартаменты Дианы, в Кенсингтонский дворец. Эту ночь он простоял в большом вестибюле. Вокруг были венки и букеты цветов — белые розы, белые лилии, белые тюльпаны. В этом стремлении украсить все в белые цветы принц Чарльз руководствовался не только тем, что Диана любила белые лилии. Он хотел показать всем, что Диана уходит из этого дома прощенная, просил всех простить ее.

Звучала музыка. Среди иных мелодий — хит Элтона Джона, который когда-то он посвятил Мэрилин Монро. Этот хит назывался «Свеча на ветру», и его очень любила Диана. Не могу не сказать о том, что спустя несколько дней Элтон Джон перепишет слова песни уже в память о принцессе Диане. Теперь хит стал называться «Прощай, роза Англии». В первый день продажи, через две недели после похорон Дианы, будет продано почти 700 тысяч копий сингла. Всего же за все время продажи составят 37 миллионов экземпляров — абсолютный мировой рекорд. И пусть это кому-то говорит о любви народа к Диане, но для меня этот факт переделки известного хита пахнет дурно. Я вижу здесь, кроме всего прочего, и алчную попытку сделать деньги в очередной раз на уже мертвой Диане.

Назавтра гроб был закрыт. На нем появился королевский штандарт, большой венок. Восемь королевских гвардейцев вынесли гроб во двор, где уже ожидала траурная повозка: шестерка черных коней, запряженная в лафет старинного орудия. Диану провожали по настоянию принца со всеми королевскими почестями.

В траурной процессии, которая двигалась по улицам Лондона, были дети Дианы — Уильям и Гарри. Неожиданно брат покойной Дианы Чарльз выступил против участия детей в этой церемонии. Мол, сама Диана не одобрила бы этого. Это было нелепо — сыновья Дианы не раз вместе с ней навещали больницы и приюты. Они видели уже многое. Лишить их возможности проводить в последний путь свою мать было жестоко. Принц Чарльз отстоял право детей быть в церемонии. Тем более они сами просили об этом.

Прощание с принцессой Дианой проходило в Вестминстерском аббатстве.

Очень неожиданно некрасиво повел себя родной брат принцессы, Чарльз. Вместо теплых слов прощания с сестрой, с которой он не помирился при жизни, он вдруг принялся выговаривать принцу Чарльзу и его матери, хвастаться знатностью своего рода. И уж совсем неожиданным было его

заявление о том, что он готов взять на воспитание сыновей Дианы. В этом не было никакой необходимости, он это понимал. Объяснил он свое желание тем, что, дескать, бедные мальчишки не вынесут всей тяжести королевской машины. Это была игра на публику, граф хотел как можно сильнее уязвить королевскую семью. Но его выпад был встречен с одобрением у части публики.

Все было просто — когда случается такая потеря, толпе нужен виновный. И хотя королева и ее сын были дальше от причин смерти Дианы, чем последний французский репортер, толпа жадно ловила хоть малейший намек на виновность кого бы то ни было. В выпаде брата Дианы Чарльза был намек на виновность в смерти Дианы королевской семьи. И он стал той искрой, которая спустя время родила бушующие островки пламенной ненависти.

Но выпад графа Чарльза на этом не закончился. Когда встал вопрос о месте захоронения принцессы, было решено исполнить ее завещание и захоронить тело в фамильном склепе в старинной церкви. Но Чарльз вдруг заявил, что Диана будет похоронена в имении Элторп — там, среди небольшого озера, есть остров.

Граф Спенсер при этом высокопарно заявил, что там Диана будет дома. Это было ложью — в замке Элторп Диана давно не чувствовала себя как дома, кроме того, именно он, Чарльз Спенсер, дал понять Диане, что не желает ее видеть рядом с собой. Живой, во всяком случае. Мертвая Диана стала привлекательной для графа — он уже в тот момент понял, что ее могила станет местом паломничества как минимум на два поколения. А где паломники — там и деньги.

Из Вестминстерского аббатства катафалк с гробом принцессы тронулся в длинный путь — от Лондона до поместья Элторп было чуть более ста километров. И тысячи людей на автомобилях сопровождали процессию, которая растянулась на несколько километров. Безутешные поклонники Дианы мечтали о том, чтобы увидеть момент предания тела земле. Тем более им казалось, что граф Чарльз Спенсер, выступивший так резко против королевской семьи, стал на сторону простого народа.

Но это были зряшные надежды. Как только катафалк и родные Дианы достигли поместья Элторп, массивные ворота закрылись перед многотысячной толпой сопровождения. Граф Спенсер никого не впустил, кроме тех, кого счел нужным видеть у могилы сам.

Никто из королевской семьи не присутствовал на самих похоронах, впрочем, этого и не требует традиция. При опускании гроба у могилы стояли только сестры Дианы, ближайшие родственники и дворецкий Пол Баррелл.

Остров с названием Эвол на небольшом озере в поместье Элторп стал последним убежищем принцессы.

Принцессы не стало.

Наверное, будет к месту привести несколько фактов, которые произошли после ее смерти.

Египетский миллиардер Мохаммед аль-Файед обвинил спецслужбы Англии в том, что катастрофа с его сыном и Дианой была подстроена. Он был не единственным, кто бросился искать виновных в этой ужасной аварии среди спецслужб. Несколько месяцев Англия жила вопросами: это была случайность или все было подстроено? Кому это было выгодно? Кто за этим стоял?

Практика расследований говорит, что если найти ответ на вопрос: кому это выгодно, то расследование можно считать успешным. Кому была выгодна смерть Дианы? Положим руку на сердце и признаемся: английской монархии. Диана до такой степени уже дискредитировала корону и не собиралась останавливаться, что нужно было принимать реальные меры. Ее возможное замужество с Доди аль-Файедом вносило весьма неприятные перспективы в государственные дела.

Но хроника событий в парижском туннеле восстановлена до минут. Но Анри Поль был пьян. Но скорость «Мерседеса» была громадной.

Но я также уверен, что сам Мохаммед аль-Файед чувствовал свою собственную вину во всем произошедшем. Именно он составлял план пребывания Доди и Дианы в Париже, именно он потребовал от службы безопасности, сына и Дианы максимально уберечь себя от фотоснимков папарацци.

Виновными англичане сделали французских папарацци. И в этом в какой-то мере есть своя правда. Не станем этого отрицать. Что ж, пресса сделала Диану розой Англии, пресса ее и убила.

Наверняка вам будет интересно знать, что же случилось с принцем Чарльзом?

Он женился. Обратите внимание — он женился не после развода, а спустя несколько лет после смерти Дианы. Да, он женился на Камилле — она разошлась с мужем. Истинная интеллигентность этой женщины и ее аристократичность были и в том, что после развода она сохранила дружеские отношения с мужем. И он, бывший муж, был среди первых в списке гостей на свадьбе принца Чарльза и Камиллы.

Прошло несколько лет, Англия справилась со всеми потрясениями. Вернул свои позиции и королевский двор. Вернулись традиции. О принцессе Диане написано немало книг, сделаны фильмы — все стремились не упустить горячее время и сделать себе имя и деньги. Моя собственная попытка взглянуть на

принцессу Диану глазами, свободными от различного рода цветных стекол чужого мнения, вылилась вот в эту книгу.

Вы помните английскую детскую загадку о нелетающей птице? Напомню ее: какая птица не может летать? Мертвая, звучит ответ.

Очень многое в этой жизни оказывается куда проще и прозаичнее.

Почему принцесса Диана не стала королевой Англии?

Потому что английская королева может себе позволить в нужный момент стать стервой. Но стервы в Англии не становятся королевами.

Литература

Bradford S. Diana. — London: Penguin Books, 2007.

Brandreth G. Charles and Camilla: Portrait of a Love Aff air. — London: Century, 2005.

Brown T. The Diana Chronicles. — London: Century, 2007.

Campbell C. Diana in Private: The Princess Nobody Knows. — London: GK Hall, 1993.

Campbell C. The Real Diana. — London: Arcadia Books, 2004.

Courtney N. Diana: Princess of Wales. — London: Park Lane Press, 1982.

Davies N. Diana: A Princess and Her Troubled Marriage. — New York: Birch Lane Press, 1992.

Gregory M. Diana: The Last Days. — London: Virgin Books, 2007.

Howell G. Diana: Her Life in Fashion. — London: Pavilion, 1998.

Junor P. Diana Princess of Wales: A Biography. — London: Sidgwick& Jackson, 1982.

Martin R. Charles and Diana. — New York: Putnam, 1995.

Morton A. Diana: Her New Life. — London: Michael O'Mara Books, 1994.

Morton A. Diana: Her True Story — In Her Own Words. — London: Michael O'Mara Books, *Morton A.* Diana: In Pursuit of Love. — London: Michael O'Mara Books, 2004.

Simmons S. Diana: The Last Word. — London: Orion, 2006.

Whitaker J. Charles vs. Diana: Royal Blood Feud. — London: Signet, 1993.

Simmons S. with Hill S. Diana: The Secret Years. — London: Michael O'Mara Books, 1998.